

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 2 2020 (ФЕВРАЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

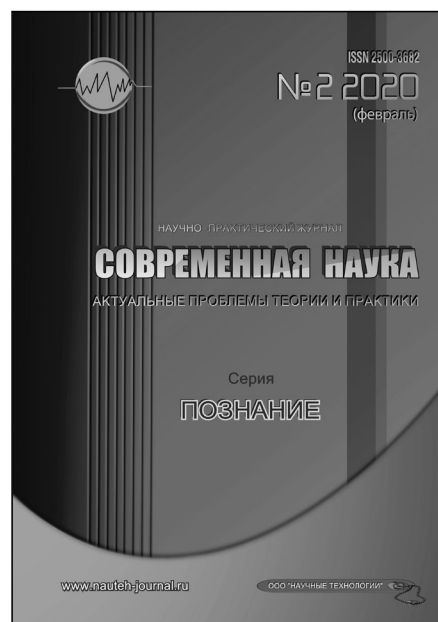
Подписано в печать 20.02.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 2 февраль 2020 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Слюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Ван Дань — Эволюция китайского этикета приветствия после Синьхайской революции
Wang Dan — The evolution of Chinese etiquette greetings after the Xinhai Revolution 5

Го Тинтин — Интерпретация и наследование китайского традиционного искусства
Guo Tingting — Interpretation and inheritance of Chinese traditional art 9

Дударева М. А. — Апофатические состояния в русской словесности: часть I. Культура перевода
Dudareva M. — Aporphatic conditions in russian word: part I. Culture of translation 13

Дударева М. А. — Апофатические состояния в русской словесности: часть II. Брюсов и традиционная народная культура
Dudareva M. — Aporphatic conditions in russian word: part II. Brusov and traditional people's culture 16

Плотникова Е. А., Мамаева Л. А. — Драматургия Дмитрия Богославского (на материале пьесы «Любовь людей»)
Plotnikova E., Mamaeva L. — Dramaturgy by Dmitry Bogoslavsky (based on the play "The love of people") ... 22

Симонова И. Ф., Бернадская К. В. — Имидж театра
Simonova I., Bernadskaya K. — Theater image 28

Психология

Бахарева Я. А., Агавелян О. К. — Формирование смысложизненных ориентаций у лиц с нарушенным слухом
Bakhareva Ya., Agavelyan O. — The formation of life-meaningful orientations in people with hearing loss 34

Вареца Е. С., Дохойян А. М., Белоус О. В. — Оптимизация адаптации первокурсников с ОВЗ в пространство вуза
Varetsa E., Dokhoyan A., Belous O. — Optimization of adaptation of first years with disabilities of health to the university 40

Еремеева В. А. — Личностные характеристики врача как условие эффективного применения высокотехнологических методик в ЛОР-диагностике
Eremeeva V. — Personal characteristics of a doctor as a condition for the effective use of high-tech techniques in ENT-diagnostics 45

Киселева А. А., Кузьмин М. Ю., Малых Т. А. — Особенности взаимосвязи копинг-стратегий и психологических защит педагогов
Kiseleva A., Kuzmin M., Malykh T. — Features of interrelation of coping strategies and psychological protections of teachers 50

Колиснык Ю. С., Гунькин И. В. — О некоторых проблемах разрешения конфликтных ситуаций в процессе осуществления следственной деятельности
Kolisnyk J., Gunkin I. — On some problems of conflict resolution in the process of investigative activities 55

Мещерякова Э. И., Костюкова Т. А., Ларионова А. В., Зятькова Е. О., Киселева П. В. — Личностные и возрастные характеристики китайских и индийских студентов с позитивными гетеростереотипами по отношению к России
Meshcheryakova E., Kostyukova T., Larionova A., Zyatkova E., Kiseleva P. — Personal and age characteristics of chinese and indian students with positive heterostereotypes relating to Russia 58

Нерсисянц А. В. — Психология справедливости как направление исследований в рамках российской персонологии
Nersesyants A. — Psychology of justice as a direction of research in the framework of russian personology 64

Требухина Е. А. — Формирование устойчивости нравственного выбора дошкольников <i>Trebuhina E.</i> — Formation of sustainability of moral choice of preschoolers 71	Стецюк К. С. — Философские системы И. В. Гёте и Л. Фейербаха как источники формирования философии культуры классического психоанализа <i>Stetsyuk K.</i> — The philosophical systems of I.V. Goethe and L. Feuerbach as sources of formation of the philosophy of culture of classical psychoanalysis. . . . 91
Ястребова Л. А., Соколова О. В., Скиба Н. В. — Нейропсихологическая коррекция в работе по формированию психомоторной готовности к овладению письмом у младших школьников <i>Yastrebova L., Sokolova O., Skiba N.</i> — Neuropsychological correction in the work on the formation of psychomotor readiness for possibility by letter at younger schoolchildren 76	Титова В. О. — Роль кодексов этики в профессионализации социальной работы в США и России <i>Titova V.</i> — The role of codes of ethics in professionalizing social work in the United States and Russia 96
Философия	
Николаева Т. А. — Основания семьи и брака от античности до современности: социально-философский анализ <i>Nikolaeva T.</i> — Foundations of family and marriage from antiquity to the present: social and philosophical analysis 80	Шенер М. В. — «Догоняющее развитие» аргументы за и против <i>Shener M.</i> — «Catch-up growth» arguments for and against 100
Салимгареев Д. И. — Медиативная технология как инструмент интеграции модели бережливого производства <i>Salimgareev D.</i> — Mediation technology as a tool for integrating a lean manufacturing model. 85	Информация
	Наши авторы. Our Authors. 105
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 107

ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКОГО ЭТИКЕТА ПРИВЕТСТВИЯ ПОСЛЕ СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ван Дань

Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток)
wangdan1990112@163.com

THE EVOLUTION OF CHINESE ETIQUETTE GREETINGS AFTER THE XINHAI REVOLUTION

Wang Dan

Summary. After the Xinhai Revolution, China's political system and social structure underwent significant changes, which led to an evolution in social culture, in particular, in social etiquette. The ideology of the feudal hierarchy weakens over time, Chinese society begins to appreciate the idea of equality and democracy. In the 20th century, Chinese greeting etiquette, performed in the form of kneeling, gradually turned into greeting etiquette with hands. The author concludes that traditional etiquette greetings must be inherited critically, creating a multi-level modern system of etiquette, combining international practice and national symbols.

Keywords: China, Xinhai Revolution, traditional culture, etiquette greetings..

Аннотация. После Синьхайской революции политическая система и социальная структура Китая претерпели значительные изменения, что привело к эволюции в социальной культуре, в частности, в социальном этикете. Идеология феодальной иерархии с течением времени ослабевает, китайское общество начинает высоко ценить идею равенства и демократии. В XX столетии китайский этикет приветствия, выполняемый в форме поклонения на коленях, постепенно превратился в этикет приветствия руками. Автор приходит к выводу, что традиционные этикеты приветствия необходимо наследовать критически, создавая многоуровневую современную систему этикета, объединяющую международную практику и национальные символы.

Ключевые слова: Китай, Синьхайская революция, традиционная культура, этикет приветствия.

Эволюция социальных ритуалов и обычаев в современном Китае отражает траекторию его социального развития и является одним из внешних проявлений изменений в этом развитии. После Опиумных войн XIX в., имевших место в Китае, его политическая система и социальная структура претерпели значительную трансформацию, которая в основном включала в себя реформу феодальных традиций, а также принятие и внедрение в жизнь обычаев западной цивилизации. Период Республики, наступивший после Синьхайской революции 1911–1912 гг., играл важную роль в истории Китая. В этот исторический период в стране произошли значительные изменения в экономике, культуре, включая изменения в китайских ритуалах и обычаях. Китайский исследователь У Сюелин подчеркивает, что совершенствование нравов и обычаев в конце династии Цин стало теоретической и практической подготовкой к эволюции ритуалов и обычаев в период существования Республики, а самое начало периода Республики стало важным поворотным моментом в эволюции ритуалов и обычаев [4, с. 138].

Изменения в социальных обычаях, происходящие после Синьхайской революции, включали в себя, в частности, реформирование традиционных дурных привычек феодализма, а также принятие и внедрение в жизнь обычаев западной цивилизации, охватывающих все аспекты традиционного общества. Внутренние требования к со-

временности общества, в частности, влияние обычаев западной цивилизованной жизни, делают эволюцию социальных обычаев более глубокой, чем в любой другой период в истории Китая. Доминирующей идеей на этом этапе является идея равенства.

В китайском феодальном обществе индивидуальность людей была сильно подавлена монархической властью, властью бога, родовой властью, властью мужа. У простых китайцев не было понятия человеческого достоинства. Все это отражало политические требования высокой централизации власти, основанные на феодальном способе производства.

С распадом феодального общества феодальные этикеты также потеряли соответствующую институциональную поддержку. В сочетании с социально-политическими правилами этикета, принятыми в западных странах, которые начали усваиваться в Китае, традиционные феодальные этикеты приняли беспрецедентный вызов. 2 марта 1912 г. Временное правительство Нанкина от имени Временного президента Сунь Ятсена издало приказ «令内务部通知革除前清官厅称呼文» («Приказ Министерства внутренних дел об отмене названий правительственных учреждений цинской династии (1644–1911 гг.)). Этим официальным приказом были отменены старые этикеты династии Цин, такие как Благоговеино преклонить колени и бить челом, Приветствовать рука-

ми (малый поклон, при котором одна рука охватывает сложенную в кулак другую руку), Приветствовать сложенными у груди руками и т.д. Все эти приветствия заменяются этикетными правилами, такими как Отвесить поклон, Снимать шапку, Пожимать руку. Были отменены также обращения «大人» («Да Жэнь»), «老爷» («Лао Е»), сохранившиеся из прошлого и употреблявшиеся вместо «先生» («Господин») и «君» («Цзюнь»). В переписке подписи «顿首» («Дунь Шоу»), «再拜» («Цзай Бай») и другие, отражавшие названия в феодальной иерархии цветов, были заменены новыми терминами. Обычными этикетными правилами, пришедшими из западной цивилизации, в первые годы Китайской Республики стали: снятие шляп, поклоны, рукопожатие, аплодисменты, визитные карточки, чтобы показать, что концепция равенства личностей стала общим сознанием. Буржуазные идеи равенства начали проникать в мелкие подробности общественной жизни [4, с. 139]. В то время как новый стиль этикета становится все более популярным, старый стиль этикета не полностью покинул историческую сцену. Например, обращения «大人» («Да Жэнь»), «老爷» («Лао Е») и другие старые названия обращений по-прежнему имеют широкое распространение среди консервативно настроенных китайцев и народных масс низших социальных слоев. Даже у представителей одного и того же социального класса часто можно было встретить старые и новые этикеты, которые использовались в разных случаях.

Правило этикета «握手礼» («Во Шоу Ли») — пожимать руку в знак приветствия и прощания — стало входить в употребление среди китайцев. В 1930-х гг. «握手礼» («Во Шоу Ли») стало популярным, стало модным этикетом приветствия. Этот этикет приветствия, который не используется членами правительства, стал популярным вместо этикета «跪拜礼» («Гуй Бай Ли») (обряд благоговейно преклонить колени и бить челом). Этикет «握手礼» («Во Шоу Ли») также стал вытеснять этикет «作揖» («Цзо И») (приветствие руками, сложенными вместе) [3, с. 56]. Этикет рукопожатия стал использоваться не только во время встреч и прощаний, но и в качестве поздравления, благодарности или поощрения друг друга.

В XIX в. с проникновением и усиливающимся влиянием западной культуры во всем мире этикет рукопожатия как импортный товар постепенно заменил этикеты и обычаи приветствия других стран. К тому же этикет рукопожатия простой и легко осуществимый, также может отражать равенство обеих сторон.

Рукопожатие — это неизбежная тенденция, которая становится общепринятой в мире. В отличие от Запада, выражающего эмоции через такие близкие контакты, как рукопожатие и объятия, китайская конфуцианская культура полагает, что быть слишком близко от своего

партнера — это проявление неуважительного отношения. Поэтому в Китае, будь то этикет «跪拜礼» («Гуй Бай Ли»), используемый с давних времен, или этикет «拱手礼» («Гун Шоу Ли») и «作揖» («Цзо И»), которые были в моде во времена династии Цин, все они выполнялись на некотором расстоянии от приветствуемых людей, чтобы выразить свое почтение и уважение.

Самое раннее культурное значение этикета «拱手礼» («Гун Шоу Ли») — это протянуть руки и быть связанным, чтобы принести себя в жертву небу и земле. Эти формальные и строгие ритуалы жертвоприношения расширились, чтобы выразить уважение и вежливость к тому же роду (человека).

При рукопожатии необходимо обращать внимание на следующие аспекты. Во-первых, порядок выполнения. Как правило, сначала руку пожимает человек с более высоким статусом. Во-вторых, положение руки. Обе стороны должны держать ладони друг друга правой рукой. В-третьих, сила рукопожатия. Когда пожимаете руку другому, целесообразно это делать сильно, для того чтобы показать сердечность. В-четвертых, отношение к рукопожатию. Когда пожимаете руку, необходимо смотреть друг на друга с улыбкой на лице и немного обмениваться любезностями.

В различных культурах Китая и Запада самая большая разница в исполнении рукопожатия заключается в порядке его исполнения. В западной культурной среде в соответствии с ее принципом «сначала дамы» инициатива по осуществлению рукопожатия исходит от женщин: женщина должна первой протянуть руку, а мужчина должен угодить женщинам, иначе считается, что мужчина не является джентльменом. В традиционной китайской культурной среде требования к женщинам более сдержанны и несуетны, поэтому китайские женщины больше пассивны, а мужчины более активны. С точки зрения порядка реализации рукопожатий, обычные китайские женщины, как правило, менее склонны протягивать руку и выказывать дружбу [2, с. 122].

Этикет «鞠躬礼» («Цзюй Гун Ли») — это обряд отвешивать (делать) почтительный поклон. «鞠躬礼» («Цзюй Гун Ли») является более торжественным этикетом. В современном китайском обществе он используется, в основном, для праздничных, траурных церемоний, реже для официальных социальных случаев. На траурных собраниях при прощании с покойным необходимо отвесить три поклона, которые известны также как самый уважаемый этикет. Люди должны сначала снять шапку перед тем, как отвесить поклон. Необходимо встать навытяжку, смотреть прямо, верхняя часть тела должна быть согнута вперед под углом 10° и ниже. На свадебной церемонии новобрачные также должны отвесить три глубоких

поклона родителям, посаженному отцу и гостям. При общем поклоне можно слегка поклониться, и можно согнуться до 45°. Чем больше степень изгиба (наклона тела), тем большее значение имеет этикет. При выполнении поклона выражение лица должно иметь соответствующее выражение, тело степенно, глаза сосредоточены.

Земной поклон, который лучше всего отражает конфуцианский дух и порядок, является причиной того, почему был отменен обряд на коленях. Для отмены обряда на коленях существуют и внешние причины. До начала опиумной войны западные капиталистические страны стремились установить правительственные и национальные отношения с Китаем в соответствии с собственными требованиями и образцами поведения, направляя дипломатических послов и передавая верительные грамоты императору из династии Цин. Однако правительство династии Цин не признавало западную культуру, считало себя небесной династией и потребовало, чтобы иностранные посланники, как и посланники своих собственных вассальных государств, приветствуя императора, делали три коленопреклонения с девятикратным челобитием (большой церемониальный поклон). Представители западных стран считали, что этот ритуал был унижительным для их страны и монархов, и всегда призывали правительство династии Цин отменить этот дипломатический ритуал.

После Второй Опиумной войны посланники Англии и Франции были постоянно расквартированы в Пекине и неоднократно настоятельно просили встреч с императором династии Цин, но отказывались становиться на колени перед императором. В то время династию Цин возглавлял малолетний император, а государством управляла вдова императора Цыси, которая встречала послов, находясь за занавеской, и которая вежливо отказывалась от непосредственной встречи по той причине, что ей было неудобно встречаться с иностранными посланниками. В феврале 1873 г. вдова императора Цыси сняла занавеску, император Тунчжи (девиз правления императора Му-цзуна, 1856–1875 гг.) принял в свои руки всю полноту власти. Посланники западных стран, расквартированные в Китае, от имени дипломатического корпуса вновь обратились с просьбой о получении аудиенции у китайского императора. После длительных переговоров Китай и иностранные стороны достигли компромисса.

Правительство династии Цин согласилось с тем, что иностранные посланники не могут преклонять колени, так как иностранная сторона заявила, что иностранные посланники не преклоняют колени, когда встречаются с монархом своей страны или другой страны. Посланники просто отвесят три поклона. На этот раз приветствие императора при аудиенции заменили на пять поклонов,

чтобы посланники могли выразить свою исключительную искренность и уважение к императору. 29 июня 1873 г. посол Японии трижды кланялся со сложенными руками, а посланники западных стран, которые были на аудиенции у императора Тунчжи, отвесили пять поклонов [1, с. 19]. Это был первый раз, когда император династии Цин согласился с тем, чтобы иностранные посланники не преклоняли колени перед императором. Это не только изменило старую систему ритуалов предков, которой было более двухсот лет, но и изменило старую китайскую систему этикета, используемую в Китае в течение тысяч лет.

Тот факт, что иностранцы отвесили поклон и приветствовали руками императора Тунчжи, как сильный клин серьезно подорвал авторитет и корни традиционного ритуального земного поклона.

Развитие и изменение всего в мире, кроме внешних факторов, требует наличия необходимых внутренних условий. То же самое относится и к отмене этикета преклонения коленей.

После того, как западные посланники приехали в Китай, они привезли книги, в которых описывались этикеты и ритуалы, принятые в западных странах. Это были такие этикеты, как «西礼需知» («Западные этикеты, которые нужно знать»), «戎礼需知» («Военные этикеты, которые нужно знать») и т.д. В 1860-х и 1870-х гг., когда правительство династии Цин начало посылать за границу различные типы дипломатических миссий и чиновников, чиновник Чжан Дэи в своей книге «航海述奇» («Морские приключения») ясно описал один из таких этикетов: «其君臣相见, 无山呼跪拜礼, 只垂手免冠而已», что означает: «Иностранные министры, встречаясь со своим монархом, не преклоняют перед ним коленей, а только кланяются без головного убора и вытягивают руки вниз». Когда чиновники Чжан Дэи, Бинь Чунь и др. получили аудиенцию у монарха Англии, они таким же образом отдали ему честь [5, с. 546].

После этого, наряду с изданием в Китае различных политических, экономических, правовых, военных, дипломатических, идеологических, культурных книг, в том числе книг, описывающих систему этикета, и представляющих западные страны, увеличилось число китайцев, посылаемых в западные страны правительством династии Цин. Китайцы стали более широко и глубоко понимать западный этикет. Растущий национальный кризис в Китае побудил прогрессивных китайцев задуматься о связи между традиционным китайским этикетом и национальным спасением, а также тщательно анализировать и сравнивать различия между Китаем и Западом. Прогрессивные китайцы считали, что традиционные обряды поклонения на коленях могут только культи-

вировать до глупости почтительные мысли к старшим (родителям), разрушать сознание независимой личности. Таким образом в народе родился призыв к отмене громоздкого этикета, в котором преклонение коленей является главным символом.

В начале XX в. одновременно с тем, как буржуазная фракция реформаторов пропагандировала анти-Цинскую революцию, она также подвергала резкой критике старые ритуалы и обычаи, такие как этикет преклонения коленей. Представители буржуазной фракции реформаторов в первую очередь испытали на собственном опыте правила западного этикета. В революционной когорте они называли друг друга товарищем и господином, использовали рукопожатие, поклон вместо преклонения коленей и приветствия руками. В 1912 г. правительство Китайской Республики официально отменило в форме закона используемое в Китае на протяжении тысяч лет преклонение коленей. Это было результатом Синхайской революции, и это стало естественным отбором, когда китайцы долго сравнивали и размышляли над китайским и западным этикетом.

В системе современного китайского этикета больше нет традиционных классовых отношений таких, как конфуцианские принципы «отец да ведёт себя как отец, а сын — как сын (основа семейного уклада)», «государь да будет государем, а подданный — подданным». Тем не менее, различия в социальных ролях между детьми и родителями, младшим поколением и старшим поколением, подчиненными и руководствами по-прежнему

существуют. И создание, и совершенствование системы этикета может перевоспитывать людей, строить социальный нравственный порядок, способствовать процессу построения гармоничного общества.

Мы считаем, что в то время, когда в современном обществе используются такие ритуалы и обычаи, как рукопожатие, обнимание и др., все же следует восстановить некоторые традиционные культурные ресурсы, такие как этикет «拱手礼» («Гун Шоу Ли») (руки складываются в знак приветствия, просьбы, почтения), выражающий глубокое уважение и почтение. В соответствии с национальными особенностями данное приветствие пожилых людей является глубоким знаком уважения и показателем культуры (левая кисть охватывает правый кулак перед грудью), соответствует социальной психологии, которая отражает китайскую национальную культуру и усиливает чувство национальной культурной идентичности. Данный этикет несет в себе социальные ценности, формирует и укрепляет межличностные отношения в обществе. Это помогает сформировать образ мышления и социокультурную форму, в которой люди уважают друг друга и любят друг друга.

Таким образом, критическое наследование традиционного этикета с китайскими особенностями должно быть дополнено созданием многоуровневой современной системы этикета в соответствии с международной практикой и воплощением национальных символов, что отражает неизбежное развитие современной культуры ритуалов и обычаев.

ЛИТЕРАТУРА

1. 王开玺. 试论中国跪拜礼仪的废除 // 史学集刊. 2004年. № 2. 第18–21页. (Ван Кайси. Об отмене китайского этикета земного поклона // Историография. 2004. № 2. С. 18–21.)
2. 任雪萍. 中西方不同文化环境下礼仪的差异 // 安徽电力职工大学学报. 2003年. № 3. 第121–123页. (Жэнь Сюепин. Различия в этикете в китайской и западной культурах // Вестник Аньхойского энергетического университета. 2003. № 3. С. 121–123.)
3. 马婷婷, 赵金科. 从相见礼解读民国制礼的观念冲突和文化语境 // 社科纵横. 2017年. № 3. 第56–59页. (Ма Тинтин, Чжао Цзиньке. Интерпретация конфликтов идей и культурных контекстов, возникающих в церемонии встречи, в период правления Китайской Республики // Социология. 2017. № 3. С. 56–59.)
4. 吴雪玲. 民初社会风俗沿革的现代意蕴 // 民俗研究. 2009年. № 3. 第138–147页. (У Сюелин. Современные последствия эволюции социальных обычаев в самом начале периода Китайской Республики // Исследования фольклора. 2009. № 3. С. 138–147.)
5. 张德彝. 航海述奇. 长沙: 岳麓出版社, 1985年. 第831页. (Чжан Дэи. Морские приключения. Чанша: Издательство Юэлу, 1985. 831 с.)

© Ван Дань (wangdan1990112@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И НАСЛЕДОВАНИЕ КИТАЙСКОГО ТРАДИЦИОННОГО ИСКУССТВА

INTERPRETATION AND INHERITANCE OF CHINESE TRADITIONAL ART

Guo Tingting

Summary. The article analyzes the influence and what trends and prospects Chinese traditional art and culture face in modern society of China. The analysis made it possible to identify certain trends in the cultural life of China. Author defines and analyzes definition of traditional art in China and highlights the most important related topics. Author summarizes a short list of scientific approaches on corresponding theme.

Keywords: China, Russia, culture, traditional culture, innovation, globalization.

Го Тинтин

*Аспирант, Государственный университет управления
ting19881229@126.com*

Аннотация. Статья анализирует роль традиционного искусства и культуры в современном обществе Китая, а также направления и перспективы развития традиционного искусства. Анализ позволяет выделить определенные тенденции в культурной жизни Китая. Автор определяет понятие «традиционное искусство» и анализирует китайскую специфику термина, и выделяет наиболее важные связанные темы. Автор обобщает краткий лист научных работ по указанной теме.

Ключевые слова: Китай, Россия, культура, традиционная культура, инновации, глобализация.

В научной среде существует обоснованное мнение о том, что решение глобальных проблем современной цивилизации нужно искать не сколько в области политики, экономики или же технологии, сколько в области культуры [1]. Во многом, это связано с тем, что современная цивилизация в настоящее время переживает колоссальную дестабилизацию социальных систем, [2] связанную с процессами глобализации и формирования всемирной культуры [3,4], а также трансформации традиционных национальных культур. В связи с этим, научное сообщество уделяет больше внимание анализу процессов, происходящих в культуре различных стран. И нынешняя ситуация в культуре Китая, неоднократно сталкивавшейся с кризисами и сумевшей сохранить целостность и непрерывность традиции на протяжении пяти тысяч лет истории, представляет особый интерес для ученых.

В результате политики реформ и открытости культурное пространство Китайской Народной Республики начало активно трансформироваться. Изначально этот процесс носил стихийный характер, но по мере развития и масштабирования процессов проблема привлекала все большее и большее внимание в обществе, партии и со стороны научного сообщества. На наш взгляд, удачно выразил проблему Чжен Юннень «Экономический взлет не привел к возрождению культуры и не создал новое ее качество. Более того, стремительно исчезает традиционная культура, на смену которой в обществе потребления приходит коммерциализация всех видов деятельности, включая культурные продукты и услуги. Стимулирование изучения молодым поколением клас-

сических канонов не отвечает требованиям современности и не согласуется с потребностями уже трансформированного общества и, следовательно, не может быть реальным инструментом сохранения традиционной культуры. В определенной степени Китай превращается в цивилизацию, теряющую культурные традиции» [5]. Необходимо отметить, что это не единственная существующая позиция по данному вопросу, и для более подробного их анализа стоит обратиться к тематической работе Ху Яньли. [1. с. 2–3]. В рамках темы нашей статьи, достаточно обозначить тот факт, что позицию Чжен Юннень разделяет значительное число других членов научного сообщества и политического руководства Китая, осознающих существующую угрозу национальной культуре.

На 17-том съезде КПК (2007 г.) был сделан ряд заявлений, декларирующих курс национальной стратегии на укрепление культуры и превращение Китая в глобальную культурную державу. В частности, председатель КНР Председатель Ху Цзиньтао заявил следующее: «В наше время культура приобретает все большее значение с точки зрения конкурентоспособности государства и национальной идеологии. Необходимо развивать социалистическую культуру, стимулировать культурное творчество, укреплять авторитет национальной культуры с помощью мягкой силы». Данные заявления были приняты КПК за руководство к действию, что выразилось в том числе в ряде реформ в Министерстве культуры Китая, увеличению финансирования проектов в области культуры и искусства, значительных инвестиций в область «культурной пропаганды». Десятилетием спустя, нынешний председатель КНР Си Цзиньпин под-

твердил следование данной политики на 19-ом съезде КПК (2017 г.) в своем докладе следующими словами: «Следует оказывать полную поддержку творческому восстановлению и инновационному развитию богатому наследию китайской традиционной культуры».

Поскольку понятие «традиционное искусство» является базовым для нашей статьи, необходимо дать его дефиницию, отделив его от понятия «современное искусство». Кроме того, следует уточнить значение термина «традиционная культура», так как в русском и китайском языке между данными терминами отсутствует тождественность, а понятие «культура» само по себе является предметом научной дискуссии. Для этого обратимся к тематической работе Арташниковой Т. А. и Цзя Хуэйминь [6], где содержится следующее определение традиционной культуры: «Это социальные исторические факторы, которые обладают своими собственными характеристиками и передаются из поколения в поколение. Традиционной культурой являются только те культуры, которые собирают, сохраняют и продолжают традиции, имеющие непреходящее историческое значение и жизнеспособность».

Точная дефиниция термина «современное искусство» крайне трудна, поскольку данный термин, как это свойственно культурологии, является предметом научной дискуссии, уместный по объему анализ которой выйдет за рамки данной работы. Для нас представляет собой интерес тот факт, что в настоящий момент в Китае рядом деятелей культуры искусство рассматривается исключительно через призму времени, в результате чего любое творчество человека причисляется к современному искусству, что позволяет говорить о современной гравюре, либо же о современной каллиграфии. [9, с. 7]. Учитывая данное выше понимание «традиционной культуры», то представляется очевидным тот факт, что в Китае традиционное искусство должно не просто быть объектом сохранения и почитания, но и сохранять свое значение и ценность в повседневной жизни. При этом, традиционное искусство должно сохранять преемственность во всех основополагающих аспектах, т.е. в используемых художественных приемах, образах, видах, жанрах, композиционной особенности и символике, и иных, что позволяет говорить о сохранении и преемственности традиции.

В условиях «культурной атаки» западной массовой культуры, до сих пор не преодоленных культурой последствий кризисов «столетия унижения» и разрушений времен культурной революции проблема сохранения значения традиционного искусства становится особенно остро. Традиционная культура и искусство Китая в настоящий момент во многом перестало отвечать вызовам времени, в результате чего многие китайцы

перестали понимать свою родную культуру. Влияние актуального, соответствующего духу времени западного искусства создало такую ситуацию, в которой определенные элементы общества Китая крайне негативно оценивают все достижения китайского искусства, и исключительно позитивно — западной. [6, с. 2]. Разумеется, нельзя допускать и обратной ситуации, в которой все китайское возводится в абсолют. В культуре Китая, помимо достойных включения в сокровищницу мировой культуры творений, существует немало и таких, которые могут служить лишь отрицательными примерами. Культура и искусство — являющиеся воплощением души народа — должны быть не высечены в камне, но дышать и жить. Именно поэтому способы решения вопросов наследования, интерпретации и модернизации традиционного китайского искусства — важны и актуальны не только для Китая, но и для любой другой национальной культуры, сталкивающейся с аналогичными вызовами.

Необходимо понимать, что любая форма традиционного искусства, сохраняющая целостность и непрерывность традиции на протяжении всей своей истории, находилась в состоянии постоянного развития, подчас носящего стремительный характер. И темпы модернизации общества в настоящее время высоки, как никогда ранее — процессы модернизации являются необходимым условием существования любого вида искусства. История искусства сама по себе является историей непрерывного развития и изменения форм и видов. Тем не менее, инновации в искусстве невозможны без знания базовых основ, традиций и наследия — поскольку в этом случае теряется культурная преемственность. Задачами инноваций является обогащение и развитие уже существующих традиций, актуализация их под требования времени.

Обращая внимание на тему традиционного искусства в Китае — мы не можем обойти стороной события культурной революции и других кризисов XX века, серьезно подкосивших цепь преемственности в культуре Китая [7]. Гибель множества культурных людей и разрушение системы классического образования привела к тому, что новые деятели в области искусства действовали в отрыве от уже существующей традиции. В результате этого, многие виды и формы традиционного искусства в Китае начали исчезать, а другие — хотя и сохранялись, но не получали развития, и постепенно теряя свою актуальность. В результате этого в данный момент мы наблюдаем ситуацию, при которой в ходе опросов ряд респондентов указывают следующее: «Произведения традиционной культуры скучны, в то же время как к достижениям современной культуры эта группа респондентов относится с большим интересом. В основном, по мнению данной группы — эти произведения отражают европейскую

культуру и жизнь.» [б. с. 8] Данная ситуация парадоксальна, поскольку для ряда респондентов произведение искусства стран, относящихся к другой культурной группе и находящихся на значительном расстоянии — ближе и интереснее, нежели достижения своей собственной культуры. Этот пример только констатирует факт наличия глубокого разрыва между культурным наследием Китая и современностью. Тем не менее, нельзя говорить о том, что традиционное искусство Китая забыто.

Говоря о существующих и развивающихся формах традиционного искусства Китая, разумно обратить внимание именно на те его виды, что сохранили наибольшую жизнеспособность. Руководством Китая принимаются меры по сохранению и развитию наследия таких направлений традиционного искусства, как: живопись (в т.ч. в стиле гохуа); искусство каллиграфии; традиционное музыкальное искусство; разнообразные художественно-прикладные ремесла; чайная культура; а также литература, театр и скульптура [8]. Другие виды и форма искусства, как, например, многие приемы и способы изготовления керамики, металлических изделий — существуют по большей части в качестве музейного наследия. Подобная ситуация вполне очевидна, если учесть особенности традиционной китайской системы образования — в результате чего можно говорить о массовой вовлеченности интеллектуальной элиты Китая в творческую деятельность в области искусства. Поскольку данный социокультурный феномен поддерживался на протяжении столетий, то вышеупомянутые формы искусства успели стать важным элементом культурного наследия Китая [9].

Помимо чисто государственных мер поддержки, можно также упомянуть перевод на самоокупаемость и коммерциализацию организаций в области культуры и искусства, а также формирование в Китае собственного рынка культуры и соответствующей инфраструктуры. Принимаются поддерживающие область законы. Итогом данной политики стал бум китайского рынка арт-объектов, а также возникновения «деревень художников» и значительного количества музеев искусства и других объектов. Параллельно этому, значительные средства были направлены в область образования, в результате чего значительно расширился набор в Китайскую Академию Изящных Искусств, открылись другие учебные заведения. Кроме того, активно издавались научные периодические издания, уделяющие внимание либо полностью посвященные искусству Китая. Можно упомянуть периодическое издание Всекитайской ассоциации художников «Мэйшу», пользующееся огромным авторитетом в области искусствознания. В результате данных мер, помимо взрывного развития различных форм современного искусства — соответствующий импульс развития получило и традиционное художествен-

ное искусство. Во многом это произошло в силу того, что созданная усилиями правительства Китая культурная среда позволила художникам и иным людям искусства иметь легкий доступ к богатому культурному наследию Китая, черпая оттуда темы и источники вдохновения. Не меньшую роль сыграли и целенаправленные усилия по возрождению деятельности в области традиционных искусств, как то искусства каллиграфии или живописи Гошуа [10].

Авторами была проведена исследовательская работа с целью анализа нынешней ситуации в различных областях китайского традиционного искусства. В ходе анализа удалось установить следующее [11,12,13, 14, 15, 16]:

- ◆ В области предметов материального искусства, следует отменить значительное количество исторических и художественных музеев, имеющих богатые экспозиции предметов традиционного искусства, легко доступных для населения. Кроме того, существует сложившаяся практика передвижных художественных выставок, что позволяет музеям демонстрировать свою коллекцию в других городах. В настоящее время, большинство музеев находятся на самоокупаемости.
- ◆ Существует значительное количество периодических изданий в области искусствознания, как то журнал «Мейншу», «Мэйшу вэньсянь» (Памятники искусства), «Хуакань» и других, что вместе с регулярным проведением важных мероприятий — в числе которых можно назвать Биеннале Гуан-Чжоу и Китайскую художественную выставку — создало комфортную среду для ведения дискуссии в области искусства.
- ◆ Ведется активная пропаганда китайского искусства по целому ряду доступных каналов передачи информации. К ним можно отнести телевидение, где содержится целый ряд культурно-образовательных передач, посвященных искусству, а также встречается немало материалов социальной пропаганды и социальной рекламы, содержащих традиционные мотивы. Значительно влияние культурных стандартов и на дизайн, в котором активно используются традиционные мотивы. Кроме того, в сети интернет очень легко получить доступ к материалам, посвященным традиционным формам китайского искусства.
- ◆ Благодаря широкой доступности информации и наличия большого количества художественных площадок, «деревень художников», и других объектов, у художников появилась возможность для активных экспериментов с традиционным искусством, с целью его актуализации и адаптации под дух времени. Многие из этих экспериментов успешны, поскольку сочетают актуальность и дух времени наравне с традиционными элементами

и формами, в особенности это касается живописи, архитектуры и искусства каллиграфии.

- ◆ Активно развивается бизнес, связанный с традиционными достопримечательностями и формами искусства. Массово продаются картины гохуа, а образы и репродукции произведений китайской художественной культуры активно используются в дизайне и с коммерческими целями.
- ◆ Существует значительное количество театров, музыкальных школ и других учебных заведений, позволяющих приобщить население к художественной деятельности.
- ◆ Активно отмечаются традиционные китайские праздники, соответствующие лунному календарю, и во многом отсылающие к традиционным для истории Китая обычаям и чертам. Однако, в данном случае наблюдается значительный разрыв между современной жизнью и содержанием традиционных праздников, в результате чего они не пользуются интересом у жителей Китая младших и отчасти средних возрастных групп.

Традиционная культура Китая на данный момент постепенно забывается, поскольку потеряла свою актуальность. И хотя общество Китая осознает тот факт, что она является мировым культурным достоянием, и принимает усилия для её развития — это приводит лишь к тому, что традиционная культура перерождается в современную культуру. Тем не менее, для современного Китая традиционные формы искусства сохраняют свою актуальность во многих областях жизни общества, являясь целью значительных инвестиций, повсеместно используемыми в национальном дизайне мотивом, национальным брендом, и важным элементом современных форм искусства. Традиционное искусство в современном Китае служит образцом классической эстетики, выступая в качестве связывающего начала современной китайской культуры.

Анализ опыта КНР в отношении традиционного искусства свидетельствует об успешном и прагматичном подходе к вопросу восстановления национального культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яньли Х. Концепция китайской культуры в контексте глобализации // Общество: философия, история, культура. — 2016. — № 3.
2. Ильиных С. А. Риск в контексте социологии управления // Здоровье и образование в XXI веке. — 2017. — Т. 19. — № 11.
3. Мельникова А. В., Гужин А. А. Формирование культурных социумов в условиях глобализации // Студенческая наука Подмосквю. — 2018. — С. 371–373.
4. Лианна Айвазян Имидж страны и международные отношения: атмосфера XXI века // 21-й век. 2010. — № 2 (14). — с. 41–56
5. 郑云楠. 中国人 应理性看待中国崛起 (Чжэн Юннань. Китайцы должны рационально подходить к возрождению Китая) // 联合早报 (Объединенная утренняя газета). 2009. № 11. С. 3–10.
6. Арташкина Т. А., Хуэйминь Ц.: Традиционная культура в современной национальной культуре Китая // Общество: философия, история, культура. — 2016. — № 5.
7. Сорокин В. Ф., Торопцев С. А., Боровская Н. Е. Изучение проблем китайской культуры в ИДВ РАН // Проблемы Дальнего Востока. — 2006. — № 1. — С. 63–73.
8. Сюдун Ц.: Культурная политика и индустрия Китая в контексте глобализации // Век глобализации. — 2018. — № 2 (26).
9. Карцева Е. А. Современное искусство в контексте государственной культурной политики. Опыт Китая и России // Обсерватория культуры. — 2017. — Т. 14. — № 2. — С. 157–166.
10. Фэй В.: Современное искусство Китая в контексте мирового художественного процесса: дис. — 2008.
11. Шаохань Л.: Проблемы сохранения искусства китайской традиционной народной драмы. — 2018.
12. Войтишек Е., Червинская Л.: Концептуальное искусство в Китае: социально-политический аспект // Проблемы Дальнего Востока. — 2015. — № 4. — С. 168–177.
13. Чжоу Ч. Современная китайская каллиграфия. Инновационный путь развития // Вестник Харьковской государственной академии дизайна и искусств. Искусствоведение. Архитектура. — 2013. — № 2. — С. 58–60.
14. Гревцева Г. Я., Рушанин В. Я.: Россия и Китай: диалог в сфере культуры и образования // Вестник ЧГАКИ. — 2015. — № 3 (43). — с. 119–126.
15. Иванова Ю. В., Яковлева Н. Ф. Традиционная живопись в современной культуре Китая // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки. — 2013. — № 4 (51).
16. Абрамова Н. А.: Инновационное развитие современной китайской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 6–2. — С. 10–13.

© Го Тинтин (ting19881229@126.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АПОФАТИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: ЧАСТЬ I. КУЛЬТУРА ПЕРЕВОДА

АПОPHATIC CONDITIONS IN RUSSIAN WORD: PART I. CULTURE OF TRANSLATION

M. Dudareva

Summary. The article attempts to apply the well-known concept of “apophatic”, which has long been widely used in theological philosophical fields, to literary knowledge. Linguists, literary critics engaged in the apophatic of language and artwork, pay attention to lexemes with the prefix “not” and verbal denial. Much attention is paid to poetic texts, as they are metaphorical and require special decoding. Metaphor, according to subtle remarks by O. M. Freudenberg is a “fragment of myth”, which is why it should be perceived through the prism of myth and folklore, which also absorbed the power of myth. Thus, the dialectical triad of the myth — folklore — literature is built, where each link is endowed with an Imaginative force (the notion of Ya. E. Golosovker). In Russian culture, especially in literature, poetry there are such “dark” places that require additional explanation, often not only for a foreigner, but also for the bearer himself. Such apophatic moments in the work can be tried to understand through the prism of folklore, traditional folk culture.

Keywords: Russian culture, apophatic, image, philosophy of language, literature, poetics, traditional folk culture.

Дударева Марианна Андреевна

*К.ф.н., старший преподаватель, Российский
университет дружбы народов
marianna.galieva@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка применения известного понятия «апофатика», которое давно широко используется в богословской философской сферах, к литературоведческому знанию. Лингвисты, литературоведы, занимающиеся апофатикой языка и художественного произведения, обращают внимание на лексемы с приставкой «не» и отглагольное отрицание. Большое внимание уделяют поэтическим текстам, так как они метафоричны и требуют особой раскодировки. Метафора, по тонкому замечанию О. М. Фрейденберг, является «осколком мифа», именно поэтому ее следует воспринимать через призму мифа и фольклора, который также вообрал в себя силу мифа. Таким образом, выстраивается диалектическая триада миф — фольклор — литература, где каждое звено наделено Имагинативной силой (понятие Я. Э. Голосовкера). В русской культуре, особенно в литературе, поэзии встречаются такие «темные» места, которые требуют дополнительного объяснения часто не только для иностранца, но и для самого носителя. Такие апофатические моменты в произведении можно попытаться понять через призму фольклора, традиционной народной культуры.

Ключевые слова: русская культура, апофатика, образ, философия языка, литература, поэтика, традиционная народная культура.

И. К. Айвазовский рисовал море по памяти, но по праву считается одним из лучших художников-маринистов, Владимир Соловьев не видел Софии, но тонко прозрел сущность мировой Психеи через Божественную Премудрость, другой, не менее известный философ, Евгений Николаевич Трубецкой, явно не бывавший при жизни в «подземном царстве» показал суть русского характера и национального образа мира через влекомость «неведомой землей», неизведанным в программной лекции «“Иное царство” и его искатели в русской народной сказке», которую читал в Московском религиозном обществе памяти Соловьева. И эти факты из истории культуры не выкинешь. А вот Фриц Маутнер, автор «Критики языка», решил разобрать «Фауста» Гете по буквам, чтобы понять, как создан великий шедевр, и это оказалось безрезультатным [9; С. 17]. Не редко методы рационального познания, прогресс в науке не дают не только простому носителю культуры, но и ученому прозреть это и даже смириться с такими примерами.

Пол Фейерабенд в своих первых книгах «Против метода», «Наука в свободном обществе» приходит к следующему выводу: «Существуют даже обстоятельства — и встречаются они довольно часто, — при которых аргументация лишается предсказательной силы и становится препятствием на пути прогресса» [7; С. 43]. Особенно опасен «метод» в толковании художественных текстов, касается это в первую очередь поэзии, так как она метафорична. Позитивистский ум давно отвык от метафоры и это не удивительно, поскольку она связана с мифом (к этому тезису мы еще вернемся во второй части статьи). Однако чудесное и миф, являющийся непреходящим носителем чудесного и необъяснимого, все-таки вопреки мнению Фейерабенда, наделен логикой. Примером этому служит, например, фольклор, волшебная сказка со своей строгой иерархией медного, серебряного и золотого царств. Если детский ум не задается вопросом, почему так устроена сказка и допускает это чудесное в свою жизнь, то взрослый ум и вовсе не желает этого знать, списывая все на выдумку и ирреальную

действительность, где возможно все. Если мы чего-то не понимает, то это не значит, что оно не объяснимо или в корне не верно. Например, методы, которыми пользуется по большому счету почти каждый современный литературовед, историко-литературный, биографический, конечно не самые плохие, но они тормозят и даже «засоряют» представления о художественном произведении, которое лежит всегда *на грани* реальной и космической действительности. Хотя не многие литературоведы все-таки пришли к этому выводу о космической природе творчества: «Поэзия есть органическое единство внешнего и внутреннего, в котором и осуществлены живая жизнь и живой смысл явления, уходящие корнями в бесконечность Вселенной» [4; С. 83].

Наука, по мысли Фейерабенда, ничем не отличается от мифа, так как в ней нет универсального научного метода, объясняющего все. Здесь все-таки позволим себе не согласиться с этим, так как миф, по тонкому наблюдению, Я.Э. Голосовкера все же обладает логикой, но особой, связанной, скорее, с *имагинативным*, нежели позитивным, рациональным познанием мира. Как же тогда анализировать или, лучше сказать, расшифровывать метафору? А делать это необходимо особенно если исследователю нужно перевести поэтический текст на другой язык. Каким образом раскодировать *сгусток смысла*? Конечно, от известных «методов» полностью отказаться нельзя, иначе мы приходим к эпистемологическому анархизму, но в качестве альтернативы относительно разбора художественного произведения можно предложить руководствоваться Имагинативным Абсолютом, вбирающим в себя универсальный набор кодов и архетипов (Красота, Психея, Космос, Хаос и т.д.), что и будет особым сдерживающим критерием, защищающим исследователя от ложной вседозволенности. Теперь поговорим о том, как осуществляется такой перевод, раскодировка текста.

Когда лингвисты, историки литературы, философы, пишут о философии перевода, об особенностях перевода одной системы в другую, обычно не возникает сомнений, что речь идет о двух разных языках. Исследователи прежде всего обращают внимание на культурные и концептуальные особенности, ищут средства выражения в другом языке для интересующей их мысли, фрагмента текста и т.д. Язык воплощает собой национальную модель мира и, конечно, это должно учитываться переводчиком; перевод по сути представляет собой толкование и погружение в другой национальный образ мира [1; С. 229]. Однако философы также задаются вопросом о равновеликости двух элементов (искомого и нового), о возможном результате при переводе. Например, академик А.В. Смирнов отвечает таким образом: «Думаю, что единственный ответ на такой вопрос заключается в том, что они имеют *один и тот же смысл*» [6; С. 43].

Но интересно то, что ученый акцентирует внимание в своих работах не только на двух элементах, которые он обозначает Я с индексами «и» и «р» (испанский и русский языки), но и на самом процессе перевода, моменте перевода, который он обозначает знаком стрелки. Что стоит за этой стрелкой? Доведен ли процесс перевода до автоматизма или же он носит иной, например, онтологический характер? Задаваясь этими вопросами, А.В. Смирнов обращается к понятию «универсальный язык мысли» и интуитивным формам мышления, которыми как бы обладает пылливый ум переводчика. Однако этого недостаточно ученому, который видит за стрелкой «чистую форму», надлежащую отдельному объяснению. Чистая форма, по мнению Смирнова, предполагает связность, которая является признаком «здорового» мышления, осмысленности: «Только связность придает осмысленность; пытаюсь обрезать нити связности ради искомой «точности», конструктор искусственного языка делает его нежизнеспособным» [6; С. 57].

Из этих теоретических рассуждений вытекает еще один вопрос: как быть с *необъяснимым*, то что мы назвали бы *анофатическим*, в языке? ¹ Ведь не всегда и носитель языка может объяснить какие-то факты в родном языке, особенно ярко это проявляется относительно интерпретаций метафор в поэтическом тексте, которые мы привыкли воспринимать как явление переноса свойств одного предмета на другой. Так ли все просто со средствами художественной выразительности и всегда ли даже известные лексемы в определенных языковых условиях нам понятны? Так, известный антиковед и фольклорист О.М. Фрейденберг пишет о том, что за метафорой кроется миф (метафора — «осколок мифа»), а литература, как одна из систем, перенимает силу мифа и фольклора на определенном этапе их развития: «То, что впоследствии составляет литературные сюжеты и жанры, создается именно в тот период, когда нет еще ни жанров, ни сюжетов. Они складываются из мировоззрения первобытного общества, отлитого в известную мифологическую систему; когда смысл этого мировоззрения исчезает, его структура продолжает функционировать в системе новых осмыслений» [8; С. 118–119]. Таким образом, выстраивается диалектическая триада *миф — фольклор — литература*, которая позволяет с онтологических позиций посмотреть на последний элемент.

Литературоведы привыкли преимущественно с исторической, биографической, позитивистской точки зрения воспринимать многое в литературе и саму литературу, но если брать во внимание теорию Я.Э. Голосовкера

¹ Здесь возникает и вопрос о толковании поэтического *заумного* языка футуристов, где «связность» особого порядка и обусловлена ритуальными формулами, темной речью.

об Имагинативном Абсолюте, который является движущей силой культуры, неким Духом ее, то вопрос об интерпретации произведения и, косвенно, переводе его на другой язык/систему приобретает иной характер. Здесь рассматриваем каждый знак, как возможный текст (семиотический подход). В этой связи возникает вопрос и об *ответственности* литературоведа относительно понимания метафоры и ее потенциальных смыслов. Литературовед, теоретик Б. П. Иванюк следующим образом смотрит на проблему метафоры в ее ретроспективном и проспективном ключах: «необходимо соотнести наличную речь с возможными, но не востребуемыми авторской волей речевыми вариантами, определяемыми смысловым потенциалом текста. Априорной способностью к актуализации этой пограничной зоны обладают локальная метафора, а также некоторые риторические фигуры, к примеру, эпитимесис (изменение или уточнение ранее сказанного) и апокрисис (ответ на свой же вопрос)» [3; С. 14].

Но откуда же берутся эти «речевые варианты»? Где возникают они и как выражаются? Здесь снова возвращаемся к положению о «стрелке», «чистой форме» А. В. Смирнова: «Перевод проходит через ту стадию, когда в голове переводящего образуется что-то, что мы не можем выразить дискурсивно, т.е. развернуто» [6; С. 54]. Мы бы рискнули это обозначить *имагинативной силой*, имагинативным моментом, который является главным в момент перевода («стрелки») и осмысления произведения. Именно имагинативный инстинкт, вмещающий в себя основные коды, идеи, архетипы культуры, оморализованные понятия [5; С. 164] является важным для ученого комплексного мышления: «Ученый может быть скептиком, релятивистом, он может считать истину каким-то “приближением” или некой формулировкой “икс” на дан-

ном этапе развития науки и цивилизации и т.д., но в то же время побуд к Имагинативному Абсолюту, к вечной истине, будет неизменно побудом его творческой научной работы, его культурного акта, если он подлинно ученый» [2; С. 51]. Таким образом, в дополнительных комментариях нуждается не только метафора, определенный фрагмент текста и т.д., но и факты фольклора и мифа, так как к последним также подходили с позитивистских позиций и воспринимали как данность культуры: «При чтении мифов ум редко вглядывается в чудесный механизм, движущий миром мифологии, потому что он не вооружен знанием этого механизма» [2; С. 111].

Голосовкер во главу угла ставит проблему логики мифа, логики устройства *чудесного*, которое воспринималось человеком античности как сверхданность, а не иррациональная действительность. Факты фольклора, особенно связанные с эйдологией «иноного царства», то есть с иномирной эстетикой, а здесь же и фигурами Танатоса, нуждаются в пристальном внимании, так как эта тема, находясь как бы под «запретом», лежит на границе вербального и *апофатического*. Итак, мы вплотную подошли к диалектической связи *мифа, фольклора и литературы*, а значит, и прочтению литературных текстов через призму фольклора и мифа, который многое передал фольклору. И, казалось бы, проблема фольклоризма в литературе не нова для литературоведения, но в свете имагинативной теории, онтологического статуса перевода (толкования) метафор, нуждается в существенных дополнениях. Таким образом, перед нами возникает следующая задача: показать возможность толкования *апофатических* мест в русской словесности путем *перевода* их в другое семиотическое пространство, в стихию фольклора, который понимаем комплексно, учитывая текстовое и дожанровое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. — М.: Прогресс, 1988.
2. Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют. — М.: Академический проект, 2012.
3. Иванюк Б. П. Диалог с г-ном Текстом. — Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2017.
4. Кожин В. В. Что такое стих // Кожин В. В. Стихи и поэзия. — М.: Советская Россия, 1980.
5. Сбойчикова М. В. Концептуальная интерпретация природы мифа в рамках теории «Имагинативного Абсолюта» Я. Э. Голосовкера // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323, № 6: Экономика. Философия, социология и культурология. История. — С. 163–168.
6. Смирнов А. В. Философия перевода и перевод философии // Философский журнал. 2012. № 1 (8). — С. 40–58.
7. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархической теории познания. — М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007.
8. Фрейдберг О. М. Поэтика сюжета и жанра: Период античной литературы. — Л.: Гослитиздат, 1936.
9. Штайнер Р. Смысл преждевременной смерти. Случайность, необходимость и предвидение. — Ереван: Лонгин, 2013.

© Дударева Марианна Андреевна (marianna.galieva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АПОФАТИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: ЧАСТЬ II. БРЮСОВ И ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

APOPHATIC CONDITIONS IN RUSSIAN WORD: PART II. BRUSOV AND TRADITIONAL PEOPLE'S CULTURE

M. Dudareva

Summary. The object of study in the article is the early poem of the symbolist poet V. Ya. Bryusov "Creativity." The text is distinguished by a special apophatic mood, which is explicable through archetypal constructions and is decoded through myth and folklore. However, the moment of decoding a bunch of meaning that encloses a metaphor is important. The researcher takes into account the imaginative component of the metaphor when he explains the archetypal components of the text (the month and the moon at Bryusov). At the same time, the literary critic does not reject the typological, comparative historical methods of analysis, otherwise he is waiting for epistemological anarchism.

Keywords: Russian culture, apophatics, image, philosophy of language, literature, traditional folk culture, myth, Bryusov, Imaginative absolute.

Дударева Марианна Андреевна

*К.ф.н., старший преподаватель, Российский университет дружбы народов
marianna.galieva@yandex.ru*

Аннотация. Объектом изучения в статье выступает раннее стихотворение поэта-символиста В. Я. Брюсова «Творчество». Текст отличается особым апофатическим настроением, которое объяснимо через архетипические построения и расшифровывается через миф и фольклор. Однако важен сам момент декодировки сгустка смысла, который заключает метафора. Исследователь принимает во внимание именно имагинативную составляющую метафоры, когда объясняет архетипические составляющие текста (месяц и луна у Брюсова). При этом литературовед не отказывается от известных и классических типологического, сравнительно-исторического методов анализа, в противном случае его ждет эпистемологический анархизм.

Ключевые слова: русская культура, апофатика, образ, философия языка, литература, традиционная народная культура, миф, Брюсов, Имагинативный абсолют.

Необъяснимое и невыразимое всегда потенциально привлекают человека, так как дают ему возможность прикоснуться к тайному, сакральному и выйти из «профанной длительности бездуховного времени» [27; С. 11]. Для исследователя культуры и литературы такие константы важны, прежде всего, с позиций соединения реальной и космической (демиургической) художественной действительности, с позиций преломления реального в момент творческого акта, приводящего к формуле, использованной символистом Вячеславом Ивановым, "a realibus ad realiora".

Еще в античных учениях, в недрах богословия мы сталкиваемся с отрицанием определений сущности Бога, с его невыразимостью через земной язык. В трудах Дионисия Ареопагита дано обоснование апофатическому методу. Однако это не значит, что только в теологии применяется это понятие. В гуманитарной, особенно филологической, науке проявился за последние десятилетия большой интерес к апофатическим состояниям, которые усвоила из разных источников (религиозных, фольклорных, философских) литература, особенно поэзия. В одной из своих статей, посвященных поэтике Ф. М. Достоевского, В. В. Дудкин разбирает особый язык,

невыразимый недоступный, который описывается во «Сне смешного человека». Исследователь предваряет свои рассуждения о русской литературе примерами из «Божественной комедии» Данте, для которого невыразимое было связано с невозможностью описать словами увиденное тайное, с ограниченными возможностями «языка человеческого вообще» [8; С. 86–113].

В. В. Дудкин подмечает особую двойственность в отношении писателя к слову. С одной стороны, это интимная связь со словом, с другой стороны, неудовлетворенность написанным — отсюда и вырастает особый герой Достоевского, потерявший слова. Именно поэтому писатель стал в своем роде «предвестником многочисленных экспериментов с языком от футуристической зауми до алитературных экзерсисов с отдельными буквами» [8; С. 112].

Если мы говорим о языке заумников, то необходимо указать на его тесную связь с фольклором, которую не скрывали и сами футуристы [16; С. 160–174]. Сфера заумного в фольклоре, а значит во многом и апофатического, проявляется в разных жанрах. Это и детский фольклор, считалки, потешки, и обрядовый фольклор

[Коршунков 2002: 92–96], и паремиологический языковой фонд. Лингвисты за последние два года также проявляют особый интерес к апофатике русского фольклора, обращая внимание на пласт лексики, связанный с семантикой «невыразимого» [20; С. 472–476] (невообразимый, неописанный, несказанный, несказанно и др.). Исследователи языка поэзии начала XX века указывают на функционально значимый разряд неопределенных местоимений, создающих эффект смысловой амбивалентности и завуалированности [34; С. 140–169]. Однако не только через язык достигается апофатический эффект, но и через образ, метафору, которая выросла из *символа и мифа*. Последнее особенно важно для понимания обреченности символистов, А. А. Блока, по тонкому наблюдению В. М. Жирмунского [11; С. 205–237].

Мифическое время явилось периодом для создания основных первообразов, архетипов: «Реальные достижения культуры, формирование социальных отношений в историческое время и т.п. проецируются в мифическое время и сводятся к однократным актам творения. Важнейшая функция мифического времени и самого мифа — создание модели, примера, образца» [19; С. 634]. В этом случае и приходится говорить о перенимании литературой *силы* мифа и фольклора (см. еще раз положение из работы об этом точно О. М. Фрейденберг). Тогда во многом странные и *необъяснимые* места в русской словесности можно попытаться понять через призму фольклорной эстетики. К тому же авторы, к которым обращаются исследователи с позиций апофатического метода, хорошо знали русскую и мировую народную культуру. Исследований на эту тему в литературоведении еще не так много, но появляются отдельные статьи об апофатике в художественном мире В. А. Жуковского [9; С. 176–178], А. И. Введенского [26; С. 357–359], М. И. Цветаевой, в современной литературе [36; С. 129–140]. В поэтике первого это состояние связывают с невыразимостью категории красоты, в поэтике второго — с непознаваемостью мира («ночью ума») и его инвариантностью. Анализируя стиль и разбирая синтаксическую структуру стихотворений и поэм Цветаевой, В. П. Раков вводит понятие *меона*, которое связано не с логосным бытием, выражающимся в поэтике не редко посредством тире или отточия [23]. В современной литературе апофатизм также связывают с формой (на примере творчества Д. А. Пригова).

Как видим, апофатика этих авторов сопряжена с разными культурными категориями, но все они несут семантику *невыразимого*. Подобным статусом в культуре обладает и категория *смерти*. В статье «Философская танатология или апофатическая философия» В. В. Варава проводит тонкую грань между танатологией и апофатикой [5; С. 112–117], ведь обе приближаются к невозможному, то есть объяснению феномена смерти. Таким

образом, апофатические состояния в словесном творчестве приближаются к поискам (влечению) Танатоса. Однако последнее следует рассматривать в контексте архаического мировоззрения человека, для которого смерть — точка перехода, она воспринимается в *космическом* ключе.

По законам народной антропологии, душа отделяется от тела и уходит в мир первопредков, где имеет зримый образ [2; С. 16] — отсюда в обрядовом фольклоре, причети и мотив обращения к умершим, даже мотив воскресения умершего, *ожившего покойника*, архетип «родного покойника» [28; С. 29–32]. Но и многое другое в фольклоре указывает на сознательный поиск «того света» или «инога царства» (выражение из лекции Е. Н. Трубецкого). В первую очередь, конечно, вспоминается русская сказка с иерархией **медного — серебряного — золотого царства**¹ и чудесными средствами, ковром-самолетом, сивкой-буркой, которые, по тонкому поэтическому прозрению Велимира Хлебникова, дают возможность человеку «перегнать зарницу и крикнуть “стой” падающей звезде» [32; С. 594] (заметка 1915 года «О пользе изучения сказок»). Однако это распространяется не только на характер поиска «инога царства», но и на сам тип культурного героя. И в сказке, и в былинах обнаруживаем героя, зачатого от человека и животного (сказка об Иване, рожденном от медведихи [1], былина о Скольничке/Скольнике, сыне Ильи Муромца, былина о Волхе Всеславовиче) и в этом также кроется *чудесный*, даже фантастический элемент уже для современного человека. Наконец, в прикладном искусстве и архитектуре, в строении русской избы наблюдаются звериные мотивы, «конский» и «птичий» орнамент, который напоминает нам о том, что дом — особый *космос* для русского человека. «Крылатый конь, уносящий героя в тридцатое царство, может оказаться на кровле. Все возможно в сказке и в народном изобразительном искусстве» [6; С. 86]. Но все это требует подробного комментария в наши дни. В русской литературе этот *поиск* не исчез, а укрепился и трансформировался в поэтике А. С. Пушкина, в его *неведомых дорожках* («Руслан и Людмила»), в поэтике М. Ю. Лермонтова, в странной словесной песенной *перебранке* между Печориним и девушкой-ундиной («Тамань»), в известном стихотворении А. К. Толстого «Колокольчики мои», в котором выражена формула русской жизни («конь несет меня лихой, — А куда? не знаю!»).

Переходная эпоха с кризисом реализма, с появлением новых художественных программ, течений и направлений, также не ушла от исканий «инога царства», а даже больше приблизилась к ним. Символисты это осуществляли через теорию символа, футуристы — че-

¹ Сказки с сюжетом «Три подземных царства» (№ 301А).

рез язык, заумь, имажинисты — через образ. И у каждого была своя «Инония» (Есенин), «Китеж-град» (Клюев), Грен-лап-люб-ландия (Маяковский) и т.д. Все это дает основания говорить не только о танатологических мотивах, которые, конечно, были распространены в литературе авангарда, но и поставить вопрос о мощном взаимодействии литературы и фольклора, через призму которого можно совершенно иначе посмотреть на *апофатические состояние и эффекты* в русской словесности, вынося за скобки биографии поэтов (говорим об этом потому, что в последнее время все больше появляется работ, в которых многие вещи в поэтике того же Есенина, Маяковского связывают с их «скандальной» жизнью, болезненными состояниями и настроениями, проецируя это на творчество).

Для русской словесности *невыразимое* открыл первым едва ли не В.А. Жуковский, переводя немецких романтиков и объясняя смысл доминанты их эстетики «das Unausgesprochen» как «несказанное», имеющее в русской лингвокультуре положительные коннотации [8; С. 93]. Конечно, у Жуковского есть и стихотворение с привлекающим названием «Невыразимое», но не более ли загадочен и важен для понимания русской культуры перевода его «Лесной царь»? Не случайно именно этой вещи Цветаева, хорошо знающая и немецкий язык, и немецкую культуру, посвятила отдельную статью, филологическое исследование — «Два „Лесных царя“». А Жуковского с его поэтикой «невыразимого», апофатическими эффектами, туманами, лунностью открыл в начале XX века А.Н. Веселовский в своем капитальном и последнем труде «В.А. Жуковский. Поэзия чувства и „сердечного воображения“» (1904). На эту работу сразу появилось много откликов и особое внимание, что важно в контексте нашей темы, обратил А.А. Блок: «Труд ученого дал Блоку и повод для мистификации в стиле скорее самого Жуковского, чем Веселовского: лейтмотивом книги (в интерпретации Блока) оказывается женственность, «Weiblichkeit», принимающая в жизни Жуковского различные обличья, последний из которых и самый желанный — разумеется, смерть <...>» [18; С. 6]. Так, вырисовывается женский архетип, сопряженный с образом Луны, незримой девы. Теоретически обыграв эту мысль еще в 1920-е гг. О.М. Фрейденберг: «А женщины вообще? Богини и женские ипостаси имели полное соответствие гению в женской форме, и это была Юнона. Древний культ Юноны (Иуноны) был связан с новой луной и ее рождением. Как новорожденная, обновленная луна, Юнона была богиней женских функций. Древнейшие женские функции Юноны определялись светом и женским плодородием» [30; С. 53]. Выстраивается интересная связь «лунарного мифа» и эйдологии женского царства, которая определяется мистическим светом. Подобный свет с амбивалентными коннотациями (женское божество обладает функциями и демиурга, и трикстера) находим почти в каждой культуре. Так, Н.В. Брагинская и А.И. Шмаи-

на-Великанова в своей совместной статье «Свет вечерний и свет не вечерний» подробно описывают мифологему рождения света в борьбе с мраком: «Среди именовании Христа встречается „не вечерний свет“, то есть незакатный, негаснущий вечный свет. Это образ торжественный и апофатический» [3; С. 73]. Однако авторы исследования обращаются и к суфийской, и к японской, и к католической традициям, где также наблюдается явление апофатического порядка, рождения света из тьмы, мифологема *светотьмы*, которая исключает борьбу двух начал и предполагает «место вневременности».

Описанное является доминантным для поэтики символистов (соединение аурного и аретного взглядов, «дали и близи»). Стоит отметить, что чуть раньше к этому пришел В.Я. Брюсов в своем самом *странном* для критиков и исследователей стихотворении «Творчество». Поэт в 1898–99 гг. серьезно увлекался идеями другого, полузабытого сейчас, поэта А.М. Добролюбова и даже занимался изданием его книги «Из мира невидимого». Литературоведы с этим именем в жизни Брюсова также связывают интерес к русскому народному стиху, проснувшийся рано у символиста [24; С. 29]. Однако разговор о брюсовском фольклоризме особый, так как поэт, с одной стороны, был под большим влиянием и от «собрательства» Добролюбова (сказки, заговоры, причитания), и сам интересовался фольклором, на что указывает, например, «Сказание о разбойнике», с другой стороны, фольклорная традиция в творчестве поэтов Серебряного века проявлялась не только в виде стилизаций и заимствований, но и в латентной форме, претерпевая жанровые и образные трансформации [7].

За что же именно ругали поэта в стихотворении «Творчество»? За всего две строчки:

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне... [4; С. 35]

Сам Брюсов прокомментировал так: «Г-н Соловьев, стараясь убедить меня, что месяц и луна в сущности однозначащие понятия — точно я и без него этого не понимаю! — острит, между прочим, на тему о том, что неприлично-де ему, месяцу, всходить обнаженному при ней, луне <...> В стихотворении, о котором идет речь, моей задачей было изобразить процесс творчества» [4; С. 567–568]. Литературоведы, обращающиеся именно к этим строчкам, также сталкиваются с семантическими трудностями, но пытаются все-таки разгадать оксюморонную парадигму «месяц — луна»: «За этой заявкой Брюсова на творческий произвол стоит определенная художественная традиция» [13; С. 36]. Эту художественную традицию «ведут» от Ф.И. Тютчева, в поэтике которого встречаются на одном небосклоне солнце и луна одновременно; также проводят параллели с творчеством Ван

Гога и К. Моне, так как у этих художников на полотнах реализован «принцип совмещения в одном пространстве начала и конца» — в символах солнца и луны [13; С. 39].

Возможно, к тайне стихотворения ближе всех подобрался В. Ходасевич, который проникся брюсовским «мистицизмом» и указал на «двоемирие», идею идеального в произведении, сопряженную с актом творчества [33; С. 66]. Так, литературовед О. Лекманов, предлагая достаточно четкий последовательный разбор раннего опыта Брюсова, исходит во многом из логики Ходасевича, если не дублирует его ход мысли. Однако исследователь приходит в тупик, когда анализирует строчку про «месяц» и «лазоревую луну» и на этом вся последовательность рассуждений сбивается [17]. Стоило бы обратить внимание на эпитет «лазоревый», который повторяется все-таки два раза в таком коротком стихотворении.

Эпитет «лазоревый» обладает семантической напряженностью и отправляет к фольклорной семантике *лазоревых цветов*, так как сам лазоревый цвет, можно сказать, в природе и не встречается (в этом тоже кроется апофатизм). По тонким наблюдениям лингвистов, колоратив «лазоревый» представляет собой смесь алого и синего [2; С. 107–109]. Однако мы хотели бы в этом случае дополнить данную точку зрения и обратить внимание на исследование Л. А. Тульцевой [29], в котором она описывает лазоревые цветы, их виды и обрядовое значение.

Во-первых, лазоревые цветы, главным образом, купальские цветы; во-вторых, сам колоратив несет семантику и лазури, но не ограничивается ей, и света, огня, он связан с перерождением, вознесением *от тьмы к свету*. Такая амбивалентность позволяет с определенной долей уверенности говорить о парадигме Танатос — Эрос, смерть — космическое *вознесение*, заложенной в данном цветовом комплексе, который, по справедливому замечанию Тульцевой, назван семантическим сгустком разных архетипов [29]. Интересно использование этого колоратива и Есениным в раннем, как бы «ученическом» стихотворении «На лазоревые ткани» (1915):

На *лазоревые* ткани
Пролил пальцы багрянец.
В темной роще, по поляне,
Плачет смехом бубенец.

Затуманились лощины,
Серебром покрылся мох.
Через прясла и овины
Кажет месяц белый рог¹. [10; С. 93]

От чего ткани (видимо, поле) лазоревые? Если от цветов, то время года в стихотворении — лето. По косвенным приметам мы видим, что это не так, хотя в поэтическом тексте и допускаем долю условности, смешение воедино всех времен года. Однако раскрыть значение этого эпитета, явно обладающего семантическим напряженностью, все-таки важно. Если перед нами поляны лазоревые от заходящего солнца («пролил пальцы багрянец»), так как лазоревый это, прежде всего, алый, багряный, то возникает ритуальная ситуация встречи двух светил, заходящего солнца и молодого месяца. Укажем также на то, что *лазоревые ткани* мы прозреваем в ночи, то есть в темноте («в темной роще»), поэтому можно поставить вопрос о рождении *света во мраке*, о мифологеме *светотьмы*, значит можно говорить и об особой пространственно-временной организации в стихотворении — о *вневременности*. Именно в такой переходный момент случается *чудо, необъяснимое и невыразимое*:

Смотрят девушки лукаво
На красавца сквозь плетень.
Парень бравый, кучерявый
Ломит шапку набекрень.

Ярче розовой рубахи
Зори вешние горят.
Позолоченные бляхи
С бубенцами говорят. [10; С. 93]

Этим чудом являются смотрины, девушки выглядят себе жениха, но за реальным персонажем, парнем бравым, кучерявым, кроется ситуация выбора «короля», на тайную природу его и ритуальный характер этой ситуации указывают сакральные солярные символы (позолоченные бляхи, образ вешних зорь). Типологически значим и убедителен здесь случай ритуального выбора «майского» короля и королевы [31; С. 119].

Итак, разбор стихотворения Есенина косвенно помогает разобраться в странной брюсовской парадигме «месяц — луна». Во-первых, в фольклоре, в свадебном обрядовом комплексе, мы встречаем сочетание этих светил; во-вторых, стоит принять во внимание изменчивую амбивалентную природу луны и в этом отношении прав Мирча Элиаде: «Подобно человеку, Луна встречает на своем пути трагедии, ибо ее «ослабление» (уменьшение размеров и формы по фазам), как и ослабление человека, кончается смертью. Три ночи звездное небо лишено Луны. Но за этой «смертью» следует возрождение: новолуние. Угасание Луны в «смерти» никогда не окончательно» [32; С. 117]. Можно сказать, что в стихотворении Брюсова начало и конец, в мифоритуальном космогони-

¹ Здесь и далее в примерах курсив наш. — М. Д.

ческом плане, объединены. И в такой пограничный момент *вневременности* рождается Логос, тайны созданных (уже вербализованных) созданий доступны поэту. Из апофатического пространства сна, полубреда, когда руки на стене только записывают текст, поэт и его стих — выходят. Здесь поставим вопрос о возможном экфрасисе. Обычно фиолетовые руки приравниваются лопастям латаний, напоминаям пальцы. Однако заметим, что Брюсов ведь был еще и художником, он рисовал не хуже Блока, Белого, Волошина. Почему же исключаем возможность записи стиха, работы с ним, на стене? Звуки выходят и исходят от самого автора. Но этот демиургический акт возможен только в определенный сакральный момент, полного безвременья (отсюда и еще одно оксюморонное сочетание — звонко-звучная тишина). Можно также и Поэта приравнять к месяцу, который является одной ипостасью Луны и в этом нет грубого эротизма (имеется в виду сочетание «месяц обнаженный»). В таком ритуальном ключе можно поставить вопрос и о космическом Эросе — ведь луна лазоревая, дающая лазоревый свет, который позволяет человеку совершить *прорыв из тьмы к свету* (именно по этим причинам и собирают лазоревые купальские цветы).

Таким образом, мифологический имагинативный язык, способ мысли помогает расшифровать темное (апофатическое) место в стихотворении Брюсова «Творчество». Итак, наш вопрос о «стрелке» [25], возможностях перевода сводится к вопросу о функционировании

фольклорной традиции в литературе, о *взаимосвязях мифа, фольклора и литературы* и нуждается в серьезных дополнениях, разработке нового терминологического аппарата, который непременно должен включать в себя категорию имагинативного. Такой подход не может сводиться исключительно к формуле: «художественный текст = фольклорный текст» — между ними должен стоять знак «+», означающий *приращение* архетипического смысла, энтелехийную силу культуры. Исследователь, учитывающий имагинативную составляющую текста, вычленяющий архетипические образования, должен *перевести* произведение на язык фольклора, подобрать эквиваленты апофатическим местам, как бы войти в *онтологическое пространство фольклора*. Для подтверждения нашей мысли в заключение приведем наблюдение переводчика и философа Р.В. Псху, занимающейся философией перевода и переводом философских текстов и обращающей внимание на онтологические моменты в языке: «... перевод рассматривается как фактическое выражение осуществленного истолкования или закрепления понятого смысла оригинального текста, осуществляемого в определенной онтологической модели, заданной тем или иным языком» [22; С. 188]. Перевод в нашем случае осуществляется с поэтического языка на язык фольклора и мифа (вспомним еще раз положение о метафоре, как об «осколке мифа»), с помощью имагинативного языка последних и так происходит толкование, расшифровывание трудных апофатических мест.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштам Т. А. Герой и его женщины: образы предков в мифологии восточных славян. — СПб.: МАЭ РАН, 2011.
2. Бобровская Г. В. Лазоревый цветок // Русская речь. 2004. № 1. С. 107–109.
3. Брагинская Н. В., Шмаина-Великанова А. И. Свет вечерний и свет невечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. — С. 73–92.
4. Брюсов В. Творчество // Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. — М.: Худ. лит., 1973. — Т. 1.
5. Варава В. В. Философская танатология или апофатическая философия? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 2 (145). Вып. 23. — С. 112–117.
6. Василенко В. М. Русское народное искусство. Содержание, стиль, развитие. — М.: Изд-во РГГУ, 2011.
7. Дударева М. А. «В один голос»: фольклорная традиция в поэтике С. А. Есенина и В. В. Маяковского. — Иваново: Ивановский государственный университет, 2016.
8. Дудкин В. В. «Невыразимое» у Данте, Гете и Достоевского // Проблема исторической поэтики. 2012. Вып. 10. — С. 86–113.
9. Елепова М. Ю. Эстетика В. А. Жуковского в апофатическом контексте // Дискуссия. 2012. — С. 176–178.
10. Есенин С. А. На лазоревые ткани // Собр. соч. в 7 т. — М.: Наука; Голос, 1996. Т. 4.
11. Жирмунский В. М. Поэтика Александра Блока // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л.: Наука, 1977. — С. 205–237.
12. Иванюк Б. П. Диалог с г-ном Текстом. — Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2017.
13. Исапова Ф. Х. Автореферентность как способ изображения творчества в стихотворении В. Брюсова «Творчество» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2010. № 11. — С. 35–44.
14. Кожин В. В. Что такое стих // Кожин В. В. Стихи и поэзия. — М.: Советская Россия, 1980.
15. Коршунков В. А. Мифоритуальные основы восточнославянского детского фольклора: заговорная формула в потешке «Сорока» // Традиционная культура и мир детства. Нижний Новгород: Фольклорный центр ННГУ им. Н. И. Лобочевского; Предприятие «Поиск», 2002. С. 92–96.
16. Левинтон Г. Заметки о зауми. 1. Дыр, бул, щыл // Антропология культуры. — Вып. 3. — М., 2005. — С. 160–174.
17. Лекманов О. Брюсов. «Творчество» // <https://arzamas.academy/courses/22/1>

18. Махов А. Е. Последний труд А. Н. Веселовского // В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — С. 5–13.
19. Мелетинский Е. М. Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
20. Михайлова М. Ю. Художественная апофатика русского фольклора // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 2. — С. 472–476.
21. Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. Т. 2: Демонологизация умерших людей. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.
22. Псху Р. В. Перевод восточных философских текстов в контексте историко-философской проблематики. — М.: РУДН, 2017.
23. Раков В. П. Меон и стиль. Монография. — Иваново; Шуя: Шуйский государственный педагогический университет; Центр кризисологических исследований, 2010.
24. Сатретдинова А. Х. Интертекстуальность поэзии В. Брюсова: дис. . . . канд. фил. наук. Астрахань, 2004.
25. Смирнов А. В. Философия перевода и перевод философии // Философский журнал. 2012. № 1 (8). — С. 40–58.
26. Татарина О. В. Принципы апофатической поэтики в творчестве А. И. Введенского // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. — С. 357–359.
27. Топоров В. Н. Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. — М.: Наука, 1988.
28. Тростина М. А. Архетип «родного покойника» в устных народных рассказах русских и мордвы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71). Ч. 2. — С. 29–32.
29. Тульцева Л. А. Лазоревые цветы России: антропосакральные концепты // Институт этнологии и антропологии РАН [Электронный ресурс]. URL: <https://ieas.ru> (дата обращения: 13.03.2019).
30. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978.
31. Фрезер Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. — М.: Издательство политической литературы, 1983.
32. Хлебников В. О пользе изучения сказок // Творения. — М.: Сов. пис., 1986.
33. Ходасевич В. «Juvenilia» Брюсова // София. М.: Тип. К. Ф. Некрасова, 1914. Февраль, № 2. — С. 64–67.
34. Цивьян Т. В. Наблюдения над категорией определенности/неопределенности в поэтическом тексте // Категория определенности/неопределенности в славянских и балканских языках. — М.: Наука, 1979. — С. 140–169.
35. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. — М.: Ладомир, 1999.
36. Энгстрем М. Апофатика и юродство в современной русской литературе // Journal of Slavic Languages and Literatures, 2010, No. 51, pp. 129–140.

© Дударева Марианна Андреевна (marianne.galieva@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

ДРАМАТУРГИЯ ДМИТРИЯ БОГОСЛАВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ «ЛЮБОВЬ ЛЮДЕЙ»)

DRAMATURGY BY DMITRY BOGOSLAVSKY (BASED ON THE PLAY "THE LOVE OF PEOPLE")

**E. Plotnikova
L. Mamaeva**

Summary. Modern young writers are actively replenishing their theatrical repertoire with their experimental works. The authors of the article focus on the play by Dmitry Bogoslavsky — the winner of the Debut Prize for 2012 and 2013 in the nomination "Dramaturgy" — "The Love of People". The work tells of human relations that exist behind the facade of unsightly life. It depicts how a large-scale human tragedy arises from a "mundane" reality. The young playwright explores different versions of love feelings, in particular, love as an attack, as a disease that does not pass until the end, until it leads to trouble. The play ends wildly, but it has volume, depth and its own truth. "The Love of People" is a vivid example of the social "new drama", the aesthetics of which are based on hyperrealism.

Keywords: nature of love, poverty of society, "little man", "new drama", social drama, hyperrealism, associative principle.

Плотникова Екатерина Андреевна

К.филол.н., доцент, Марийский государственный университет, (Йошкар-Ола)
kati_miracle@mail.ru

Мамаева Любовь Александровна

Учитель, СОШ № 5, г. Котельнич Кировской области

Аннотация. Современные молодые писатели активно пополняют своими экспериментальными работами театральные репертуар. В центре внимания авторов статьи пьеса Дмитрия Богославского — победителя премии «Дебют» за 2012 и 2013 годы в номинации «Драматургия» — «Любовь людей». Произведение повествует о человеческих отношениях, существующих за фасадом неприглядного быта. В нем изображено, как из «приземленной» реальности вырастает масштабная человеческая трагедия. Молодой драматург исследует разные варианты любовного чувства, в частности любовь как напасть, как болезнь, которая до конца не минует, пока не приведет к беде. Пьеса заканчивается дико, но в ней есть объем, глубина и своя правда. «Любовь людей» — яркий пример социальной «новой драмы», эстетика которой базируется на гиперреализме.

Ключевые слова: природа любви, нищета общества, «маленький человек», «новая драма», социальная драма, гиперреализм, ассоциативный принцип.

Современный театральные репертуар отмечен различного рода поисками и экспериментами. Его характерными чертами являются злободневность, демократичность и острая социальная направленность [10]. Активно работают в этом русле и молодые авторы. Среди них хотелось бы выделить творчество писателя из Беларуси Дмитрия Богославского — победителя премии «Дебют» за 2012 и 2013 годы в номинации «Драматургия». Молодой автор закончил Минский государственный колледж искусств, специальность «режиссура», и Белорусскую государственную академию искусств. В нынешний период времени восхитительно демонстрирует актерскую игру на сцене Белорусского государственного молодежного театра. В это же время является одним из организаторов Студии альтернативной драмы [2]. Дмитрий Богославский — автор 11 пьес, которые с 2008 года ставятся на различных театральных подмостках Москвы и Минска. Среди его литературных пристрастий — «новая драма» начала XX века и бельгий-

ский писатель, драматург и философ М. Метерлинк с его особой атмосферой и символикой [5].

Дмитрий Богославский неоднократно номинировался на различные премии и добивался успеха. Так, в 2010 году пьеса «Брачо» была внесена в шорт-лист конкурса по драматургии «Премьера.txt-2010» и выиграла особый приз жюри в номинации «За боль и ярость в отображении современного мира». Тем не менее истинный плод труда и признание драматург получил после ознакомления театрального мира РФ с его пьесой «Любовь людей». В 2011 году она попала в шорт-листы драматургических конкурсов «Евразия-2011» и «Литодрама», список конкурса по драматургии «Любимовка-2011», заняла лидирующее место на конкурсе «Действующие лица-2011» и выиграла приз зрительских симпатий конкурса «Новая пьеса» при главной национальной театральной премии России «Золотая маска». И, как уже указывалось, в 2012–2013 гг. Дмитрий Богославский

дважды становился лауреатом премии «Дебют» в номинации «Драматургия» [16].

Особенности произведения и его героев

М. Тарасова в статье «Не любовь не людей» так отзывается о пьесе, принесшей успех автору:

«Произведение Д. Богославского реалистично, а местами даже натуралистично отражает жизнь российской глубинки. Но в то же время не без романтики повествует о человеческих отношениях и чувствах, существующих за фасадом неприглядного быта. А есть ли она? А есть ли она, любовь людей? — невольно спрашиваешь себя, пока слушаешь пьесу» [19].

И, действительно, пьеса «Любовь людей» производит очень сильное впечатление как резкой сменой натурализма и мистики, так и неожиданностью финала. Как обозначила А. Иванова, это *«жесткое и бескомпромиссное повествование о жизни, не знающей полутонов»* [14]. Любовь здесь не просто чувство, а сугубо индивидуальное, доводящее до безумства действие. Сам автор говорит: *«Все персонажи — люди. Все, чего они хотят — любви»* [8].

Итак, в центре внимания драматурга — жизнь «(бело)русской» [13] глубинки. *«Персонажи спектакля — вполне адекватные, вменяемые, дружелюбные к окружающему миру люди. Они не творят нарочного зла и стараются помочь друг другу»* [3]. Главные действующие лица — участковый Сергей, со школьных времен влюбленный в жительницу этой же деревни Людмилу (Люську). А она замужем за пьяницей, жестоким и деспотичным Николаем (Колькой). Героиня уже долго терпит его издевательства и унижения (причем воссоздаются они весьма откровенно в диалогах героев, репликах автора, а также отдельных деталях), но в какой-то момент не выдерживает — и убивает мужа, при этом каким-то нечеловеческим образом (в буквальном смысле скормила его свиньям):

«Гляжу на него и осознаю, что готова непосредственно руками удушить. В ночное время он начал орать, чтобы я ему воды принесла... Я подушкой ему голову положила и легла... сверху. После в сарай оттянула. Я присяду? (Усаживается на стул.) Порубила его. И свиньям бросила. Неделью практически не кормила. В кинофильме увидела» [7].

Чтобы скрыть преступление, Людмила придумывает историю о том, что муж уехал в Москву на заработки. Пропажей Николая заинтересовался Сергей, он просит ее написать заявление об исчезновении мужа. Именно

с этого момента и начинается новый роман — Сергея и Людмилы, причем с ведома и согласия их матерей. Людмила, как-то даже простодушно, признается в убийстве, но это не останавливает Сергея, и он женится на ней. Однако их браку не суждено стать счастливым. Героиню угнетает чувство вины, появляется Призрак Николая, и вот неожиданно для нее самой ожидание его появления и разговоры с ним становятся самым важным содержанием ее жизни:

ЛЮСЬКА. Я ждала тебя.
КОЛЯ. Я пришел. Как и обещал.
ЛЮСЬКА. Благодарю.
Тишина.
Ты как?
Тишина.
Валюнька сказал первые слова.
КОЛЯ. Я знаю.
Тишина.
Там непрерывный холод... Тебе не страшно?
ЛЮСЬКА. Нет.
КОЛЯ. И мне нет...
Тишина [7].
ЛЮСЬКА. А Валюнька тебя может видеть?
КОЛЯ. Нет.
ЛЮСЬКА. Почему?
КОЛЯ. У него теперь иной отец.
Тишина.
ЛЮСЬКА. Может быть, являлся бы к нему порой?
КОЛЯ. Я и так с ним.
ЛЮСЬКА. Да, прости.
Тишина [7].

Богославский мастерски передает это новое состояние героини, придавая ему вполне материальные, жуткие до осязаемости формы. Что касается Сергея, то он испытывает страшные муки, ссорится с друзьями и, в конце концов, решается убить жену. Потрясает своей точностью и психологизмом финал пьесы:

«Люська на лавочке одна. Она улыбается и рыдает, левой рукой удерживая за руку кого-то невидимого и положив голову кому-то невидимому на плечо. Как снег, падает с деревьев яблоневого цвет. Метель. Занавес» [7].

Исследование сущности любовного чувства

Пьеса полностью оправдывает свое название: в ней показаны разные варианты любовного чувства. Это своего рода художественное исследование природы и сущности любви людей. И тут возникает логический вопрос: разве это любовь? Разве так строят отношения нормальные люди? Д. Богославский отвечает просто:

«Мне хочется, чтобы стало ясно, что это любовь ЛЮДЕЙ, а не пьяного деревенского быдла, они все люди. По моему мнению, в пьесе нет отрицательных персонажей. И хочется, чтобы стало понятно, что это именно ЛЮБОВЬ. Просто она поставлена в такие предлагаемые обстоятельства, где-то в очень грубые, но ведь и в жизни у нас так происходит. Мы же будем любить, если начнется война или потоп? Так и у них, у персонажей, вот такая жизнь, вот такие условия, но любить-то хочется, любить надо. И потребность эта очень сильная» [11].

Так, Людмила любит преданно, терпеливо и молчаливо, но до определенного времени. Николай проявляет свои чувства только после смерти, когда является своей жене в видениях, до этого же он деспот и негодяй. Любовь Сергея — восторженная и самоотверженная, казалось бы, проверенная временем, постепенно становится и для него самого, и для близких ему людей настоящим испытанием, перерождается, ведет героя к преступлению:

«Наотмашь наносит удар ей по лицу противоположной стороной ладони, после наваливается на нее и начинает душить» [7].

Сложный период в жизни переживают Иван и Настя. Они женились по любви, и до сих пор Иван с восторгом вспоминает их первое свидание. Казалось бы, виновата в том, что не ладится их сегодняшняя жизнь, исключительно Настя, ставшая излишне прагматичной и меркантильной:

«Ему судьба возможность предоставляет, а он опасается ж... собственную поднять от насиженного места. Чего опасаться? Что тут жалеть? Гниль! Гниль одна вокруг. А надо как люди жить» [7]. И вот уже Иван признается Сергею в том, что готов «или развестись, или убить!» [7].

Однако оказывается, что настоящая причина их несчастья в другом: они не могут иметь детей:

«Мы ж в центр ездили, проходить обследование, а не к брату. Мне операцию хотели делать, потом какие-то анализы, потом ждали, после говорят: со мной все хорошо, а Ванька не может. Я говорю, в Москву нужно, а он все боится...» [7].

Точно подметила К. Ларина:

«Герои словно переживут несколько жизней, перекосят, переломают свои судьбы и, не выдержав этой пытки расплаты и возмездия, исчезнут с лица земли, изуродованные, измороженные, не пригодные для покоя и счастья» [15].

Разное отношение к любви демонстрируют у Богославского и представительницы старшего поколения. Так, мать Сергея, Лидия Федоровна, уверена, что «любовь лишь одна человеку дается. На всю жизнь. Всего одна. Так и бабушка моя сказала, и мать моя» [7]. Поэтому Сергей, по ее мнению, должен непременно решиться на объяснение с Людмилой. А сама Лидия Федоровна «свою любовь уж отжила. До дна вытила, а потом выплакала» [7]. Муж «был для нее всем», и единственное, что ее сейчас еще радует, это сходство Сергея и отца. Немало любовных переживаний выпало и на долю матери Людмилы Ольги Борисовны. Но они тоже в прошлом. Уже пожилая женщина признается Сергею, что не могла устоять перед фронтовиками:

«По окончании войны знаешь, какие мужчины были? Ох, не налюбоваться! В них стать какая-то присутствовала. Они себя преподносили, понимаешь? Меня мать на танцы не отпускала, так я с подругами все в окна тайно смотрела... Раньше люди другими были. Все по-иному было. И жили по-иному, и любили...» [7].

Счастливы на данный момент лишь Чубасов и Ольга. У каждого из героев пьесы Богославского есть своего рода ведущий лейтмотив, он маркирует его поведение на сцене. Так, появление Сергея связано с какими-то беспокоящими сознание и воображение читателя/зрителя звуками (поскрипывание двери, лязганье щеколды, шарканье сапог), тусклое освещение фонаря, оголенные, сгибающиеся до земли деревья, а вот Чубасов появляется под радостный женский или мужской хохот, звон разбиваемой бутылки и т.д. На первый взгляд, самодовольный и уверенный в себе Чубасов не способен на чувство. Однако влюбляется и он:

Запал, в общем. Крановщицей у нас работает, сама из Калуги. Ольга. Васильевна. С виду хрупкая такая. Но порой в рацию ка-а-ак крикнет: «Славка, твою душу за ногу!» — и давай поливать отборным. У меня впервые чуть уши в трубочку не скрутились. Но в жизни никогда себе не разрешает такого [7].

«Любовь людей» как пример социальной «новой драмы»

Гиперреализм

Пьеса Богославского, на наш взгляд, в целом может быть соотнесена с традициями «новой драмы», ее главной жанровой разновидностью — социальной драмой, «эстетика которой базируется на гиперреализме» [18]. В пьесе Богославского, как и у других драматургов этого направления (братьев Пресняковых [23], В. Сигарева [1], И. Вырыпаева [22] и др.), изображается «духовная и реальная нищета общества, грубость и жестокость его нра-

вов» [21]. Драматург использует своего рода шоковую терапию, воссоздавая в монологах своих героев «страшную безысходность, контраст черного (невыносимая жизнь) и светлого (будущее после смерти)» [21]:

Тишина, б...ь. Опять тишина... везде. Повсюду, внутри, в голове, в груди... звенящая такая, которая давит... И пустота, которая давит, слышь? Давит. И снег. Снег. Повсюду снег, так много снега, на улице, по телевизору, на потолке, везде. А я жажду лета... Мне нужно тепло. Очень длительная зима в этом году. Очень. Я не могу обогреться. Меня раздражает, что меня беспрерывно колотит, целую зиму, целую зиму изо дня в день, изо дня в день, изо дня в день! Господи, какая нелегкая зима. Я жажду лета... Жажду лета. Жажду лета. Жажду лета. Жажду, жажду, жажду, жажду! Зима не может быть такой длительной! Не может быть такой длительной эта проклятая зима! Уже нету сил терпеть, все! [7].

При этом Д. Богославский акцентирует:

«Никто из сегодняшних новодраматургов ничего такого из области фантастики не выдумывал — все взято из жизни. Слова, поступки» [9].

Маленький человек

М. А. Черняк, анализируя пьесы Е. Гришковца, сделала замечательно верное наблюдение о том, что «герой Гришковца — это заговоривший о себе, пытающийся осознать себя и свое место в мире «маленький человек» [21]. В известной мере это высказывание можно отнести и к героям Д. Богославского. Их страшные потери и обретения, несомненно, обусловлены общей неустроенностью и неудовлетворенностью жизнью. При этом некоторые из них находят в себе силы отстаивать выстраданную жизнью и смертью позицию:

ЛЮСЬКА. Не мешай, в этом будет твоя поддержка. Я не хочу больше каких-либо бесед, просьб либо чего-то еще. Не нужно влезать ко мне в душу. Я миновала плеть, и пряники меня уже не утешают. Я могу повествовать тебе обо всем, однако я не вижу смысла: невозможно разрешить словами то, что следует решить делом. Николай будет со мной столько, сколько будет желать он сам. Я не могу отказать ему. И ты должен это осознать. Прости, если я причиняю тебе боль... Я понимаю, что тебе больно, однако ничего не могу с этим сделать [7].

Другие смиряются и уходят:

СЕРГЕЙ. *Не вы виноваты... здесь и виновных-то нет... нет виновных... Все, давайте... Счастливо... простите меня, что-то совсем я... [7].*

Условная сценическая площадка

Действие в пьесе не ограничено во времени и пространстве, оно разворачивается на условной сценической площадке («Из жизни людей в преддверии зимы и ожидания лета»). Хотя, при необходимости, конкретные временные рамки можно и определить (от Пасхи до поздней осени), как это сделала Э. Деменцова:

«А времена года здесь сливаются воедино: дождь переходит в ливень, ливень сменяется снегом. С неба льет, на земле наливают, заливают и горе, и радость. До зимы — предчувствие, до лета — упование» [12].

АССОЦИАТИВНЫЙ ПРИНЦИП И СИМВОЛИЗМ

Строго говоря, в пьесе всего два действия, сцены обозначены по именам действующих лиц («Колька», «Люська», «Иван», «Настя» и т.д.). Кстати, героев тоже относительно немного — 10 (при этом один из них «без слов»). Обращают на себя внимание и развернутые авторские ремарки, приобретающие в ряде случаев символический смысл:

«Темнота. Тишина. Длительная темнота. Длительная тишина. Весьма длительная темнота. Весьма длительная тишина» [7]; «Они глядят друг другу в глаза. Длительная тишина. Весьма длительная тишина. Даже может показаться, что слышно, как падает снег...» [7]; «Скрипят половицы. Тишина. Снова скрипят половицы» [7]; «Тихо гудит телевизор. Тихо шипит сковорода. Тихо трещит радио» [7]; «Весьма длительная тишина. Бренчат ведра. Поскрипывает колодец. Лают тревожные собаки» [7].

Необходимо отметить и ещё один важный момент, имеющий отношение к особенностям повествования «новой драмы»: в основе построения пьесы — ассоциативный принцип. Это подразумевает, что все элементарные процессы, которые происходят с героями, находят между собою в ассоциативных связях [6]. Текст пьесы Богославского дискретен: линейное развитие сюжета прерывается вставками [17], рисующими взаимоотношения Людмилы и Николая до момента убийства.

ЛЮСЬКА. Да дашь ты нам спать или нет, ирод?
КОЛЯ. На том свете отоспишься!. У-у-ух... мать твою за ногу, да заткни ты его! Меня слушать, я сказал.
ЛЮСЬКА. Сам заткнись, развизжался среди ночи [7].
ЛЮСЬКА. Тварь... тварь... Отпусти, Коля. Отпусти!
КОЛЯ. Лежать. Лежать, я сказал.
ЛЮСЬКА. Нет, нет. Пусти.

КОЛЯ. Лежать, б...ь. Не дергаться! Ты меня сейчас любить будешь. Ох, как ты меня любить будешь, ох, как уважать будешь. Я из тебя высокомерие выбью, ты у меня ласковая ходить будешь! Ну, что, а? Тебе по душе?

ЛЮСЬКА. Коля, нет! Николай, Николай, не нужно, отпусти меня. Коля... Отпусти... Нет... Николай, давай не перед ребенком... не перед ребенком... прошу тебя... Коля. Нет. Нет. Нет [7].

Речь персонажей

В драме решающее значение имеют высказывания персонажей, которые знаменуют их волевые действия и активное самораскрытие [4]. В произведении Д. Богославского отражена стихия живого разговорного языка. Так, в языке Сергея соединяются в целом:

♦ Правильная литературная речь:

«ЛЮСЬКА. Здравствуйте. СЕРГЕЙ. Да. Мое почтение, Людмила Федоровна. Присаживайтесь. ЛЮСЬКА. Вызывал? СЕРГЕЙ. Да, вызывал. Присаживайтесь. ЛЮСЬКА. Я постою. СЕРГЕЙ. Людмила Федоровна, присаживайтесь, будьте добры. Я хоть долго вас держать не буду, но все же присаживайтесь. У меня к вам пару вопросов» [7].

♦ Элементы народной поэтичности:

«СЕРГЕЙ. Люся, Люся, Люська, ну произнеси ты хоть словечко! Произнеси хоть словечко! (Бросается к ней, трясет за плечи, треплет, после обнимает, то и дело целует в щёки.) Люсенька, хоть словечко. Побеседуй со мной, побеседуй, Люсенька...» [7].

♦ Профессионализмы:

«Да, вызывал. Присаживайтесь», «...я бы попросил вас...», «...написали заявление об исчезновении...», «...если бы его задержали, то пришла бы бумага...» [7].

♦ Присущая маргинальным слоям города лексику и фразеологию, а также просторечные и бранные выражения (Чубасов в изобилии использует):

«Не ссы Маруся, я сам боюсь!», «Ну, тогда кури свои бабские», «Неудобняк, опарафинился по полной», «Насть, ты чего волну гонишь?» [7].

♦ Народная песня

Любопытно, что в конце пьесы звучит трогательная народная песня на украинском языке. Достаточно много и прецедентных текстов («Ап, и тигры у ног моих присели!», «Ясный мой свет ты напиши мне, слезою та-та на белоснежном окне...»).

Элементы детектива, античного театра

Ощутимо в произведении и влияние современного кинематографа. Оно находит выражение, например, в поступках персонажей (Люська видела в кино, как труп персонажа скормили свиньям). В то же время социальная драма осложняется Богославским: появляются элементы детектива (новый возлюбленный Людмилы, участковый милиционер, по долгу службы пытается выяснить обстоятельства исчезновения ее мужа), античного театра (мотивы рока, судьбы, гибель главных персонажей, в целом общечеловеческий характер обобщений).

Выводы

Таким образом, пьеса «Жизнь людей», на наш взгляд, соотносится с ведущими тенденциями «новой драматургии» рубежа XX–XXI веков: в ней отчетливо выражено как стремление к разрушению стереотипов обыденного сознания, так и традиции художественного мышления театральными сценаристами. Сам Дмитрий Богославский отметил: «Хотелось, чтобы люди задумались о своей жизни. Ведь больно мы делаем только самым близким...» [20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анашкин С. Пьесы растут, как деревья. Портрет драматурга и режиссера Василия Сигарева // Искусство кино. — 2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://old.kinoart.ru/archive/2009/08/n8-article13> (дата обращения: 18.11.2019).
2. Артимович Т. САД: «Без единомышленников театра нет» // Новая Эуропа. — 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://n-europe.eu/tables/2012/09/28/sad_bez_edinomyshlennikov_teatra_net (дата обращения: 16.12.2019).
3. Бегунов В. Что люди друг с другом делают! («Любовь людей» Д. Богославского в Театре им. Вл. Маяковского) // Современная драматургия. — 2011. — № 4. — С. 166–168 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://teatr-lib.ru/Library/Modern_drama/2013_4/ (дата обращения: 14.12.2019).
4. Белинский В. Г. О театре и драматургии. 1831–1840 годы. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 444 с.
5. Белякова В. Дмитрий Богославский. Интервью // Культпросвет. — 2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kultprosvet.by/dmitrij-bogoslavskij-kultprosvet/> (дата обращения: 02.12.2019).
6. Бентли Э. Жизнь драмы. — М.: Айрис Пресс, 2004. — 405 с.
7. Богославский Д. Н. Любовь людей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/02/21/617> (дата обращения: 06.11.2019).
8. Богославский Д. Н. Про «Любовь людей» // Новосибирский академический молодежный театр «Глобус» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.globus-nsk.ru/media/detail/article_994/ (дата обращения: 16.12.2019).

9. Васанская Ж. Дмитрий Богославский: «Давно наблюдаю за работой поискового отряда «Ангел» // Белорусский партизан. — 2018 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://belaruspartisan.by/life/439776/> (дата обращения: 16.12.2019).
10. Веллингтон А. Т. Современный театр. Эксперименты над формой и содержанием // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2017. — Т. 9. — № 3 (1). — С. 139–145.
11. Власова Т. Любовь как маниакально-депрессивный синдром // Театрал. — 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.teatral-online.ru/news/6991/> (дата обращения: 16.12.2019).
12. Деменцова Э. «Любовь людей»: кабы не было зимы, или деревенский триллер // Комсомольская правда. — 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/25910/2864735/> (дата обращения: 11.12.2019).
13. Должанский Р. Уровень немосковской жизни // Коммерсантъ. — 2012. — № 120. — С. 11 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1971659> (дата обращения: 15.11.2019).
14. Иванова А. Сюжет из античной трагедии на русский лад // Вечерняя Москва. — 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vm.ru/afisha/114305-syuzhet-iz-antichnoj-tragedii-na-russkij-lad> (дата обращения: 13.11.2019).
15. Ларина К. Сука-любовь // The New Times. — 2012. — № 28 (255) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://newtimes.ru/articles/detail/56849/> (дата обращения: 16.12.2019).
16. Огнева М. Кухня драматурга. Дмитрий Богославский. Интервью. Если есть возможность сделать читку — обязательно делай! // DramaFond. — 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dramafond.ru/2014/08/03/kukhnya-dramaturga-dmitriji-bogoslavskijj-intervyu-esli-est-vozmozhnost-sdelat-chitku-obyazatelno-delajj/> (дата обращения: 08.11.2019).
17. Павленко А. Теория и театр. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. — 234 с.
18. Рытова Т. А. Русская драматургия 1990-х — 2000-х годов: проблематика, семантика, поэтика. — Томск: Изд-во ТГУ, 2011. — 162 с.
19. Тарасова М. Не любовь не людей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://teatre.com.ua/review/neljubov-neljudej/> (дата обращения: 11.11.2019).
20. Хорошилова Т. Еще не стреляный воробей // Российская газета. — 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/2012/10/04/premyera.html> (дата обращения: 28.11.2019).
21. Черняк М. А. Новая драма XX века // Современная русская литература конца XX — начала XXI века. — М., 2011. — С. 352–373.
22. Чернякова С. Иван Вырыпаев: Все мои пьесы очень русские // Сноб. — 2018 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://snob.ru/entry/169432/> (дата обращения: 18.11.2019).
23. Чумичева О. А. Художественные особенности драматургии братьев Пресняковых. — Челябинск: ЮУрГУ, СГ-215, 2017. — 88 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/17195/2017_215_chumichovaoa.pdf?sequence=1?sequence=1 (дата обращения: 18.11.2019).

© Мамаева Любовь Александровна (kati_miracle@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Марийский государственный университет

ИМИДЖ ТЕАТРА

THEATER IMAGE

**I. Simonova
K. Bernadskaya**

Summary. The article focuses on a brief overview of the latest foreign research that contributed to the problems of forming the theater image, allowing you to get a general idea of the main approaches, promising areas of research, elements of the image formation techniques, search algorithms for a unique idea for creating an image, and choosing the most informative means of creating it.

Keywords: image creation, image of the museum, assessment methodology of the museum image, target audience, means of image building.

Симонова Ирина Феликсовна

К.п.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, г. Санкт-Петербург

Бернадская Ксения Владимировна

*Преподаватель, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, г. Санкт-Петербург
9571507@mail.ru*

Аннотация. В статье предлагается краткий обзор новейших зарубежных исследований, посвященных проблемам формирования имиджа театра, позволяющий получить общее представление об основных подходах, перспективных направлениях исследований, элементах технологии формирования имиджа, алгоритмах поиска уникальной идеи для создания имиджа, выбора наиболее информативных средств его создания.

Ключевые слова: формирование имиджа, имидж музея, методика оценки имиджа музея, целевая аудитория, средства формирования имиджа.

После революционно-романтического «взрыва» в течение последних пятнадцати — двадцати лет, в изучении имиджа учреждений культуры наступило относительное затишье. Идеи создания имиджа выходят из научной моды. И это дает надежду на прогресс. Посвятившим годы изучению этого феномена повезло. Во-первых, среди них не созрело кумиров, чьи идеи, превращаются в догму, в которую необходимо верить даже тогда, когда это становится невозможно. Во-вторых, после модного ажиотажа остался ряд нерешенных, но весьма интересных для изучения проблем.

Анализ опубликованных работ, посвященных имиджу учреждения культуры, позволяет говорить о том, что имидж для многих авторов так и остался трудноуловимым феноменом, неустойчивой конструкцией и туманным преимуществом. Одна из общих проблем — взаимоотношения практики построения имиджа и теории имиджа, которая довольно трудно находит своё место в контексте практических задач. Попытки «приспособить» теорию к практике посредством почтительного цитирования участников научного процесса, многословные размышления о важности создания имиджа, его функциях и преимуществах, не увенчались успехом. Вторая общая проблема связана с обоснованием актуальности. Особенно практической актуальности. Авторы практико-ориентированных исследований не предлагают руководителям учреждений культуры компактные и убедительные аргументы, в пользу того, что они должны тратить ресурсы на создание имиджа. Так же практически разрабатываются простые алгоритмы, позволяющие решать специфические задачи создания имиджа в процессе основной деятельности, с использованием

существующего потенциала и в границах имеющихся бюджетов. Наблюдается дефицит лаконичных, оригинальных идей, на основе которых может создаваться имидж конкретного учреждения. Предлагаемые методики оценки имиджа, как правило, характеризуются отсутствием измеряемых критериев оценки и четко сформулированных реалистичных, прагматичных целей его создания. Новейшие зарубежные исследования и практический опыт построения имиджа, мало изучены и остаются не замеченными. Вместе с тем, в наиболее развитых странах накоплен большой научный и, особенно, практический опыт, который может быть интересен.

В рамках статьи нет возможности представить полноценный качественный и количественный анализ зарубежных исследований. Данный обзор позволяет составить лишь общее представление о подходах и направлениях исследований, посвященных вопросам формирования имиджа театров.

Теоретическое осмысление феномена имидж началось в середине XX века в США. В 80-х годах в США, Канаде, Австралии, Японии, странах Западной Европы изучение имиджа уже сложилось в междисциплинарную многоуровневую область исследования. Оно базировалось на фундаментальных исследованиях в области общей и социальной психологии, в частности, положении о том, что создание имиджа опирается на перцептивные процессы, образный опыт человека, воображение, систему ассоциаций и систему знаков. [3] В большинстве наиболее развитых стран деятельность, связанная с созданием имиджа, была признана делом необходимым и респектабельным. [2,58] К началу XXI века активное из-

учение имиджа учреждений культуры началось в Китае, Индии и в некоторых странах Африки.

Современные практико-ориентированные исследования отличает прагматичность, ориентация на задачи получения ближайшего результата и актуальность, предполагающая выбор одной, наиболее острой грани проблемы. Значительная часть работ представляет собой оперативные прикладные исследования, основанные на научных знаниях и логике искусства (интуиции, воображении, творчестве и т.д.). Общим для современных исследований является тезис о том, что имидж позволяет управлять вниманием, восприятием, влиять на эмоциональную реакцию (состояние), на отношение и поведение аудитории (выбор). Имидж определяется как образ — представление, формируемое специально для достижения определенных целей. [7]

В последней четверти XX века в зарубежной науке началось активное изучение проблем построения *имиджа учреждений культуры*, что получило отражение, в статьях, в отдельных монографиях и сборниках, в специальных журналах. Современные исследования традиционно ведутся в рамках социологии, публичных отношений, маркетинга, управления, экономики. Авторы опубликованных работ отмечают, что правильно построенный имидж особенно важен в подвижном и довольно хаотичном мире культуры, так как он позволяет максимально эффективно дифференцировать учреждения, продукты, услуги, и, влияя на стоимость, может повышать экономические результаты деятельности. [9,54] Имидж признается одним из четырех важнейших факторов достижения успеха в сфере культуры, наравне с качеством обслуживания, удовлетворенностью и лояльностью клиентов. [11]

Создание имиджа признано необходимым элементом деятельности, причем не абстрактно, а как выражение ценностей учреждения, которые могут легко восприниматься и верно интерпретироваться. [6,306] Точно построенный имидж способен стать точным сообщением, снимающим возникающие противоречия восприятия. В условиях, которые можно определить, как «экономика внимания» а само внимание давно стало специфическим, редким и весьма дорогим товаром, за который ведется нешуточная борьба, [1, 51] имидж представляется эффективным средством достижения успеха в этом сражении.

Изучение имиджа организаций, компаний, действующих в сфере культуры, в зарубежной науке осуществляются по двум основным направлениям. Первое направление — теоретико-экспериментальные исследования, которые посвящены изучению общих и «вечных проблем» имиджа учреждений культуры, в новых услови-

ях, в контексте особенностей деятельности (Л. Абшер, К. Бург, Т. Север и др.). В рамках этого направления продолжается дискуссия относительно природы имиджа, особенностей его функционирования, ведущих характеристик, предлагаются новые модели осмысления уже имеющихся данных и т.д. Зарубежные исследователи активно обращаются к обоснованию теоретических и эмпирических связей между понятиями имидж учреждения и репутация, престиж, уникальность, идентичность и др.

Второе направление — исследования, ориентированные на решение практических задач формирования имиджа разных видов и типов учреждений культуры, а также оценке факторов, влияющих на их имидж (Дж. Крем, А. Халл, А. Огден, Х. Принс, Г. П. Радфорд и др.). Несмотря на существующие противоречия, продолжающую дискуссию относительно содержания понятия имидж, структуры, функций, характеристик и факторов его формирования, авторы предлагают интересные взгляды на проблему и пути её решения. Большое количество исследований посвящено определению роли и значения в формировании имиджа учреждений художественной литературы (К. Браун — Свед, Дж. Ганн, М. З. Хейнтзельман, Е. Йонтз), кинематографа, (Р. Сильвер, Э. Томан и др.), средств массовой информации и сети Интернет (К. Браун — Свед, А. — М. Шантро, Д. Колчамиро, Дж. Дилевко, Дж. Фрилинк, Д. Жерар и др.).

К началу XXI века в зарубежной науке сформировался устойчивый научный интерес к проблемам формирования *имиджа театра*. В монографиях, диссертациях, многочисленных статьях и докладах активно обсуждаются вопросы методологического, теоретического и практического характера. Отдельно изучаются проблемы построения имиджа театров, театральных, концертных организаций, профессиональных, любительских театральных и музыкальных коллективов и даже «уличных» артистов, и музыкантов. Научное сообщество принимает активное участие в поиске эффективных путей и средств построения привлекательного и сильного имиджа театра, возможностей его использования в процессе управления театром, в маркетинговых стратегиях для привлечения публики, улучшения положения на рынке и т.д. Необходимо заметить, что достаточно большое внимание уделяется вопросам формирования имиджа небольших, региональных театров, которые также озабочены проблемой привлечения публики. [16, 15]

Исследования, связанные с формированием имиджа театров, с некоторой долей условности разделить на несколько групп. Прежде всего, это исследования, посвященные общим проблемам формирования имиджа театра, описанию структуры, функций, характеристик. Интересными представляются исследования, построен-

ные на сравнительном анализе реальных имиджей, разных театров, например, расположенных в одном городе, или театров, работающих в рамках одного жанра и т.д.

Многие научные проекты театры реализуют самостоятельно, или в партнерстве с университетами, независимыми исследователями. Особенностью исследований является их междисциплинарность и регулярность. Театры принимают активное участие в проектах, организуемых на национальном, международном уровне, например, рамках Европейского социального фонда, программы Креативная Европа (2014–2020) и др.

Для театров, деятельность которых осуществляется в сложном коммуникативном, информационном, символическом пространстве, создание точного имиджа представляется не простой задачей. Несмотря на то, что создание образов — это «основной инстинкт театра», далеко не каждый из них может использовать существующий творческий потенциал в процессе создания имиджа.

Зарубежные исследователи отмечают тревожные сигналы, связанные с рассогласованностью организационных, управленческих инициатив, создающих неоднозначные, противоречивые имиджи театров. Масштабные исследования в рамках программ Европейского социального фонда показали, что директора театров не готовы тратить время в поисках ответов на вопросы, связанные с созданием имиджа и не инициируют имиджевые проекты, более уповая на успех рекламы. Руководители не верят в то, что компании, направленные на создание имиджа, могут осуществляться в рамках существующих бюджетов, с использованием существующего потенциала. На основе результатов исследования, были сформулированы рекомендации, которые призывают руководителей театров и попечительские советы не жалеть своего времени для того, чтобы реализовать имиджевые стратегии. Рекомендации содержат соответствующие алгоритмы построения имиджа, которые обеспечивают принятие публикой того образа, который театр хочет иметь и поверила, что это именно тот театр, в который ей хочется и нужно приходиться. [5]

Отдельная группа исследований посвящена технологии разработки уникальной концепции имиджа театра. Большинство театров обладают яркой индивидуальностью, большим внутренним потенциалом для того, чтобы иметь сильный имидж и занимать хорошую позицию на театральном рынке. [5]

Общим мнением является тезис о том, что создать точный, «работающий» имидж театра, применяя «универсальные» подходы и некритично заимствуя даже весьма удачный опыт не представляется возможным.

Для каждого театра необходимо разрабатывать собственную модель имиджа, позволяющую определить его структуру, основные элементы и характеристики. Формулировка концептуальной идеи (замысла), который должен содержать художественные, прагматические, технологические элементы и базироваться на реальных обстоятельствах — это довольно сложная задача. Идея должна быть яркой, выделять театр относительно других и заинтересовать публику. Существует несколько базовых моделей, на основе которых возможно создавать эффективные имиджи. Наиболее простой является модель, позволяющая выстраивать имидж по оси «традиционность — современность», по которой и проходит дифференциация театров. Точно выбранное положение на оси «традиционность — современность» выражает особенность театра и определяет стратегию создания его имиджа.

В частности, традиционность предполагает солидный «возраст» театра, местоположение (как правило в знаковом месте, в центре города, в здании соответствующей архитектуры и т.д.), классический репертуар, участие в постановках известных актеров и т.д. В создаваемом имидже театра могут акцентироваться история, мифы, легенды, персоны, преемственность традиций самого театра, места расположения, здания и т.д. По мнению ученых, традиционный театр имеет ряд неоспоримых преимуществ для его публики. Их репертуар, известность авторов пьес, обеспечивают психологическую, моральную безопасность и «легкость присутствия в театре, когда нет необходимости мириться с трудностями восприятия и интерпретации». [5] С другой стороны, такие театры часто воспринимаются, как «элитарные», что представляется проблемой на пути привлечения внимания молодежи, подростков. Особенно остро эта проблема стоит перед театрами с долгой и богатой историей, которые расположены в исторической части города, в старых «театральных» зданиях, но стремятся создать имидж демократичного, современного, молодежного театра. Аналогичная проблема актуальна и для региональных, небольших театров, которые также должны очень тонко «настраивать» свой имидж на оси «традиционность — современность».

Критерий «современность», как правило, предполагает молодость театра и актеров, стремление и возможность выходить из табуированного пространства, использовать особый, современный драматургический материал, который определяет идейное содержание деятельности. Современность может достаточно легко акцентироваться, когда театр работает в нетрадиционных условиях, например, в необычное время суток, или месторасположения (подвал, бар, пещера и т.д.). Современные театры заметно отличаются по форме, контексту и по философии от традиционных и друг от друга. Инно-

вационные управленческие подходы позволяют таким театрам создавать имиджи креативных, мистических, технологичных пространств, акцентировать идеи демократичности, свободы, сотворчества, преобразования, модернизации и др. Такие театры должны уметь точно обозначить свое положение на линии «современность» в определенный временной интервал. Ведь современность — коварное качество, которое выдвигает по отношению к театру много требований, но достаточно быстро проходит.

В зарубежной науке представлено большое количество эмпирических исследований, посвященных театральной аудитории в контексте формирования имиджа. Крупные национальные исследовательские проекты реализуются в течении нескольких лет и дают значительный объем информации, позволяющей фиксировать динамику в представлениях, запросах, структуре аудитории и осуществлять сравнительный анализ. Например, только в Великобритании было проведено несколько масштабных исследований, что создавало впечатление исследовательского бума («Watching Dance: Kinesthetic Empathy», 2008–2011, «Cultural Value», 2013–2015, Locating the Audience: How People Found Value in National Theatre Wales, 2009–2016.) В рамках последнего исследования только один Национального театра Уэльса ежегодно собирал и представлял более 800 опросных листов. Результаты даже небольших практико-ориентированных исследований, выполненных по инициативе театров или отдельных авторов, регулярно публикуются в специализированных журналах и научных сборниках.

Комплексное изучение аудитории предполагает применение широкого набора методов (глубинные интервью, тематические эссе, опросы и др.). Исследования позволяют описать элементы имиджа различных театров в логике респондентов (реальной аудитории — публики), оценить реальный имидж театра в представлении более широкой, потенциальной аудитории. Они позволяют изучать потребности и запросы театральной аудитории, причем в разных смысловых ситуациях, в изменяющихся условиях, а также выявлять новые тенденции, прогнозировать их развитие. В частности, современные исследования позволяют говорить о том, что мотивация посещения театра меняется и усложняется. В качестве основных сегодня выделяются не только мотивы обретения художественного опыта, эстетические, познавательные, но и чисто гедонистические мотивы. [15]

Особенное внимание авторы работ обращают на то, создавая имидж, театр должен учитывать полный спектр ожиданий не только целевой аудитории, но и других групп (представители средств массовой информации, органов власти, профессионального сообщества и др.). Например, действующая власть, публично взаи-

модействуя с театром, стремится к повышению своих социальных рейтингов. Инвесторы ожидают не только повышения рейтингов, но, прежде всего, прибыли. Это требует от руководителей театров специальных знаний, навыков глубокого понимания потребностей участников коммуникации и умения лавировать между образами, каждый из которых в разной пропорции совмещает духовные, ценностные и экономические аспекты.

Еще одна группа исследований, посвящена изучению основных *факторов, влияющих на формирование имиджа театра*. Факторы, которые влияют на имидж театра классифицируются по разному. Одна из классификаций, предлагает три основных фактора: *рациональный*, который представляет собой видимую для зрителя часть театра: фойе, сцена, костюмы, игра актеров, аплодисменты, которые выражают благодарность зрителей и т.д.; *эмоциональный*, связанный с чувствами, страстями, возможностью рефлексии, самопознанием и *прагматический*, в котором заложены очевидные преимущества от посещения театра, а именно способ проводить свободное время, общаться, повышать статус и престиж. [5]

Отдельная большая группа исследований нацелена на изучение и поиск новых *средств создания имиджа театра*. Выбор точных средств по многом обеспечивает внимание театральной публики, ее отношение, успех театра и признается одной из сложных задач, которую приходится решать. [5]

Каждый театр обладает большим репертуаром уникальных, неповторимых и универсальных средств создания имиджа, к которым относятся репертуар, создаваемые на сцене образы, реальные персоны, пространство театра, истории, мифы и легенды и др. Общим можно считать мнение о том, что только при использовании определенного набора достаточных средств (визуальных, тактильных звуковых, ольфакторных) может быть достигнут максимальный эффект влияния.

Выбор конкретных средств создания имиджа осуществляется на основе специальных методик, которые позволяют оценить их информационный потенциал, особенности восприятия целевыми группами, уточнить содержащиеся в них смыслы и возникающие ассоциации, возможности и границы интерпретации и т.д. [14]

Традиционно наиболее эффективными признаются визуальные средства (цвет, элементы дизайна, экстерьера, интерьера и др.), а также изображения, которые способны упростить смысл сообщения, сохранив необходимую информацию для презентации основной идеи. Современные эмпирические исследования показали, что для театра весьма мощными являются тактильные

и ольфакторные средства (запахи, ароматы). Больше внимание исследователи обращают на менее изученные аспекты звуковой идентификации и роль звуков (голос, музыка, звуковой логотип и др.), которые могут выступать в качестве мощных элементов влияния на настроенные, стимуляторов эмоциональных реакций, коррекции субъективного отношения и т.д.

В ряду активно изучаемых средств создания привлекательного имиджа театра особое место занимают современные интернет-технологии. Прежде всего речь идет о создании сайта театра, организованном на законах визуального восприятия, содержащего информационно насыщенные изображения, ограничивающие возможности интерпретации до необходимого предела и формирующих требуемый имидж. [14] Так же большое внимание уделяется организации специальных интернет-площадок, которые должны влиять на оценки театра и желание его посетить. [10]

Успех многих театров, их привлекательный имидж, лояльность публики и высокие продажи поддерживаются грамотным использованием интернет-технологий. Исследования показали, что использование интернет-технологий позволяет театрам акцентировать значимые характеристики, формировать требуемое представление и снижать риски, связанные с тем, что анонсированный театральный продукт может не вполне соответствовать ожиданиям публики. Масштабное исследование (1997–2012), посвященное уникальному пятнадцатилетнему опыту использования интернет-технологий в деятельности драматического театра Пикколо (Италия, Милан), показало, что узнаваемость театра, его популярность и привлекательный имидж во многом определяются эффективным использованием одновременно нескольких интернет-платформ. [13] Работа театра по налаживанию взаимодействия с публикой, формированию имиджа посредством интернет-технологий началась в конце 90-х годов XX века с создания сайта театра (www.piccoloteatro.org). В 2000 году театр объявил начало собственной «цифровой революции», организовав новые театральные представления, созданные специально для интернет-пространства. [13] Следующим шагом стала реализация проекта по размещению в сети Интернет цифровых копий документального архива театра: изображения старых и новых декораций, костюмов (фотографии, рисунки, эскизы, видео), а также статей, опубликованных в средствах массовой информации. Кроме того, был создан собственный сайт продаж билетов (www.piccolocard.it). Были реализованы проект «виртуальный он-лайн театр Пикколо», а также просветительский проект (www.piccoloteatro.tv), которые позволили еще более расширить аудиторию пользователей. В этот же период были созданы фан-страницы с использованием социальных сетей (Facebook/

PiccoloTeatro).[13] Результатом «цифровой революции» стало более 1.000.000 посещений интернет-ресурсов театра в год (2012). Посещения пользователей на сайте (www.piccoloteatro.org) достигали 105 тысяч человек в месяц и до 3,5 тысяч в день. Только в августе 2012 года на сайте было зарегистрировано 103 тысячи членов общества. По мнению экспертов, такая активность театра привела не только к формированию требуемого представления о нем, повышению узнаваемости на 72%, но и увеличению продаж в сезоне 2011–2012 г.г. на 77 тысяч евро. [13]. Объявленная театром «цифровая революция» продолжается, и он успешно осваивает возможности сети Интернет (youtube, instagram и др.), в чем можно убедиться, посетив его сайт (www.piccoloteatro.org).

Еще одним примером, использования интернет-технологий для формирования требуемых представлений, формирования имиджа оперного театра, является цифровой проект «Европейская опера» (реализуемый в рамках программы «Креативная Европа»). В проекте принимают участие пятнадцать оперных театров из разных стран Европейского Союза. Проект представляет онлайн-платформу, где, помимо трансляции оперных спектаклей и отдельных выступлений в реальном времени, на шести языках к 2020 году будет представлена вся информация об оперном искусстве, включая интервью, научные статьи, рецензии и даже старинные ноты (вокальная партии и клавиру).

Одна из актуальных тем в зарубежных исследованиях — формирование имиджа театра привлекательного для детей и молодежи посредством интернет-технологий и, в частности, игровых технологий. Все большее распространение получают игры для детей и молодежи, размещенные на сайтах театров, основанные на сценариях реальных спектаклей. Наибольшей популярностью пользуются игры, в которых пользователи могут контролировать и изменять сюжет, поведение персонажей и их судьбы (монтировать, осуществлять раскадровку и т.п.). [4] Многие авторы отмечают, что подобные игры не только развивают творческие способности, но также привлекают внимание к театру, пробуждают любопытство и желание увидеть происходящее в реальности. [12]

В целом зарубежные исследования, посвященные проблемам формирования имиджа театра, представляются интересными. Прежде всего, это связано с тем, что исследования подчинены социальной, практической актуальности и целесообразности. Публикуемые исследования являются источником технологий, которые могут быть адаптированы для создания имиджа конкретных театров с учетом реальных обстоятельств и особенностей. Даже в исследованиях, которые характеризуются непривычной простотой и некоторым научным дилетантизмом, обнаруживается достоинства, в том числе,

способность выразить свои представления кратко, четко, понятно. Это обстоятельство позволяет обнаружить, например, в работах студентов, практически важные результаты наблюдений, экспериментов, поисков, или элементы проектных (технологических, организационных,

управленческих) решений. Важной особенностью зарубежных исследований является независимость авторов, выражающаяся в свободе от необходимости обращения к одним и тем же темам, источникам, которая позволяет им находить интересные решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Райцле В. Роскошь — источник благополучия: Будущее глобальной экономики/ В. Райцле — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. — 196 с.
2. Шестаков В. П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». — М.: Искусство, 1988. — 224 с.:
3. Ahmed, S. A., & d'Astous, A. (1993). Cross — national Evaluation of Made — in Concept Using Multiple Cues. *European Journal of Marketing*, 27(7), pp.39–52.
4. Cavallo A, M. Virtual Forum Theater: Creating and Sharing Drama to Resolve Conflicts (2007) — P. 397.
5. Ciceo A. Exploring Kapferer's Brand Identity Prism Applicability in Theatre pp 18–23
6. Dominique S., Lopesi F. 2011 Destination image: Origins, Developments and Implications. *Revista de Turismo y Patrimonio Cultural*, 9(2): pp.305–315.
7. *Encyclopedia of Leisure and Outdoor Recreation. Lifestyle, sport & leisure — Sports & outdoor recreation/ Edited by John Jenkins, John Pigram. Taylor & Francis Ltd (2003) P. 752*
8. Faculty of Marketing, Academy of Economic Studies, Bucharest 13–15 Mihai Eminescu, Bucharest, Romania. 2013 pp 18–23
9. Horner S. Swarbrooke, J. *Leisure Marketing A Global Perspective. Butterworth — Heinemann (2005). P. 416. P. 54*
10. Kossecki P. Swierczyńska — Kaczor U. Acquiring a Digital Audience for Theaters — Looking Through The Lenses of Customer Equity and Empirical Research// *Proceedings of the 2014 Federated Conference on Computer Science and Information Systems p. 1277–1284*
11. Liao K. H. The Casual Effects of Service Quality, Brand Image, Customer Satisfaction on Customer Loyalty in the Leisure Resort Enterprise China — *USA Business Review*, (2012) P. 632
12. Machado, I., Paiva, A., Brna, P. (2001). Real characters in virtual stories. *Proceedings of International Conference on Virtual. Storytelling — ICVS, Avignon, France. pp 127–134.*
13. Peretti P. Cauli L. Digital marketing in art organizations: the use of online platforms to effectively engage with consumers. The case of the Piccolo Theatre of Milan. P. 35
14. Schroeder J. E. *Brand Culture: Trade Marks, Marketing and Consumption Interdisciplinary Perspectives on Trade Marks Jane Ginsburg, Lionel Bentley, and Jennifer Davis (eds.) Cambridge: Cambridge University Press, (2007). P. 240*
15. Walmsley B. Why people go to the theatre: a qualitative study of audience motivation, in *Journal of Customer Behaviour*. 10, (2011), pp. 335–351.
16. Torpey P. A. *Media Scores/ A Framework for Composing the Modern-Day Gesamtkunstwerk Massachusetts Institute of Technology. All rights reserved. 2013. P. 194*

© Симонова Ирина Феликсовна, Бернадская Ксения Владимировна (9571507@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский Государственный Институт культуры

ФОРМИРОВАНИЕ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У ЛИЦ С НАРУШЕННЫМ СЛУХОМ

THE FORMATION OF LIFE-MEANINGFUL ORIENTATIONS IN PEOPLE WITH HEARING LOSS

*Ya. Bakhareva
O. Agavelyan*

Summary. Life-meaningful orientations play a crucial role in setting life goals and determining the life path of an individual. In conditions when a person is in special conditions, for example, with limitations of the sensory sphere, a special development situation is created, which largely determines the formation of meaning-formation processes. Thus, the article discusses the features of life-meaning orientations in people with hearing loss, as well as the goals of psychological and pedagogical support at different age stages of development of the semantic sphere of personality.

Keywords: life-meaningful orientations, features of life-meaning orientations in people with hearing loss, age stages of development of the semantic sphere in people with hearing loss.

Бахарева Яна Александровна

*Преподаватель-исследователь, Новосибирский
государственный педагогический университет
yanina.kenkegor.88@mail.ru*

Агавелян Оганес Карпетович

*Д.псих.н., профессор, Новосибирский государственный
педагогический университет
oganesagavelyan@yandex.ru*

Аннотация. Смысложизненные ориентации играют важнейшую роль в постановке жизненных целей и определении жизненного пути личности. Вместе с тем, это те психические образования, формирование которых определяется всем предшествующим развитием личности. В условиях, когда человек находится в особых условиях, например, при ограничениях сенсорной сферы, создается особая ситуация развития, во многом определяющая становление процессов смыслообразования. Таким образом, в статье рассматриваются особенности смысложизненных ориентаций у лиц с нарушениями слуха, а также цели психолого-педагогического сопровождения на разных возрастных этапах развития смысловой сферы личности.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, особенности смысложизненных ориентаций у лиц с нарушениями слуха, возрастные этапы развития смысловой сферы у лиц с нарушениями слуха.

Введение

Цель представленного теоретического исследования заключается в выявлении особенностей смысложизненных ориентаций у лиц с нарушениями слуха, а также определении этапов их становления в условиях системной психолого-педагогической поддержки.

Актуальность и новизна исследования

Формирование смысла жизни и индивидуальный путь преобразования ценностно-смысловой сферы является одной из центральных тем мировой психологической науки. Вопросы смыслообразования затрагиваются в таких важнейших для развития личности процессах, как самопознание, саморазвитие, самоактуализация. Огромную значимость смысл жизни имеет при выборе и реализации жизненных стратегий, при формировании системы отношений личности с окружающим миром. В этой связи исследовательский интерес вызывают вопросы, связанные с изучением факторов смыслообразования, в числе которых наличие ограничений сенсорной сферы может рассматриваться как важнейшая особенность индиви-

дуального развития, определяющая, в том числе, и особенности становления смысловых личностных структур. Отдельным направлением анализа в проблематике смыслообразования мы считаем изучение возможностей целенаправленного влияния на эти процессы с учетом нарушений развития тех или иных систем восприятия, в рамках данного исследования — нарушений слуха. Изучение психологических и психолого-педагогических методов формирования смысложизненных ориентаций личности на разных возрастных этапах может повлиять на более продуктивное развитие личности, а также гармонизовать внутриличностные механизмы развития (самопознание, самореализация и самотрансцендентность).

Обзор литературы

Во многих зарубежных и отечественных концепциях понятие смысла является основополагающим, определяющим базовые методологические идеи научного подхода. Насколько это понятие индивидуально в каждой личностной истории, настолько по-разному его определяют авторы различных психологических подходов.

Границы научной дискуссии вокруг понятия смысла жизни в психоаналитической западной традиции обо-

значил З. Фрейд. В его работах исследователи обнаружили не менее четырех различных трактовок данного термина, который так и не получил в работах основателя психоанализа однозначного толкования. Чаще всего З. Фрейд обращался к понятию смысла, которое скрывается за любым видимым действием личности. Смысл, в интерпретации автора, заключается в необходимости реализовать бессознательные мотивы, связанные со стремлением человека к жизни (энергию либидо) или смерти (Фрейд З., 1989).

Собственно понятие «смысл жизни» появляется в работах А. Адлера, который также объясняет поведение человека через систему смыслов, но обращает ее не в прошлое, а в будущее, связывая жизненные смыслы с жизненным стилем и жизненным планом человека. При этом смысл жизни связывается с решением трех фундаментальных жизненных проблем, которые обобщенно можно представить, как проблемы профессионального самоопределения, кооперации (социальных взаимоотношений) и любви. По мнению автора, смысл жизни заключается в нахождении правильных связей и решении этих жизненных проблем (Адлер А., 1996).

В работах К. Юнга также поставлены вопросы, связанные с решением общечеловеческой проблемы обнаружения смысла, позволяющего человеку жить. В его работах смысл жизни связан с духовными и культурными целями, стремление к которым является признаком душевного здоровья личности. При этом в качестве ориентиров и источников индивидуальных смыслов, К. Юнг называет архетипы,— исторически возникшие категории, составляющие содержание общечеловеческого бессознательного и спонтанно определяющие индивидуальное мышление и поведение (Юнг К., 1991).

В психоаналитической традиции понятие смысла жизни сопровождает ключевые идеи концепции, не являясь при этом центральным образованием подхода. К понятию смысла жизни как к базовой идее обращается В. Франкл в созданной им логотерапевтической теории [14]. Автор пишет о том, что смысл жизни является заложенной личностной потребностью, и представляет собой ориентацию личности на обретение общечеловеческих ценностей. Это стремление определяется наличием у человека духовности — того измерения, которое позволяет человеку подняться над миром животных и в собственных поступках основываться на самодетерминации. Из духовности, в процессе обретения личностного смысла, рождается внутренняя свобода, которая заключается в возможности занять собственную позицию по отношению к условиям внешнего мира, в том числе, по отношению к тем тяготам и проблемам, которые человек вынужден преодолевать, наделяя их собственными смыслами [14]. Эта идея несет в себя вы-

раженный психотерапевтический потенциал при работе с людьми, находящимися в особых условиях жизнедеятельности или особой ситуации индивидуального развития. Именно в этом ключе необходимо реализовывать психолого-педагогические воздействия с целью формирования системы «правильных» смыслов, позволяющих человеку занять продуктивную позицию в отношении собственных ограничений здоровья [13].

В отечественной гуманитарной мысли проблема смысла всегда являлась одной из наиболее остро дискуссионных. В классической российской психологии, основанной на идеях деятельностного подхода, тематика смысла неразрывно вплетена в концепции Л.С. Выготского, Д.А. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Л.И. Божович и других известных российских психологов.

Истоки современных представлений о смысле, как базовой категории отечественной психологии, заложены в трудах Л.С. Выготского, который обосновал положение о единстве аффективных и эмоциональных процессов, образующих единые смысловые системы. В процессе возрастного развития происходит «перестройка потребностей и побуждений, переоценка ценностей...» [5, с. 227–228].

Далее остановимся на важнейших идеях отечественных исследователей, которые стали методологическим основанием предлагаемой периодизации формирования смысловых ориентаций у людей с нарушениями слуха.

Наиболее развернуто и детально концепция смысла представлена в работах Д.А. Леонтьева, который определял смысл жизни как характеристику «наиболее стержневой и обобщенной динамической смысловой системы, ответственной за общую направленность жизни субъекта как целого» [10, с. 250]. Смысл любого личностного поступка определяется «общим замыслом» плана жизни. Объективный жизненный смысл и направленность жизни личности является истинным смыслом деятельности человека. Попытка личности искусственно сконструировать жизненный смысл обречена на неудачу, так как будет опровергнута самой жизнью [7]. Автор описывает три стратегии обретения личностного смысла: через будущее (постановка целей), через настоящее (чувство удовлетворенности и полноты жизни) и через прошлое (удовлетворенность итогами жизни). Эта идея может найти применение в психологической стратегии работы с людьми с ограничениями по слуху, включая в себя методики работы с прошлым, настоящим и будущим.

Одна из наиболее известных концепций личностных смыслов в отечественной психологии принадле-

жит А.Н. Леонтьеву. Под личностным смыслом автор понимает отношение мотива деятельности к ее цели [9]. Система личностных целей имеет иерархический характер, в границах которой человек подчиняет свои действия главному мотиву — жизненной цели. В случае, если индивидуальные жизненные цели сливаются с жизнями других людей и их благом, возникает психологическая оправданность существования, которая составляет смысл и счастье жизни [8].

В подходе К. А. Абульханово-Славской понятие смысла жизни неразрывно связано с выстраиваемой личностью единой жизненной линией. Построение этой линии придает динамике жизни характер не случайного чередования событий, а активный, личностно детерминированный характер. Жизнь начинает зависеть от активности человека, его «способности организовать и придавать событиям желаемое направление» [2]. Эта идея нацеливает на активизацию внутренних ресурсов личности и культивирование внутреннего локуса контроля над событиями собственной жизни.

Еще один отечественный исследователь, К. Обуховский, считает, что «фактором развития личности выступает ее постоянная активная устремленность в будущее, эмоционально окрашенная направленность на решение отдаленной, общественно-значимой задачи, выступающей смыслом жизни человека» [12]. Наличие общей жизненной цели и ее реализация в выбранной жизненной направленности позволяет человеку более успешно решать возрастные задачи, а также преодолевать нормативные и ненормативные жизненные кризисы.

Понятие «жизненная направленность», которое звучит во многих отечественных подходах, определилось в термин «смыслжизненные ориентации». Это психические образования, которые представляют собой направленность личности на постижение смысла жизни. В общей психической структуре жизненные смыслы — это иерархия больших и малых смыслов, которые выступают регуляторами деятельности личности, которая формируется и закрепляется через жизненный опыт индивида в ходе социализации и в условиях влияния индивидуально-психологических, типологических, функциональных и физиологических особенностей личности [6].

Таким образом, обзор классических концепций, определяющих содержание понятия смысла и смысла жизни, позволяет сделать следующие выводы:

- ♦ смысл жизни является одним из важнейших понятий современной психологии, значимость которого определяется важнейшей ролью смыслжизненных ориентаций в личной истории отдельного человека;

- ♦ смысл жизни является динамическим образованием, становление и развитие которого вплетено в личностное развитие. Личностные смыслы испытывают на себе влияние тех же факторов, как и другие личностные образования, сами при этом выступают важнейшими детерминантами поведения;
- ♦ в процессе формирования и развития личностных смыслов наиболее значима активная позиция самой личности, ее готовность к личностным выборам и самодетерминации жизни;
- ♦ обретение смысла жизни является актуальной задачей личности, в большей степени спроецированной в будущее [1]. Вместе с тем, поиск смыслов может быть реализован в пространстве прошлого и настоящего.

Основная часть (методология, результаты)

Обзор литературы позволяет нам сформулировать ключевую проблему теоретико-методологического исследования: развитие ценностно-смысловой сферы людей с нарушениями слуха нуждается в определении этапов этого процесса и систематизации психологических и психолого-педагогических методов, которые могут оказывать положительное влияние на скорость и качество процессов смыслообразования.

Особенности психического развития людей с нарушениями слуха стали предметом научного поиска в работах таких отечественных и зарубежных авторов, как Л. М. Барденштейн, В. Л. Белинский, Т. Г. Богданова, Б. С. Братусь, Э. А. Вийтар, А. П. Гозова, Т. А. Григорьева, Ю. З. Замалегдинова, Т. С. Зыкова, Н. В. Лозовацкая, Т. А. Мамонтова, М. М. Нудельман, В. А. Паленный, М. С. Певзнер, В. Г. Петрова, О. В. Писковская, Т. Н. Прилепская, Т. В. Розанова, В. А. Синяк, В. С. Собкин, А. Ю. Хохлова, Н. В. Яшкова, J. F. Andrews, W. Frohn, E. Levin, M. Marschark, K. Meadow, H. R., Myklebust, P. Oleron, D. Moores, M. Vernon, и др.

Общая идея, которая звучит в исследованиях большинства авторов, определяет сенсорную недостаточность как важнейший фактор генерализованных изменений развития личности на всех психических уровнях: выявляются задержки социального становления личности, обнаруживается более позднее созревание высших психических функций, определяется особый путь развития смысловой сферы в связи с ограничениями в возможности передачи смысла через речь [3, 4, 11]. В экспериментальных исследованиях доказано, что у неслышащих и слабослышащих детей мотивационно-смысловая сфера сужена, обеднена, зачастую имеет алогичный характер (Богданова Т. Г., Ярошевич Н. О., Братусь Б. С., Зыков С. А., Рау Ф. Ф., Слезина Н. Ф.; Розано-

ва Т. В. и др.). В связи с затруднениями в понимании интонаций и оттенков речи говорящего, ребенок с нарушениями слуха часто неточно понимает значения слов, что приводит к своеобразному содержанию смысловой сферы. С одной стороны, из-за ограниченного социального опыта содержание понятий характеризуется узостью, с другой стороны, понятия могут иметь более обширный характер из-за смешения личных и общепринятых значений [11]. Таким образом, картина мира личности с нарушениями слуха зачастую основана на алогичных своеобразных объяснительных моделях, основанных на недостатке чувственного и социального опыта, узком кругозоре, а также попытке генерализовать личные смыслы на общепринятые смыслы и значения. Своеобразие смысловой сферы является одним из факторов, объясняющих более высокий уровень креативности и оригинальности мышления детей с нарушением слуха. Эта особенность также может быть использована при развитии смысложизненных ориентаций личности с патологиями слуха. Помимо того, что глухота ограничивает смысловое содержание психической ребенка, она приводит к более позднему становлению этой сферы, а также к замедленному формированию системы отношений к миру, обществу, самому себе, что деструктивно влияет на формирование жизненных стратегий и системы смысложизненных ориентаций. Содержание системы жизненных смыслов часто отличается низким уровнем стремления к достижению и самореализации, высокой ориентацией на семейные контакты при общем негативизме к окружающему миру, неготовностью прилагать собственные усилия для достижения комфорта и материального благополучия. Исследования В. Ж. Баймахамбетовой с соавторами также показали, что у подростков с нарушениями слуха наблюдаются более низкие показатели общей осмысленности жизненного пути, сокращенная жизненная перспектива, ориентация на сегодняшний день с выраженной неудовлетворенностью уже прожитой частью жизни [4]. Данные результаты в целом согласуются с данными, полученными в исследованиях В. С. Собкина (1997), Т. В. Розановой (1978) и других авторов. Подобные смысложизненные ориентации людей с нарушениями слуха усугубляются общим отношением общества, как к ограниченным в способностях людям, готовым овладеть крайне узким кругом профессиональных функций. Таким образом, психологические и психолого-педагогические меры воздействия должны быть направлены на расширение системы социальных взаимодействий, формирование активной жизненной позиции и внутреннего локуса контроля, усиление мотивации достижения, а также профориентационную работу, нацеленную на поиск способов профессиональной самореализации ребенка в будущем. Указанные цели должны быть встроены в систему мер целенаправленного воздействия на развитие смысложизненной сферы глухих детей. Кроме того, концепция развития смысло-

жизненных ориентаций должна предполагать дифференцированные методы воздействия в разные периоды возрастного развития, исходя из особенностей становления смысловой сферы.

Так, возрастной период до 3-х лет предполагает первичное осознание себя ребенком как отдельной личности: ощущения физического тела, эмоционального отношения к внешнему миру, изъявление собственной воли в поведении — «хочу / не хочу», «буду / не буду», становление механизмов саморегуляции, а также формирование первой устойчивой иерархии мотивов. Этот период является сензитивным этапом для развития речи ребенка, которая формируется в процессе подражания при восприятии через слух речи взрослого. Таким образом, смыслообразование в раннем детском возрасте основано на эмоциональных и имитационных механизмах, что необходимо использовать и при работе с детьми с нарушениями слуха. Важно создавать условия для максимальной компенсации одного сенсорного канала другими — через общение со взрослыми, физические контакты, эмоциональное реагирование взрослого и стимулирование эмоциональных проявлений ребенка важно готовить условия для дальнейшего развития смыслообразования.

В дошкольный период (3–7 лет) ребенок попадает в первые социальные группы, что позволяет запускать процессы адаптации и социализации: формируется мотивация достижения, притязание на признание в коллективе, интериоризация культурных образцов поведения и социальных норм. В игровой деятельности активно развивается система смыслов, обогащаемая характерным для этого возраста фантазированием. Также в этом возрасте происходит формирование «Я-образа» и зарождение картины мира [11]. В целях обогащения и расширения границ мира ребенка с особыми потребностями важно не замыкать его контакты только на группах детей с такими же особенностями развития. Нахождение комфортной и безопасной для ребенка социальной среды позволяет накапливать социальный опыт и обогащать систему личностных смыслов, связанных с процессами и предметами окружающего мира.

В период младшего школьного возраста (7–12 лет) реализуются процессы осознания смысла через процессы вербализации, а также развитие таких важнейших для смысловой сферы процессов, как рефлексия, самоконтроль, самоорганизация. В процессе образования ребенок выходит на новый уровень осознания внешней и внутренней картины мира. Смыслообразование активно включено в деятельность по планированию — в этом возрасте ребенок понимает значение собственных поступков и дальнейшие их последствия. Для ребенка с нарушениями слуха в этот период важно создавать ситуа-

цию успеха, включая в процесс обучения современные технические средства, а также активно прибегать к групповым формам работы, максимально стимулируя у ребенка развитие навыков вербализации мыслей, идей, собственных эмоциональных состояний.

В подростковом периоде фокус личностного развития уходит во внутренний план — созревает общая направленность личности, формируются индивидуальные смысловые ориентации, активно развивается самосознание и иерархия личных ценностей. Подростковый период в связи с интенсивным развитием разных уровней психики требует к себе особого внимания, в том числе и в плане организации психолого-педагогических воздействий. Для ребенка с особыми потребностями важно помогать преодолевать подростковый кризис, который может быть существенно отягощен переживанием собственной инаковости. Основная поддерживающая стратегия должна быть направлена на предание смысла и открытие возможностей в особенностях собственного развития.

В раннем юношеском возрасте (16–19 лет) активно формируется мировоззрение через становление системы собственных смыслов и личных ценностей. В этом возрастном периоде на первый план выходит смысловая регуляция, которая определяет доминирующие мотивы и становится первопричиной поступков. Это период активной реализации первых жизненных целей, формирование отдаленной жизненной перспективы, самоопределения, в т.ч. относительно будущей профессиональной деятельности. В этом возрасте в процессе поддерживающих психологических воз-

действий важно стимулировать юношу к постановке долгосрочных целей, формированию жизненных планов, поиску собственного смысла жизни, к решению экзистенциальных проблем, которые и определяют становление ценностно-смысловой сферы зрелой личности.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования

Таким образом, психологическая и психолого-педагогическая работа с детьми с нарушениями слуха должна обеспечивать поддержку процесса формирования смысловых ориентаций на всех этапах психического становления личности, в раннем возрасте создавая условия и закладывая правильный базис дальнейшего развития, а в школьном периоде — непосредственно влияя на процессы смыслообразования. При этом важно использовать поливариативность воздействия — от современных технических средств обучения до методов и приемов гуманистической психологии (арт-терапии, песочной терапии, театр-терапии) в связи с затрудненностью применения когнитивных методов и приемов логотерапии.

Дальнейшие перспективы исследования нам видятся в разработке лонгитюдной программы психолого-педагогического развития смысловых ориентаций детей с нарушениями слуха, которая детализирует общую концепцию посредством конкретных методов, форм, инструментов воздействия, а также позволит осуществлять системное сопровождение этих детей на разных этапах возрастного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулгалимова, С. А. Понятие смысла жизни и смысловых парадигм / С. А. Абдулгалимова // Вестник Социально-педагогического института. 2011. № 2 (3). С. 83–92.
2. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. М.: Мысль, 1991. — 299 с.
3. Акинина, Е. Б. Особенности ценностно-смысловой сферы студентов с нарушениями слуха / Е. Б. Акинина // Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы: тезисы докладов Международной научно-практической конференции. 2016. С. 148–151.
4. Баймахамбетова, В. Ж. Особенности личностного самоопределения у выпускников школ-интернатов для глухих детей / В. Ж. Баймахамбетова, И. Н. Чжен // Вестник КРСУ. 2010. Том 10. № 11 С. 163–168.
5. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. Собр. соч.; В 6-ти т. — т. 5. М., 1983. С. 227–228.
6. Жучкова, С. М. Смысловые ориентации как субъективные составляющие феномена смысла жизни / С. М. Жучкова // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. VII междунар. науч.-практ. конф. Часть III. Новосибирск: СибАК, 2011
7. Кусакина, Е. А. Подходы к категории «смысл жизни» в зарубежной и отечественной психологии / Е. А. Кусакина, П. Е. Чуп // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62–1. С. 377–379.
8. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики: монография / А. Н. Леонтьев. — 4-е издание. Москва: Издательство Московского университета, 1981. — 584 с.
9. Леонтьев, А. Н. Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. — 287 с.
10. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — 3-е изд., доп. — М.: Смысл, 2007. — 511 с.
11. Маслова, Ю. А. Особенности смысловой сферы старшеклассников в условиях интерната для глухих и слабослышащих / Ю. А. Маслова. Автореф. дис. канд. психол.н. / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2008.

12. Обуховский, К. Психологическая теория строения и развития личности / К. Обуховский // Психология формирования и развития личности: сб. науч. тр.; отв. ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1981. — С. 45–67.
13. Франкл, В. Воля к смыслу / В. Франкл. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. — 368 с.
14. Франкл, В. Человек в поисках смысла: сборник / В. Франкл. М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
15. Шаповалова, Е. В. Возможности развития ценностно-смысловой сферы личности подростков средствами арт-терапии // Психологические проблемы смысла жизни и акме: Электронный сборник материалов XVI симпозиума / Под ред. Г. А. Вайзер, Н. В. Кисельниковой, Т. А. Поповой. М.: УРАО «Психологический институт», 2011. С. 198–200.

© Бахарева Яна Александровна (yanina.kenkegor.88@mail.ru), Агавелян Оганес Карапетович (oganesagavelyan@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Новосибирский педагогический университет

ОПТИМИЗАЦИЯ АДАПТАЦИИ ПЕРВОКУРСНИКОВ С ОВЗ В ПРОСТРАНСТВО ВУЗА¹

OPTIMIZATION OF ADAPTATION OF FIRST YEARS WITH DISABILITIES OF HEALTH TO THE UNIVERSITY

**E. Varetsa
A. Dokhoyan
O. Belous**

Summary. Of particular importance is the adaptation of students with disabilities to student groups and the learning process at the university, because for the normal functioning of the psychological sphere of a person, an adequate state of the body and the characteristics of external factors of the social and natural environment are necessary. The program for the adaptation of freshmen with disabilities should include several areas: work with teachers, student groups and students with disabilities.

Keywords: adaptation, inclusive education, a student with disabilities (HIA), fairy tale therapy, metaphorical associative maps.

Вареца Елена Сергеевна

*К.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет»
lena-zima09@mail.ru*

Дохойн Анна Меликсовна

*К.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет»
d.a.m@mail.ru*

Белоус Ольга Валерьевна

*К.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет»
belous_a@inbox.ru*

Аннотация. Особое значение приобретает адаптация обучающихся с ОВЗ в студенческие группы и процесс обучения в вузе, ведь для нормального функционирования психологической сферы человека необходимы адекватное состояние организма и особенности внешних факторов общественной и природной среды. Программа по адаптации первокурсников с ОВЗ должна включать несколько направлений: работа с преподавателями, студенческими группами и обучающимися с ОВЗ.

Ключевые слова: адаптация, инклюзивное образование, обучающийся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), сказкотерапия, метафорические ассоциативные карты.

Проблема образования инвалидов приобрела особую актуальность для высшей школы России после принятия Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016) «Об образовании в Российской Федерации». В законе определено, что для организации инклюзивного образования в ВУЗах необходимо создать специальные условия, под которыми понимаются «использования специальных образовательных программ и методов обучения и воспитания, специальных учебников, учебных пособий и дидактических ма-

териалов, специальных технических средств обучения коллективного и индивидуального пользования, предоставления услуг ассистента (помощника), оказывающего обучающимся необходимую техническую помощь, проведение групповых и индивидуальных коррекционных занятий, обеспечение доступа в здания организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и другие условия, без которых невозможно или затруднено освоение образовательных программ обучающимися с ограниченными возможностями здоровья» (ст. 79) [7].

¹ Издание выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания (Проект «Разработка инновационных технологий инклюзивного образования» № 27.9500.2017/8.9)

Декларирование инклюзивного образования означает создание условий, доступных для инвалидов. Это требование стало обязательным для всех вузов и тем самым позволило начать согласование образовательных норм России с положениями Конвенции ООН о правах инвалидов.

В Российской Федерации инклюзивное образование находится на стадии становления. По мнению многих исследователей (Е. В. Михальчи, Н. В. Крятова, Е. А. Петрякова и др.), современная российская система высшего образования недостаточно готова к инклюзии инвалидов, что обуславливается наличием в данной сфере множества проблем: не во всех вузах России используются специально адаптированные учебные программы, индивидуальные учебные планы, а также дистанционные программы обучения; невысокая адаптивность российских вузов к индивидуальным особенностям студентов-инвалидов; у преподавателей недостаточно навыков и знаний об особенностях студентов, имеющих ограниченные возможности здоровья.

В этом аспекте особое значение приобретает адаптация обучающихся с ОВЗ в студенческие группы и процесс обучения в вузе, ведь для нормального функционирования психологической сферы человека необходимы адекватное состояние организма и особенности внешних факторов общественной и природной среды. Условия, влияющие на протекание психологической деятельности, в свою очередь влияют на работу различных систем организма и степень социальной адаптации личности в окружающем мире. Факторами, усложняющими протекание социальной адаптации, будут выступать недостатки и нарушения в психической и физической сферах (наличие дефектов различных органов или ограничения тела).

Фундаментальные вопросы социально-психологической адаптации личности освещены в трудах отечественных и зарубежных исследователей — А. А. Балл, Ф. Б. Березин, Л. И. Божович, Г. С. Костюк, А. Н. Леонтьев, И. А. Малашихина, А. А. Налчаджян, В. А. Петровский, Ж. Пиаже, З. Фрейд, Э. Эриксон и другие [3].

Социально-психологической адаптация представляет собой процесс, который позволяет приобрести человеку определенный социально-психологический статус и овладеть разными социально-психологическими ролевыми функциями. Процесс социально-психологической адаптации человека подразумевает достижение гармоничного отношения внутренних и внешних условий жизни и деятельности. Результатом процесса адаптации будет адаптированность личности — степень приспособленности ее к условиям жизни и деятельности [1].

Михальчи Е. В. пишет, что «кроме психологической защиты к функциям социально-психологической адаптации относятся:

- ◆ достижение оптимального равновесия в динамической системе «личность — социальная среда»;
- ◆ максимальное проявление и развитие творческих возможностей и способностей личности, повышение ее социальной активности; регулирование общения и взаимоотношения;
- ◆ формирование эмоционально-комфортных позиций личности;
- ◆ самореализация личности;
- ◆ самопознание и самокоррекция;
- ◆ повышение эффективности деятельности как адаптирующейся личности, так и социальной среды, коллектива;
- ◆ повышение стабильности и сплоченности социальной среды; сохранение психического здоровья» [5].

В психологической литературе понятие адаптации интерпретируется с акцентом на индивидуальные, личностные качества и структуру личности в целом, на специфику взаимодействия личности и социальной среды, на реализацию усвоенных ценностей и личностного потенциала, на активность личности [1].

В социальной адаптации выделяются компоненты [1]:

1. адекватное восприятие окружающей действительности и самого себя;
2. адекватную систему отношений и общения с окружающими;
3. способность к труду, обучению, к организации досуга и отдыха;
4. способность к самообслуживанию и самоорганизации, к взаимобслуживанию в коллективе;
5. изменчивость (адекватность) поведения в соответствии с ролевыми ожиданиями.

Выделяются такие механизмы адаптации человека: социальный интеллект — умение усматривать сложные отношения, зависимости между объектами социальной среды; социальное воображение — умение понимать опыт, мысленно определять судьбу, осознавая себя сейчас, свои ресурсы и возможности, помещая себя в рамки текущего этапа общества; реалистичная устремленность сознания [1].

Процесс адаптации разворачивается во времени, проходя несколько этапов и затрагивая практически все компоненты личности. Изменения, происходящие в личности, можно отследить на трёх уровнях: эмоциональном, когнитивном и поведенческом [5].

Эмоциональный компонент, включающий в себя различные моральные чувства и эмоциональные со-

стояния. Он описывает общее эмоциональное состояние человека и его отношение к изменившейся ситуации.

Когнитивный компонент определяет степень информированности личности о ситуации, степень ориентировки в возникающих проблемных ситуациях. Он включает в себя все психические процессы, связанные с познанием: ощущения, восприятие, представление, память, мышление, воображение и т.д.

Поведенческий или практический компонент, предлагающий определенную направленную деятельность человека в социальной практике. На этом уровне рассматривается активность индивида, направленная на преобразование ситуации. При этом активность может выражаться в виде внешнего поведения, а может выступать в форме внутренней активности, направленной на преобразование собственной личности.

Программа по адаптации первокурсников с ОВЗ должна включать несколько направлений:

- ◆ работа с учебной группой, целью которой будет знакомство обучающихся друг с другом;
- ◆ работа с преподавателями, которые должны знать особенности студентов;
- ◆ работа с обучающимися с ОВЗ для повышения их адаптационных возможностей.

Традиционно основой программы по адаптации обучающихся является социально-психологический тренинг [2].

Классический вариант тренинга предполагает использование психогимнастических упражнений и этюдов, проективного рисования, ролевых игр и психодраматических приемов.

Кроме этих методов групповой работы в тренинг можно включать другие технологии связанные с арт-методами.

В рамках тренинга обучающимся с ОВЗ можно предложить сочинить сказку, её анализ даст представление о самовосприятии человека.

Главного героя будущей сказки участник не придумывает сам, его выбирают остальные участники группы по тем ассоциациям, которые вызывает у них автор. Если учесть, что обучающиеся плохо знают друг друга, то обсуждение на «кого похож» участник тренинга позволит внимательно его «разглядеть» и отметить внешнее или внутреннее сходство с каким-то сказочным персонажем. Участник, которого обсуждают, с одной стороны, понимает, что он похож на кого-то героя

сказки, мультфильма или фильма, а с другой — имеет возможность получить информацию о своей уникальности, ведь ассоциации у участников группы бывают очень разные. Такая работа ведет к повышению самооценки участника группы, ведь объясняя свою позицию по выбору персонажа, обучающийся рассказывает о тех характеристиках, по которым участник похож на героя сказки, и у него автоматически включаются механизмы переноса и идентификации.

Бывают ситуации, когда герой, с которым ассоциируется участник у группы, относится к отрицательным, тогда интерес представляет характеристика, по которой они схожи. Так, например, девушке был предложен образ Матушки из мультфильма «Рапунцель», по сути злой ведьмы, но они сравнивались по красоте глаз и волос. Студентка с ОВЗ приняла этот образ и написала свою историю Матушки Готель, которая приведена в авторской редакции.

В начале сказки определяется основная проблема, мешающая социализации сочинившего историю. «Жила-была Матушка Готель. Всю жизнь её никто не любил, все её судили по внешности, считали злой женщиной. Каждый, проходя мимо нее, оборачивался, смотря на неё с опаской. Матушка Готель была очень опечалена, тем, что никто не хотел смотреть на её внутреннюю красоту... » А вот после необходимых действий в качестве итога сказки отмечается «Она была самой красивой принцессой в Мире. Ведь её красота заключалась внутри её доброй души.»

Для презентации себя в группе и осознании своих качеств предлагаем включить в тренинг упражнение с метафорическими ассоциативными картами.

Проективные карты (метафорические, ассоциативные или психотерапевтические) можно считать средством, которое прорывает фантазию и креативность, это инструмент для самопознания; это катализатор, способный создать атмосферу раскрепощённости, когда пользователь начинает свободно говорить о самом себе [4].

Уникальность метафорических ассоциативных карт заключается в следующем:

- ◆ Как в любом проективном методе в сочинённых историях и сказках по картинке срабатывает механизм идентификации: независимо от сознания рассказчик начинает идентифицировать себя с героем истории. При этом в рассказе отражены характеристики себя, конфликты, мотивы и ценности рассказчика.
- ◆ Желания, конфликты, мотивы героя могут присутствовать в символическом виде.

- ◆ Диагностической ценностью обладают не все истории: одни содержат много важного диагностического материала, другие — мало.
- ◆ Если тема явно не вытекает из стимульного материала, то материал обладает большей диагностической ценностью, чем очевидно связанная с ним.
- ◆ Повторение одной темы в разных картинках означает значимость конфликтов и импульсов для рассказчика.
- ◆ В рассказах могут отражаться как устойчивые диспозиции и конфликты, так и текущие, связанные с актуальной ситуацией.
- ◆ Темы и сюжеты могут отражать ситуации не из жизни рассказчика, а других людей, или быть пересказом сюжетов из литературы или фильмов. В любом случае выбранный сюжет отражает актуальную тему для рассказчика.
- ◆ Рассказы содержат не только личные, но и социальные установки и ценности.
- ◆ Обнаруженные диспозиции и конфликты могут не осознаваться рассказчиком и не проявляться в его поведении [6, стр. 4].

Карты, которые содержат рисунки и слова, начинают стимулировать совместную работу полушарий головного мозга, при этом начинают появляться новые способы мышления, старая ситуация видится по-новому и возникают инсайды. Работая с проективными картами, у человека как озарение находят ответы на вопросы, приходит осознание ранее не осознаваемого.

Групповая работа подразумевает определенный этикет во взаимодействии между участниками. К традиционным правилам группы, например — говорит один, перебивать рассказчика нельзя и другим, добавляются еще правила [6, стр. 17–18]:

- ◆ «Хозяин карты — хозяин рассказа». Сочиняет историю член группы, который вытащил карту. Другие не должны вмешиваться в его рассказ, эти ассоциации по поводу рисунка будут связаны с их жизненными историями.
- ◆ «Истина в глазах смотрящего». Не имеет значение, что изображено на карте, в рисунке отсутствует «на самом деле». Важным будет только то, что видит в данный момент человек, который держит карту.

Самое главное — метафорические ассоциативные карты помогают создать обстановку, которая способствует подлинно глубокому, искреннему общению людей, их самовыражению, раскрытию и рефлексии [4].

Морозовская отмечает, что «упражнения с метафорическими ассоциативными картами можно включать во все структурные элементы социально-психологиче-

ского тренинга: их можно проводить на этапе знакомства, в качестве «ледоколов», для выработки и иллюстраций правил группы, выявления ожиданий участников, их представления о себе, статусе и роли в группе, для обучающих игр, демонстраций, мозгового штурма, поиска креативных решений, сбора обратной связи и завершения тренинга» [5, стр. 17].

Для презентации участник группы должен рассказать о себе, что очень часто вызывает трудности. Помощь может оказать картинка на метафорической ассоциативной карте. Человеку легче вербализовать свои качества, если он уже подобрал её визуальный образ. Для подобного упражнения подойдет любая колода с предметными или сюжетными картинками, например колода «Спектрокарты» У. Халкола и А. И. Копытина. В колоде представлены фотографии предметов, растений, пейзажей и абстракции.

Можно предложить участникам группы выбрать из предложенных изображений 8 картинок, которые их характеризуют: качества личности, увлечения и мечты. После того как все участники нашли картинки, которые в метафорическом виде описывают каждого, начинается представление каждого. Человек показывает карту и рассказывает о себе.

Это упражнение также имеет большой диагностический потенциал, так, можно обратить внимание на «перекосы» в характеристиках, которые представляют человека. Например, последняя карта описывает «нацеленность на помощь другим», когда откладываются картинки о личных интересах обучающегося (самореализация, супружество и другое).

Наглядность метафорических ассоциативных карт даёт дополнительное преимущество, ведь подобное упражнение включает не только воображение, но и рефлексия, критическое мышление участника группы, идёт осмысление ранее неосознаваемых характеристик личности.

В целом, основной целью адаптационного процесса будет не нивелирование личности, а подчеркивание её уникальности. Обучающийся с ОВЗ должен получить механизмы включения ресурсов, которые помогут осмыслить внутренний потенциал личности, станут основой самореализации и развития своих способностей. Процесс адаптации личности должен приводить к гармонизации психической деятельности обучающегося с ОВЗ с новыми условиями обучающей среды и учебной деятельности. Показателем адаптированности личности будет высокий уровень сбалансированности положительных и отрицательных эмоций обучающегося с ОВЗ и степень удовлетворения его потребностей, что в комплексе дают состояние внутреннего, психологического комфорта личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адаптация студентов первого курса к обучению в вузе. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL https://nngasu.ru/science/dissertation_advice/information... (дата обращения: 28.09.2019).
2. Асророва М. У. Современные инновационные технологии в образовании. // Молодой ученый. — 2015. — № 6. — С. 564–566. — [Электронный ресурс] Режим доступа: URL <https://moluch.ru/archive/86/15560/> (дата обращения: 28.09.2019).
3. Левшунова Ж. А. Инклюзивное образование: учеб. пособие. [Электронный ресурс]: — Режим доступа: URL: <http://www.lpi.sfu-kras.ru/images...> (дата обращения: 28.09.2019).
4. Метафорические ассоциативные карты [Электронный ресурс] — Режим доступа.— URL: http://karachevtseva.ru/counseling/metaforicheskie_associativnye_karty/ (дата обращения 02.10.2019).
5. Михальчи Е. В. Состояние инклюзивного образования в системе высшего образования в России [Электронный ресурс]: Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 2. — Режим доступа: Режим доступа: <http://www.science-education.ru/116-12445>. (дата обращения: 28.09.2019).
6. Морозовская Е. Мир проективных карт: Обзор колод, упражнения, тренинги. — М.: Генезис, 2014. — 168 с.
7. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 28.09.2019).

© Варца Елена Сергеевна (lena-zima09@mail.ru),

Дохойан Анна Меликсовна (d.a.m@mail.ru), Белоус Ольга Валерьевна (belous_a@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Армавирский государственный педагогический университет

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВРАЧА КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДИК В ЛОР-ДИАГНОСТИКЕ

PERSONAL CHARACTERISTICS OF A DOCTOR AS A CONDITION FOR THE EFFECTIVE USE OF HIGH-TECH TECHNIQUES IN ENT-DIAGNOSTICS

V. Eremeeva

Summary. The article presents an analytical review of the psychological characteristics of doctors, their impact on the success of the diagnosis of ENT-diseases. The value of the psychological characteristics of the doctor is evaluated as a component of effective high-tech assistance. The problem of psychological support of the diagnostic and therapeutic process in the "doctor-patient" relationship is being actualized.

Keywords: high-tech assistance; "doctor-patient" relationship; psychological characteristics of the doctor; high-tech methods; ENT-diagnostics.

Еремеева Валентина Анатольевна

Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого
valentinkaeremeeva123456@gmail.com

Аннотация. В данной статье представлен аналитический сбор основных аспектов психологических особенностей врачей, их влияние на успешность проведения диагностики ЛОР заболеваний. Оценивается значение психологических характеристик врача как составляющее эффективной высокотехнологической помощи. Актуализируется проблема психологического сопровождения диагностического и терапевтического процесса в отношении «врач-больной».

Ключевые слова: высокотехнологичная помощь; отношения «врач-больной»; психологические особенности врача; высокотехнологичные методики; ЛОР-диагностика.

В современном обществе, в медицинской сфере, несомненно, большую роль играют инновационные технологии, профессиональное оборудование и в целом технический прогресс. Но при подробном изучении диагностического и терапевтического процесса ЛОР заболеваний необходимо отметить, что эффективность и успешность помощи пациентам в не меньшей степени зависит от личностных характеристик врача. Только обладая определенным набором психологических особенностей врач сможет оказать высокотехнологическую помощь. То есть, при наличии тех или иных психологических характеристик у врача, процесс диагностики будет иметь различный результат как в отношениях «врач-пациент», так и в эффективности терапевтического процесса в целом. О важности модели взаимоотношений «врач-больной» еще говорила в своей статье С. В. Трушкина [9]. Как бы быстро технологический прогресс не развивался, технология и оборудование не заменит врача, успешно овладевшего профессией типа «человек-человек». И. Б. Ханина в своей статье рассказывает о взаимосвязи психологических качеств и успешностью овладения профессией, что также является важным аспектом для улучшения результата диагностики конкретного врача в медицинском учреждении [11]. То есть, только лишь обладая определенным набором качеств, человек может успешно освоить профессию и таким образом максимально эффективно осу-

ществлять свою деятельность. Назвать помощь высокотехнологичной можно лишь только в том случае, когда применяются высокие медицинские технологии для лечения сложных заболеваний в купе с удовлетворением психологических потребностей пациентов. При изучении психологических характеристик врачей можно сделать вывод о коммуникативной компетентности данного врача.

Т. Ю. Ледванова, А. В. Коломейчук выявили, что коммуникативная компетентность медицинского работника включает в себя определенные аспекты, помогающие установить контакт с пациентом, развить с ним доверительные отношения [7]. Это в свою очередь влияет на точность сбора анамнеза, получение более полной картины болезни, а также уменьшает время диагностики, и, соответственно, эффективность проведения лечения увеличивается. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что для успешной деятельности врача недостаточно только медицинских знаний о болезни и терапевтических навыков.

По результатам опроса 100 пациентов А. С. Георгиевский и Н. С. Бобров определили, что наиболее важными качествами образа врача являлись: уважительность и внимание к пациентам, доброта, любовь к профессии, душевность, то есть высокая значимость предавалась

коммуникативным чертам, формирующих эмоциональный контакт [1].

Н.Г. Токарева в своей статье говорит, что для формирования эмоционального контакта медицинскому работнику необходимы психологические знания и наличие специальных навыков [10]. Важно чтобы сам врач умел владеть собственными эмоциями, контролировал свои реакции.

Итак, следует разобрать, о каких специальных навыках и психологических знаниях идет речь.

А.В. Бехтерева в своей статье говорит, что профессионально значимым качеством медицинского работника является коммуникативная терпимость, то есть толерантность [3]. Независимо от того, какие чувства вызывает пациент у врача, какие имеет индивидуальные особенности, как реагирует на то или иное действие, врачу необходимо иметь психологическую подготовку для того, чтобы успешно справиться с ситуацией, предотвратить конфликт или сгладить возможные нежелательные последствия. Об этом же говорят и исследования О.Н. Климовой, Н.А. Русиной [6]. Адекватная коммуникация предполагает верное оценивание поступков и слов пациента и соответствующее реагирование на его поведение со стороны врача. Поэтому важно, чтобы врач имел такую личностную особенность, как высокий самоконтроль. Несомненно, врач часто находится в стрессовых условиях, имеет сильное нервно-эмоциональное напряжение, приводящее к эмоциональному выгоранию, но именно самоконтроль не позволит развить возможный конфликт, ухудшить физическое состояние как самого врача, так и пациента.

Также одной из основных психологических характеристик врача, составляющих психологическую компетентность, является эмоциональная стабильность. Уравновешенность, контроль над эмоциями и поведением помогает врачу при взаимоотношениях с пациентами избегать конфликтов, провоцирование пациентов на бурные реакции. Эмоциональная стабильность, спокойствие, доброжелательность способствуют установлению доверительных отношений с пациентом, снизить тревогу и расположить к более надежным взаимоотношениям. Порой эмоциональная стабильность врача пациенту просто необходима, так как в ситуации болезни у пациента повышается уровень тревоги, агрессии, проявляется это в виде раздражительности, плаксивости, импульсивности. Врач в данном случае может помочь изменить картину мира пациента и стабилизировать его. Также, опираясь на исследования А.Н. Петри, можно сделать вывод, что эмоциональная стабильность — важное качество врача для предупреждения развития эмоционального выгорания [8].

Психологическим качеством, обеспечивающим адекватную коммуникацию в модели отношений «врач-пациент», является также дипломатичность, способность выстраивать диалог. Порой прямолинейность врача может шокировать пациента, дать повод думать о том, что врач не заботится о его чувствах. Также для пациента в состоянии болезни прямолинейность может показаться грубостью или бестактностью. Врачу важно уметь подбирать слова с положительным оттенком, проявлять внимание и уважение к пациенту, уметь оперировать фактами без лишних эмоций. Дипломатичность настраивает пациента на сотрудничество и мирное общение. О важности риторики в профессиональной деятельности врача также говорится в статье Е.Н. Гринько [5].

Спокойствие — не менее важная психологическая особенность врача. В данном случае спокойствие рассматривается как противоположность состоянию тревоги. Именно тревога зачастую снижает коммуникативную компетентность врача. Многие зависят от степени выраженности тревоги, при низкой степени выраженности она может играть адаптивную роль, а при высокой — дезадаптивную, что отрицательно сказывается на деятельности медицинского работника. Адаптивная роль тревоги может проявляться как возможность врача чутко реагировать на изменение состояния пациента и вовремя принимать необходимые меры. Такая тревога может способствовать укреплению положительных взаимоотношений в модели «врач-пациент». Что касается дезадаптивной роли тревоги, то здесь пойдет речь об интенсивности данной эмоции. Р.А. Грехов считает, что такая тревога выполняет дезорганизирующую функцию по отношению к познавательной деятельности и нарушает продуктивную работу психических процессов [4]. Высокая интенсивность тревоги мешает адекватно оценить сложившуюся ситуацию, принять верное решение и оценить возможные варианты развития событий. Все это прерывает коммуникацию в отношениях «врач-пациент», психологический контакт между ними разрывается. Также следует упомянуть, что тревога врача «передается» пациенту, что в свою очередь ухудшает их соматическое состояние и нарушает различные функции организма.

Еще одна важна психологическая характеристика врача, затрудняющая эффективность диагностики, — интровертированность, замкнутость врача. Этот термин введен в психологию Юнгом, обозначает направленность субъекта на себя, к собственным переживаниям, малой зависимостью содержания психики от контактов с окружающими. Такая характеристика затрудняет установление доверительных отношений как для пациента, так и для врача. Часто обнаруживается беспомощность в ситуации, где требуется взаимодействие и сотрудничество с окружающими. Как правило, сопровождается

Таблица 1. Список личностных характеристик врача, влияющих на успешность эффективного овладения и применения высокотехнологических методик в диагностическом процессе

Качества, положительно влияющие на успешность эффективного овладения и применения высокотехнологических методик в диагностическом процессе	Качества, отрицательно влияющие на успешность эффективного овладения и применения высокотехнологических методик в диагностическом процессе
Мотивированность	Немотивированность
Лабильность	Ригидность
Инициативность	Безинициативность
Усердие	Нетерпеливость
Креативность	Банальность
Ассертивность	Конформность
Высокая обучаемость	Низкая обучаемость
Вариабельность действий	Шаблонность

низким уровнем эмпатии, то есть малой «включенностью» в мир переживаний больного, способностью к сочувствию, состраданию. О важной роли эмпатии врача говорят в своей статье М.Н. Базаркина и Е.Д. Ступникова [2]. Эти качества значительно снижают коммуникативную компетентность врача, тем самым выстраивая «коммуникативный барьер». Врач не обеспечивает пациента необходимой степенью эмоциональной поддержки.

Следующим этапом данной работы является определение качеств врача, влияющих отрицательно и положительно на успешность эффективного применения высокотехнологических методик в диагностическом процессе.

Выше мы упомянули о важности коммуникативных навыков врача для успешного установления эмоционального контакта с пациентом, но этого недостаточно для эффективного применения высокотехнологических методик в ЛОР-диагностике. Чтобы эффективно овладеть навыками применения данных методик, необходимо выделить качества, которыми должен обладать врач, уже усвоивший навыки коммуникативной компетентности. Мы составили сравнительную таблицу, в которой выделили качества, положительно и отрицательно влияющие на овладение высокотехнологическими методиками (таблица 1).

Поподробнее остановимся на каждой паре выделенных нами качеств.

Мотивированность/немотивированность — для успешного овладения высокотехнологическими методиками врач должен быть заинтересован данной деятельностью, этот интерес должен подтверждаться приложением усилий для достижения каких-либо целей. Если врач не заинтересован, не мотивирован на овладение и применение новых методик в своей работе, то и качество овладения ими будет снижено, а вместе с этим будет страдать эффективность ЛОР диагностики, и, как правило, лечение.

Лабильность/ригидность — в связи со стремительно развивающимся техническим прогрессом врач должен эффективно адаптироваться и переключаться в меняющейся окружающей обстановке, если у врача будет преобладать ригидность, то эффективность его работы будет снижаться. Врач, не успевший вовремя переключиться, перестроиться, будет снижать эффективность диагностики и развития новых методов в данном медицинском учреждении.

Инициативность/безинициативность — не менее важные личностные характеристики. Врач, проявляющий инициативу, использующий и предлагающий новые методики, усиливает развитие медицинского учреждения и науки в целом. Врач, не проявляющий волевой активности для достижения новых целей и для овладения новыми знаниями, не имеет положительного влияния ни на пациентов, ни на свою работу, ни на работу учреждения.

Усердие/нетерпеливость — данная характеристика важна даже в том случае, если врач овладел высокотехнологичными методиками, так как только приложение усилий в течение определенного времени может привести к реализации цели, к получению наилучшего результата как в диагностике, так и в лечении пациентов. Если же врач обладает нетерпеливостью, то вряд ли будет завершен этап овладения навыками высокотехнологичных методик.

Креативность/банальность — иногда бывает так, что врач сталкивается с нестандартными ситуациями в своей повседневной деятельности. Тем более это может происходить при применении высокотехнологичных методик, так как для пациентов это также является новшеством. Соответственно, чтобы разрешать такие ситуации с наиболее позитивным исходом, врач должен использовать способность отклоняться от традиционного мышления. Если у врача не развита креативность, то при решении подобных ситуаций результат будет неудовлетворительный.

Ассертивность/конформность — умение врача отстаивать свои права, не ущемляя прав окружающих, довольно сложная задача, но от нее зависит эффективность работы врача с пациентами, внутри коллектива и при непосредственном взаимодействии с руководством. Наименьшую эффективность принесет качество конформности — изменение поведения или мнения человека под влиянием давления со стороны другого человека или группы людей. У врача, не способного принимать решения самостоятельно или отстаивать свои права, снижается компетентность в оказании помощи.

Высокая обучаемость/низкая обучаемость — эти характеристики говорят сами за себя. При высокой обучаемости врач может с большей скоростью, с большей эффективностью овладеть высокотехнологичными методиками по сравнению с теми врачами, у которых обучаемость низкая.

Вариабельность действий/шаблонность — для оказания высокотехнологичной помощи врачу необходи-

мо постоянно оценивать ситуацию вокруг себя, будь то диагностический прием или общение с родственниками пациента. К каждому пациенту нужен индивидуальный подход: то, что является эффективным методом для одних пациентов, может иметь противоположный эффект для других. Потому для достижения наилучшего результата врачу необходимо развивать свои поведенческие навыки, иметь в своем арсенале несколько методов и методик и, в зависимости от пациента, ситуации и прогноза, использовать тот или иной метод. Шаблонность же не предполагает подобного выбора и действий со стороны врача.

Таким образом, только обладая определенным набором личностных характеристик, врач может провести комплексную ЛОР-диагностику с применением высокотехнологичных методик, которая принесет наиболее эффективные результаты, по сравнению с тем врачом, у которого данные качества отсутствуют.

Предоставленная нами сравнительная таблица (Таб. 1) позволяет оценить влияние определенных качеств врача на эффективность овладения и применения высокотехнологичных методик. Также, благодаря собранным нами данным из различных публикаций других авторов, можно указать на важность качеств, составляющих коммуникативную компетенцию врача — она позволяет установить максимально доверительные отношения между пациентом и врачом и приводить к высоким показателям эффективности диагностики и лечения.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что для эффективного применения высокотехнологичных методик врачу необходимо обладать определенными личностными характеристиками, которые неразрывно связаны с коммуникативной компетентностью врача. Все это несет в себе существенную роль для успешности ведения диагностического процесса и улучшения состояния пациента, а также имеет влияние на успешность работы медицинского учреждения в целом

ЛИТЕРАТУРА

1. Психологическое сопровождение диагностического и терапевтического процесса / Б. Д. Карвасарский, Н. Н. Володин, А. П. Бизюк // Клиническая психология. Учебник для вузов. 5-е изд. / ред. Б. Д. Карвасарский. — СПб.: Питер, 2019. — С. 636–637.
2. Базаркина, М. Н. О роли эмпатии в отношениях врач-пациент / М. Н. Базаркина, Е. Д. Ступникова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. — 2017. — Т. 6, № 1. — С. 104–105.
3. Бехтерева, А. В. Социальная толерантность как профессионально значимое качество личности будущего врача / А. В. Бехтерева // Проблемы личности в современном мире. — 2017. — С. 42–45.
4. Грехов, Р. А. Роль тревоги в психофизиологии стресса / Р. А. Грехов, Г. П. Сулейманова, Е. И. Адамова // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2017. — Т. 7, № 1. — С. 57–66.
5. Гринько, Е. Н. Медицинская риторика в подготовке врачей-педиатров / Е. Н. Гринько // Вопросы современной педиатрии. — 2016. — Т. 15, № 3. — С. 235–238.

6. Климова, О. Н. Проявление качеств личности, значимых для профессионализации врача на разных этапах его становления / О. Н. Климова, Н. А. Русина, С. М. Косенко // Медицинская психология в России. — 2015. — № 3 (32). — С. 187–202.
7. Ледванова, Т. Ю. Формирование коммуникативной компетентности врача / Т. Ю. Ледванова, А. В. Коломейчук // Бюллетень медицинских интернет-конференций. — 2015. — Т. 5, 2. — С. 115–121.
8. Петри, А. Н. Особенности эмоционального выгорания медицинских работников / А. Н. Петри // Акмеология. — 2017. — С. 128–133.
9. Трушкина, С. В. Вызовы современности: медицинский комплаенс, партнерские отношения, коммуникативная компетентность врача / С. В. Трушкина // Медицинская психология в России. — 2018. — Т. 10, № 4 (51). — С. 9.
10. Токарева, Н. Г. Роль психологических знаний в формировании профессионального портрета врача / Н. Г. Токарева // Гуманитарные науки. — 2018. — № 4 (44). — С. 39–44.
11. Ханина, И. Б. Психологические особенности формирования личности врача / И. Б. Ханина // От истоков к современности. — 2015. — С. 206–208.

© Еремеева Валентина Анатольевна (valentinkaeremeeva123456@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Красноярский Государственный Медицинский Университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ ПЕДАГОГОВ

FEATURES OF INTERRELATION OF COPING STRATEGIES AND PSYCHOLOGICAL PROTECTIONS OF TEACHERS

**A. Kiseleva
M. Kuzmin
T. Malykh**

Summary. The article presents a study of the relationship between coping strategies and psychological defenses of teachers. The data obtained during the empirical study showed that productive coping strategies of teachers are negatively associated with signs of emotional distress and expressed protective behavior, and, on the other hand, unproductive coping strategies are associated with these signs productively. The nature of coping strategies of teachers does not depend on experience, while specialization on the contrary determines the main coping strategies.

Keywords: coping strategies, teachers, coping behavior.

Киселева Анастасия Андреевна

Методист, Институт развития образования
Иркутской области
nk160493@gmail.com

Кузьмин Михаил Юрьевич

К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Иркутский
государственный университет»
mirroy@mail.ru

Малых Татьяна Александровна

К.п.н., доцент, Институт развития образования
Иркутской области
t.malykh@iro38.ru

Аннотация. В статье представлено исследование взаимосвязи копинг-стратегий и психологических защит педагогов. Полученные данные в ходе эмпирического исследования показали, что продуктивные копинг-стратегии педагогов оказываются отрицательно связанными с признаками эмоционального неблагополучия и выраженным защитным поведением, а с другой стороны, непродуктивные копинг-стратегии оказываются связаны с данными признаками продуктивно. Характер копинг-стратегий педагогов не зависит от стажа, в то время как специализация наоборот определяет основные копинг-стратегии.

Ключевые слова: копинг-стратегии, педагогические работники, совладающее поведение.

Введение

Проблема копинг-стратегий педагогов является актуальной как для зарубежной, так и для отечественной психологии и содержит множество исследований. Как правило, данные исследования преследуют цель выявить определенные копинг-стратегии, которые способствуют более эффективной адаптации и которые могут мешать этому, а также оказывать положительное или отрицательное влияние на физическое и психическое здоровье людей. Наиболее последовательные результаты этих исследований, показывают связь между стратегиями преодоления трудностей и психическим здоровьем, демонстрируя, что совладание может быть тесно связано с положительными психологическими результатами [8–13].

В то же время гораздо меньше исследований касаются проблемы связи копинг-стратегий и психологических защит личности. Стоит отметить, что данные исследования нередко направлены на выявление взаимосвязи копинг-стратегий и психологических защит, ведь первоначально копинг воспринимался исследователями-психоаналитиками, связанными как использование

защитных механизмов, внутренне и неосознанно мотивированных как способ справиться с сексуальными и агрессивными конфликтами [14–16].

Однако в современных исследованиях данная связь оказывается недостаточно освещенной. Мы предполагаем, что в случае если копинг-стратегии не вполне позволяют справиться с конфликтной ситуацией, человек склонен прибегать к защитным механизмам другого рода. Соответственно, тем более продуктивной являются копинг-стратегии, тем, по нашей гипотезе, менее выраженными будут являться защитные механизмы.

База и методы исследования

Для проведения исследования мы использовали методику «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман [2], «Методика определения индивидуальных копинг-стратегий» Э. Хайма [3] и методику «Человек под дождем» Е. В. Романовой и Т. И. Сытько [7].

Эмпирическое исследование проводилось на базе ГАУ ДПО «Институт развития образования» (г. Иркутск). В исследовании приняли участие 475 испытуемых — учи-

Таблица 1. Выраженность стратегий совладающего поведения у педагогических работников (опросник Р. Лазаруса и С. Фолкман «Способы совладающего поведения»)

Шкалы		Конфронтация	Дистанцирование	Самоконтроль	Социальная поддержка	Принятие ответственности	Бегство-Избегание	Планирование решения проблем	Положительная переоценка
Педагоги	M	7,96	8,86	11,18	10,16	6,60	10,08	10,89	11,71
	CD	2,78	3,03	4,13	3,84	2,45	4,08	4,03	4,35

Таблица 2. Выраженность стратегий совладающего поведения у педагогических работников (методика Э. Хайма).

Шкалы		Итого
Продуктивные	Число	189
	%	39,70%
Относительно продуктивные	Число	203
	%	42,70%
Непродуктивные	Число	72
	%	15,20%

телей различных специальностей общеобразовательных и дошкольных образовательных учреждений Иркутской области и Усть-Ордынского бурятского автономного округа. 100% испытуемых составили женщины.

Результаты

На первом этапе исследования мы проанализировали выраженность копинг-стратегий, измеренных при помощи методики Р. Лазаруса и С. Фолкман «Способы совладающего поведения» у педагогических работников (табл. 1).

Прежде всего, отметим, что наиболее востребованными у педагогических работников копинг-стратегий оказываются «Положительная переоценка» (11,71), «Самоконтроль» (11,18), «Планирование решения проблем» (10,89) и «Поиск социальной поддержки» (10,16). Вероятно, что у педагогов оказываются преимущественно выражены продуктивные копинг-стратегии.

Одновременно такие непродуктивные копинг-стратегии, как «Конфронтация» и «Дистанцирование» оказываются выражены слабо — 7,96 и 8,86 соответственно. Отметим так же, что у педагогических работников достаточно выраженной оказывается стратегия «Бегство-Избегание» (10,08).

Перейдем теперь к анализу результатов педагогических работников согласно тесту «Методика определения индивидуальных копинг-стратегий» Э. Хайма (табл. 2).

Согласно результатам методики, Э. Хайма, оказалось, что соотношение продуктивных и относительно продуктивных копинг-стратегий у педагогических работников примерно совпадает: в целом по выборке доля составляет 39,7% на продуктивные и 42,7% на относительно продуктивные соответственно. При этом доля непродуктивных стратегий небольшая.

На втором этапе исследования мы изучали связь копинг-стратегий и продуктивность защитных механизмов. Мы использовали рисуночные методики «Человек под дождем» и «Рисунок человека» Е. В. Романовой и Т. И. Сытько.

При этом отдельные эмоциональные состояния и особенности личности мы диагностировали по следующим признакам:

- ◆ тревога — характер штриховки, нажим карандаша;
- ◆ негативизм — положение тела в пространстве (со спины, в профиль), положение рук, комментарии при выполнении методики;

- ◆ демонстративность — детали одежды, прическа, украшения, особенности изображения лица (макияж и т.п.);
- ◆ экстравертированность — положение рук в пространстве, лицо;
- ◆ асоциальность — изображение на рисунке нарушают общепринятые правила (курят, пьют), имеют признаки асоциального образа жизни;
- ◆ агрессивность — характерные изображения рта (зубов), предметы в руках (указка как дубинка и т.п.).

Для диагностики особенностей реакции на стрессовые воздействия мы использовали стандартную интерпретацию деталей (тучи, дождь, зонт и т.п.), принятых в методике «Человек под дождем».

Прежде всего, проанализируем особенности связей копинг-стратегий — продуктивных, непродуктивных и относительно продуктивных, измеренных по методике Э. Хайма, — и актуального эмоционального состояния испытуемых, измеренного при помощи методик «Рисунок человека» и «Человек под дождем».

Оказалось, что на всей выборке испытуемых продуктивные копинг-стратегии связаны с меньшей тревожностью ($\chi^2=16,0$, $p<0,05$), низким уровнем негативизма ($\chi^2=8,0$, $p<0,04$) и повышенной демонстративностью ($\chi^2=21,0$, $p<0,01$). У испытуемых, использующих продуктивные копинг-стратегии выше показатели по шкале экстравертированность ($\chi^2=8,0$, $p<0,03$). Наоборот, высокий уровень выраженности непродуктивных копинг-стратегий связан с повышенным уровнем антисоциальности ($\chi^2=18,0$, $p<0,01$).

При анализе методики «Рисунок человека» у педагогов обнаружили следующие особенности. Оказалось, что наибольший уровень тревожности, выражаемый в штриховке ($\chi^2=30,2$, $p<0,011$), нажиме ($\chi^2=126,2$, $p<0,01$), размере фигуры ($\chi^2=30,2$, $p<0,01$), оказывается более высоким у педагогов с низким уровнем продуктивности стратегий. У педагогов высокий уровень демонстративности ($\chi^2=32,2$, $p<0,011$) и экстравертированности ($\chi^2=19,2$, $p<0,011$) оказался связан с условно продуктивными копинг-стратегиями.

Перейдем теперь к анализу корреляций между шкалами методики Р. Лазаруса и С. Фолкман «Способы совладающего поведения» и рисуночных тестов.

Прежде всего, обнаружили отрицательные корреляции с проявлением тревоги по методике «Рисунок человека» (между такими копинг-стратегиями, как «Дистанцирование», «Самоконтроль», «Планирование решения проблем» и «Положительная переоценка» на уровне

$r = -0,38$, $p<0,02$). При этом «Демонстративность» коррелирует положительно с такими копинг-стратегиями, как «Принятие ответственности», «Бегство-избегание», «Планирование решения проблем» и «Положительная переоценка» (на уровне $r=0,37$, $p<0,02$). «Негативизм» коррелирует с такими шкалами, как «Конфронтация» и «Самоконтроль» ($r=0,26$, $p<0,03$). При этом, чем более веселого персонажа рисуют испытуемые, тем ниже у них такие шкалы, как «Конфронтация», «Самоконтроль», «Социальная поддержка», «Бегство-избегание» и «Планирование решения проблем» (на уровне $r = -0,28$, $p<0,02$).

При анализе связей с методикой «Человек под дождем» так же обнаружили отрицательные связи с проявлением тревожности в виде штриховки у таких копинг-стратегий, как «Самоконтроль», «Планирование решения проблем» и «Положительная переоценка» (на уровне $r = -0,3$, $p<0,01$) При этом экстравертированность коррелирует со шкалами «Бегство-Избегание», а шкала «Негативизм» — со шкалой «Самоконтроль» (на уровне $0,14$, $p<0,05$).

Перейдем теперь к анализу связей с основными элементами методики «Человек под дождем».

Оказалось, что у испытуемых существуют значимые корреляции между всеми копинг-стратегиями и штриховкой капель дождя (на уровне $r=0,3$, $p<0,01$). При этом количество капель отрицательно коррелирует со стратегиями «Дистанцирование» и «Бегство-избегание» (на уровне $r=0,25$, $p<0,05$). Подчеркивание луж положительно коррелирует со стратегиями «Планирование решения проблем» и «Положительная переоценка» (на уровне $r=0,39$, $p<0,01$), а их количество — со стратегией «Поиск социальной поддержки». Выраженность туч положительно коррелирует со стратегиями «Самоконтроль», «Планирование решения проблем» и «Положительная переоценка» (на уровне $r=0,22$, $p<0,03$), а наличие зонта — положительно коррелирует со стратегией «Самоконтроль» ($r=0,25$, $p<0,02$).

Таким образом, можно сделать вывод, что продуктивные стратегии совладающего поведения, измеренные как при помощи методики Э. Хайма, так и при помощи методики Р. Лазаруса, С. Фолкман «Способы совладающего поведения», оказываются отрицательно связанными с признаками эмоционального неблагополучия и выраженным защитным поведением, а, с другой стороны, непродуктивные копинг-стратегии, оказываются связаны с данными признаками положительно.

В целом, у педагогических работников вне зависимости от их стажа и специальности выражены как продуктивные, так и непродуктивные копинг-стратегии. При этом их выраженность не зависит полностью от стажа;

на выраженность тех или иных стратегий в целом влияет в том числе и специальность педагогических работников. Однако при этом нельзя сказать, что педагогические работники определенной специальности являются носителями только продуктивных или только непродуктивных копингов.

Обсуждение результатов

В работе А.В. Антоновского сделан вывод о связи защитного поведения и копинг-стратегий. Указано, что профессиональное функционирование учителей является эмоционально напряженным видом социальной активности, которое дезадаптируют защитные механизмы [1]. Не сделан, однако, акцент на то, с какими конкретно копингами — продуктивными или нет — оказывается связано защитное поведение.

По результатам О.А. Камневой, М.В. Мельниковой установлено, что использование разных форм психологических защит может зависеть от контингента, с которым работают педагоги. Эти защиты являются компенсаторным механизмом, ослабляющими профессиональный стресс, и определяют адаптационный потенциал личности [5]. Однако о связи между стратегиями совладающего поведения и защитами не сообщается.

Э.Б. Дунаевская и С.А. Котова косвенно так же указывают на связь копингов и защитного поведения — причем именно в аспекте продуктивности первых. В условиях стресса учитель быстро переключается на эмоциентрированный копинг в ходе реагирования на напряженные социальные ситуации выбора. Под влиянием хронического стресса падает смысложизненное наполнение личности, при этом выразительно редуцируется досуговая сфера жизни. Выявленные с помощью

проективной методики искажения образа человека свидетельствуют о ходе дезинтеграции образа «Я», идущем процессе его расщепления. Представленные учителями рисунки свидетельствуют об ощущении ими тревожности, депрессивности, собственного бессилия в стрессе, ощущения внутренней скованности и малоценности, потребности в поддержке. [4].

Наконец, наши выводы подтверждаются и данными Г.С. Корытовой. Умение использовать активные копинг-стратегии в совладании со стрессовыми ситуациями может оказывать позитивное воздействие на профессиональное самочувствие работников образовательных учреждений [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что продуктивные стратегии совладающего поведения, измеренные как при помощи методики Э. Хайма, так и при помощи методики Р. Лазаруса, С. Фолкман «Способы совладающего поведения», оказываются отрицательно связанными с признаками эмоционального неблагополучия и выраженным защитным поведением, а, с другой стороны, непродуктивные стратегии совладающего поведения, оказываются связаны с данными признаками продуктивно.

В целом, у педагогических работников вне зависимости от их стажа и специальности выражены как продуктивные копинг-стратегии, так и непродуктивные. При этом их выраженность не зависит полностью от стажа; на выраженность тех или иных стратегий в целом влияет в том числе и специальность педагогических работников. Однако при этом нельзя сказать, что педагогические работники определенной специальности являются носителями только продуктивных или только непродуктивных копинг-стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоновский А. В. Механизмы психологической защиты и стратегии совладания у педагогов средних школ: «цена» и «стоимость» психической адаптации // Вестник Московского университета. — Серия 20: Педагогическое образование. — 2010. — № 1. — С. 89–98.
2. Вассерман Л. И., Абабков В. А., Трифонова Е. А. Совладание со стрессом: теория и психодиагностика. СПб.: Речь, 2010. 192 с.
3. Вассерман Л. И. и др. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. Пособие для врачей и медицинских психологов. СПб., 2009. 38 с.
4. Дунаевская Э. Б., Котова С. А. Особенности реагирования на стресс учителей в новых условиях современного образования // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. — 2014. — № 9. — С. 43–45.
5. Камнева О. А., Мельникова М. В. Особенности психологических защит и адаптационного потенциала педагогов с разной профессиональной мотивацией // Казанский педагогический журнал. — 2018. — № 2 (127). — С. 177–181.
6. Корытова Г. С. Структура защитного и совладающего поведения в профессиональной деятельности педагогических работников // Сибирский психологический журнал. — 2005. — № 21. — С. 112–117.
7. Романова Е. С., Сытько Т. И. Проективные графические методики: Методические рекомендации. СПб., 1992.
8. Brantley, P. J., & Jones, G. N. (1993). Daily stress and stress-related disorders. *Annals of Behavioral Medicine*, 15(1), 17–25.
9. Endler, N. S., & Parker, J. D. A. (1990). Multidimensional assessment of coping: A critical evaluation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58(5), 844–854. doi: 10.1037/0022-3514.58.5.844.

10. Chaves, E. C., Cade, N. V., Montovani, M. F., Leite, R. C. B., & Spire, W. C. (2000). Coping: significados, interferência no processo saúde-doença e relevância para a enfermagem. *Revista da Escola de Enfermagem da Universidade de São Paulo*, 34(4), 370–375. doi: 10.1590/S0080–6234200000400008.
11. Folkman, S., Lazarus, R. L., Dunkel-Schetter, C., DeLongis, A., & Gruen, R. (1986). Dynamics of a stressful encounter: Cognitive appraisal, coping, and encounter outcomes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 50(5), 992–1003. doi: 10.1037/0022–3514.50.5.992.
12. Lazarus, R., & Folkman, S. (1984). *Stress appraisal and coping*. New York: Springer.
13. Seiffge-Krenke, I. (1993). Close friendship and imaginary companions in adolescence. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 60, 73–87. doi: 10.1002/cd.23219936007.
14. Haan, N. (1963). Proposed model of ego functioning: Coping and defense mechanisms in relationship to IQ change. *Psychological Monographs*, 77(8), 1–23. doi: 10.1037/h0093848.
15. Haan, N. (1977). *Coping and defending: Processes of self-environment organization*. New York: Academic Press.
16. Vaillant, G. (1994). Ego mechanisms of defense and personality psychopathology. *Journal of abnormal psychology*, 103, 44–50. doi: 10.1037/0021–843X.103.1.44.

© Киселева Анастасия Андреевна (nk160493@gmail.com),

Кузьмин Михаил Юрьевич (mirroy@mail.ru), Малых Татьяна Александровна (t.malykh@iro38.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Иркутск

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ON SOME PROBLEMS OF CONFLICT RESOLUTION IN THE PROCESS OF INVESTIGATIVE ACTIVITIES

*Ju. Kolisnyk
I. Gunkin*

Summary. The article is devoted to the problems that arise during the work of the investigator, which lead to tension between the parties and a conflict of interest. The article discusses the concepts of conflict in the general and private sense, the issues of the appearance and resolution of conflicts arising in the professional activities of an investigator, since when understanding the definition of a conflict, its content and goals must be taken into account.

In the course of the study, a formal logical method, system analysis was used.

The authors come to the conclusion that it is necessary to consider the essence of the conflict, the reasons for its appearance and occurrence, and also suggest possible ways out of the conflict in the process of investigating.

Keywords: Conflict; investigation of crimes; criminal proceedings; the activities of the investigator; opposition to the investigation.

Основным направлением деятельности следователя является расследование преступлений, при проведении которого достаточно трудно произвести расследование без ситуаций, которые приводят к напряженности между сторонами и столкновению интересов.

Понятие конфликта далеко не однозначно. Конфликтологи, психологи, социологи, педагоги, кибернетики, специалисты по теории игр определяют конфликт различным, исходя из содержания и целей своих исследований.

Если рассматривать конфликт со стороны совершения преступления, то это есть ни что иное, как конфликт правонарушителя с законом, с интересами общества и государства. Реабилитация нарушенных прав начинается с раскрытия и расследования преступления, в ходе которых конфликт с законом может обрести форму конфликта со следователем. Необходимо различать по-

Колиснык Юлия Сергеевна
Преподаватель, Владивостокский филиал
Дальневосточного юридического института МВД России
Nazinceva86@gmail.com

Гуныкин Игорь Валентинович
К.ф.н., старший преподаватель, Владивостокский
филиал Дальневосточного юридического института
МВД России

Аннотация. Статья посвящена проблемам, возникающим у следователя в процессе работы, которые приводят к напряженности между сторонами и столкновению интересов. В статье рассматриваются понятия конфликта в общем и частном понимании, вопросы появления и разрешения конфликтов возникающих в профессиональной деятельности следователя, поскольку при понимании определения конфликта необходимо учитывать его содержание и цели.

В ходе проведения исследования использовался формально-логический метод, системный анализ.

Авторы приходят к выводу о необходимости рассмотрения самой сущности конфликта, причины появления и возникновения, а также предлагают возможные пути выхода из конфликта в процессе осуществления следственной деятельности.

Ключевые слова: Конфликт; расследование преступлений; уголовное судопроизводство; деятельность следователя; противодействие расследованию.

нятие конфликта, который возникает в повседневной жизни и конфликта между следователем и лицом совершившим преступление.

А.И. Попов определяет конфликт как противоборство, соперничество, выражающееся в принципиальных, проблемных дискуссиях, спорах, обмене мнениями, не унижающих человеческое достоинство участников и направленных на разрешение трудностей, возникших в процессе расследования преступления [6].

Л.Я. Драпкин, А.Е. Шуклин определяют конфликтные ситуации в расследовании как особое состояние системы межличностных отношений двух или более участников уголовного судопроизводства, имеющих несовпадающие интересы и стремящихся к достижению различных целей в условиях информационной неопределенности, в связи с планами и намерениями соперничающей стороны [2].

По мнению А.М. Ларина конфликт в уголовном процессе — это неотъемлемая часть конфликта криминального. Пересечения в нем происходят в основном между стороной защиты и стороной обвинения, а иные участники не являются лицами, заинтересованными в исходе уголовного дела, соответственно, в конфликт если и вовлекаются, то лишь как третья сторона [5]. Данную точку зрения можно считать ошибочной. Участники уголовного процесса вступают в отношения друг с другом по различным причинам: в силу выполнения функциональных обязанностей, либо в силу защиты нарушенных интересов и причиненного вреда, либо в силу необходимости оказания содействия при производстве следственных и процессуальных действиях, либо в связи с совершением действий, противоречащих нормам права. неприемлемо говорить, что только участники стороны защиты и стороны обвинения могут быть участниками конфликта.

Таким образом, среди ученых нет единства мнений относительно понятия «уголовно-процессуальный конфликт». Проанализировав вышеуказанные подходы, можно определить уголовно-процессуальный конфликт как противоборство, возникающее между участниками уголовного процесса, имеющими противоположные интересы и стремящимися к достижению своих целей.

Возникновение конфликтов в деятельности следователя отчасти обусловлено наличием у него властных полномочий. Следователь как должностное лицо, направляющее ход предварительного следствия, выполняет ряд функций, а именно, расследование уголовного дела при возможности всестороннего, полного и объективного изучения всех обстоятельств дела. выявление фактов, как изобличающих, так и обеляющих обвиняемого. Следователь лицо процессуально самостоятельное: для решения возложенных на него задач он наделен властными полномочиями по собиранию доказательств; по принятию решений [1]. Перед ним стоит задача — преодолеть даже временно возникшие конфликтные ситуации и достигнуть цели уголовного процесса — дойти до истины события.

В своей профессиональной деятельности следователь достаточно редко сталкивается с устойчивыми и продолжительными конфликтами, которые возникают, когда стороны обладают примерно равными возможностями. А на стадии предварительного расследования у подозреваемого (обвиняемого) нет никаких средств для длительного поддержания конфликта, а следователь обладает множеством возможностей для снятия конфликта. Однако иногда встречаются ситуации, когда следователю, несмотря на все старания, не удается до конца расследования разрешить конфликт, возникший между ним и подозреваемым (обвиняемым). Поэтому рассле-

дование приходится вести в ситуации конфликта при постоянном противодействии со стороны (подозреваемого) обвиняемого [7].

Информированность следователя о позиции противостоящей стороны дает тактическое превосходство при условии, что последняя информацией об этом не владеет. Неопределенность в отношении намерений другой стороны конфликта негативно сказывается на действительности предпринимаемых следователем следственных действий, служит причиной риска при принятии решений.

Основой уголовно-процессуальной деятельности следователя является оптимальное сочетание таких методов воздействия на личность, как убеждение и принуждение. Убеждение должно базироваться на доказательствах, имеющихся в материалах уголовного дела. Воздействуя на волю и сознание фигуранта, следователь побуждает последнего к принятию внутренне осмысленного решения об отказе от противоправных намерений, реализации преступного умысла. При убеждении ставится цель — достичь добровольности в исполнении норм закона [3]. Когда меры убеждения оказываются недействительными, применяется принуждение, заключающееся в оказании психического, физического и иного воздействия на конкретного правонарушителя с целью обязать его к действиям, поведению, не вступающим в конфликт с законодательством.

Правовое принуждение персонифицировано и выражено во внешнем воздействии на субъект противодействия с целью заставить его прекратить противоправное поведение. В уголовном процессе принуждение допустимо в строго установленных законом случаях [4]. Объектом реализации мер убеждения и принуждения может быть любой из участников уголовного процесса, а также их близкие, являющиеся субъектами посткриминального воздействия.

Возникает вполне закономерный вопрос, что же является приоритетным — убеждение или принуждение. Между убеждением и принуждением нельзя выбрать главный или первостепенный метод. Данные методы действуют взаимосвязано. При расследовании одного уголовного дела на разных этапах может применяться сначала один метод, а потом другой или вовсе два метода одновременно. Применение данных методов определяется линией поведения противодействующей стороны.

В зависимости от ситуации следователь может использовать различные стили речи: доминантный стиль, актуальный при разоблачении ложных показаний; драматический стиль, который можно сочетать с методом убеждения; спорный (агрессивный или доказывающий),

используемый при предъявлении доказательств в противовес ложным показаниям; успокаивающий — при общении с потерпевшим и свидетелем; внимательный — при активном слушании свободного рассказа допрашиваемого.

Таким образом, можно констатировать, что конфликты в деятельности следователя возникают достаточно часто. При этом они, как правило, характеризуются неустойчивостью, обусловленной различным статусом противоборствующих сторон. Одной из сторон в конфликте,

как правило, является следователь как официальное лицо, обладающее социально-ролевым статусом. В конфликте стороны придерживаются определенной линии поведения для достижения своей цели. Чтобы разрешить конфликт в свою пользу следователю необходимо: проанализировать имеющуюся информацию; выяснить причины конфликта; определить цели и линию поведения противоборствующей стороны; не проявляя своих эмоций, установить психологический контакт с противоборствующей стороной, использовать необходимые тактические приемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришин А.И., Громов Н. А. Процессуальные функции следователя // Правоведение. 2001. № 5.
2. Драпкин Л.Я., Шуклин А. Е. Следователь: профессиональная характеристика и основные методы деятельности // Российский юридический журнал. 2011. № 1.
3. Замылин Е. И. Убеждение и принуждение в структуре средств и методов предупреждения и нейтрализации неправомерного воздействия заинтересованных лиц // Юрист-Правовед. 2010. № 3.
4. Кудин Ф. М. Теоретические основы принуждения в советском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1987.
5. Ларин А. М. Уголовно-процессуальный конфликт // Юридический конфликт: сферы и механизмы. М., 1994.
6. Попов А. И. Некоторые вопросы разрешения конфликтов в деятельности по расследованию преступлений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2.
7. Реуцкая И.Е., Бродченко О. И., Морар Е. С. Повышение коммуникативной компетентности следователей и дознавателей при решении служебных задач // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1 (60).

© Колисник Юлия Сергеевна (Nazinceva86@gmail.com), Гунькин Игорь Валентинович.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Владивосток

ЛИЧНОСТНЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КИТАЙСКИХ И ИНДИЙСКИХ СТУДЕНТОВ С ПОЗИТИВНЫМИ ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПАМИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ¹

PERSONAL AND AGE CHARACTERISTICS OF CHINESE AND INDIAN STUDENTS WITH POSITIVE HETEROSTEREOTYPES RELATING TO RUSSIA²

E. Meshcheryakova
T. Kostyukova
A. Larionova
E. Zyatkova
P. Kiseleva

Summary. The article discusses the actual problem of acculturation of Chinese and Indian students in the situation of their possible educational migration to Russia, as well as the role of heterostereotypes in the structure of their ethnic identity. The experience of studying the age-related personal characteristics of Indian and Chinese students in the aspect of their relationship to Russia (heterostereotypes) was conducted on the basis of the Jawaharlal Nehru University (India, new Delhi) and The Institute of foreign languages of the Shenyang Polytechnic University (China, Shenyang). The results of the study indicate heterostereotypes of positive orientation towards Russia in both study groups. The presented results can serve as a certain reference point for psychological support of the process of acculturation of foreign students in higher education.

Keywords: personal characteristics, heterostereotype, autostereotype, ethnic identity, Chinese and Indian students, educational migration, academic mobility.

Мещерякова Эмма Ивановна

*Д.псих.н., профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
mei22@mail.ru*

Костюкова Татьяна Анатольевна

*Д.п.н., профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
kostyukova@inbox.ru*

Ларионова Анастасия Вячеславовна

*К.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники»; доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
vktusur@mail.ru*

Зятькова Екатерина Олеговна

*Аспирант, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
zyatkova-katya@mail.ru*

Киселева Полина Викторовна

*К.п.н., доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
polinakiss@mail.ru*

Аннотация. В статье обсуждается актуальная проблема аккультурации китайских и индийских студентов в ситуации их возможной образовательной миграции в Россию, а также и роль гетеростереотипов в структуре их этнической идентичности. Представлен опыт изучения возрастных личностных характеристик индийских и китайских студентов в аспекте их отношения к России (гетеростереотипы) было проведено исследование на базе Университет Джавахарлала Неру (Индия, г. Нью-Дели) и Институт иностранных языков Шеньянского политехнического университета, (Китай, г. Шеньян). Результаты исследования свидетельствуют о гетеростереотипах позитивной направленности по отношению к России в обеих исследуемых группах. Представленные результаты могут служить определенным ориентиром психологического сопровождения процесса их аккультурации иностранных студентов в вузе.

Ключевые слова: личностные особенности, гетеростереотип, аутостереотип, этническая идентичность, китайские и индийские студенты, образовательная миграция, академическая мобильность.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-013-00571 А

² The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project 19-013-00571 A

Актуальность представляемого исследования связана с насущной проблемой психологических стратегий аккультурации человека в иной культуре, с которой сталкивается человек в ситуации образовательной мобильности. Процесс глобализации, развитие открытости современного мира, высокая мобильность населения планеты, в том числе и образовательная, неизбежно приводит к потребности поиска эффективных способов коммуникации, выстраивания аккультурации [1–2, 11]. Перемещаясь из одной культуры в другую, человек сталкивается с новым культурным окружением, которое влияет на его самосознание, обостряя переживание собственной культурной идентичности. Изучая межкультурное взаимодействие в аспекте взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения, исследователи ориентируют программы межкультурной коммуникации на изучение особенностей поведения личности в ситуации множественности выбора в поликультурном мире, т.к. выход за границы привычного этнического контекста может порождать различные негативные явления на личностном уровне, к ним Г.У. Солдатова и Л.А. Шайгерова (2019) относят повышенную тревожность, неуверенность, снижение самооценки, страх потери идентичности и пр. [20]. Сущность культурной идентичности описывается в терминах осознания человеком собственной принадлежности к какой-либо культуре или культурной группе, которое выражается в принятии соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, в понимании своего Я с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества [15]. В глубоко традиционных обществах нормы оказывают сильное влияние на современного человека, однако социальные перемены приводят к тому, что традиционные духовные ценности и моральные постулаты подвергаются жесткой трансформации. В связи с этим самоидентификация отдельного человека как субъекта в условиях современного постиндустриального или информационного общества вызывает большой интерес западных, российских и азиатских ученых, тем более в таких глубоко традиционных обществах, таких как китайское и индийское.

В настоящее время существует необходимость повышения конкурентоспособности отечественного профессионального образования на международном рынке экспорта образовательных услуг. Однако миграционный потенциал российской системы образования используется слабо. Увеличение образовательной миграции и привлечение иностранных студентов становится актуальной стратегией развития для многих ведущих российских вузов. Большинство научных исследований, посвященных образовательной миграции, концентрируется вокруг изучения особенностей адаптации об-

разовательных мигрантов в новой культуре. Однако, студенты, которые уже выбрали наш вуз, уже обладали мотивацией обучения в российском вузе. В программах академической мобильности необходимо включать эти данные о мотивации, как отражающие готовность иностранных студентов к академической мобильности и аккультурации. В этом плане требуется исследование личностных особенностей иностранной молодежи в их собственной культуре с позиции восприятия ими России, или, говоря предметно,— личностных возрастных особенности гетеростереотипов их этничности (этнической идентичности) в ракурсе межкультурной коммуникации и межкультурной компетентности. Полученные данные необходимы для разработки стратегии привлечения иностранных абитуриентов и создания для них оптимальных социально-психологических условий для развития субъектности и поликультурной идентичности личности как условия жизнеосуществления в этнически диверсифицированном образовательном пространстве.

С этой целью нами было инициировано исследование в странах, которые являются привлекательными для образовательной миграции. Базовой методологией исследования стали идеи межкультурной коммуникации в культурно-исторической теории Л. Выготского (2001) и историко-эволюционном подходе А.Г. Асмолова (2014) [4, 8], разработки Г.У. Солдатовой об автостереотипах и гетеростереотипах этнической идентичности [19–20]. Идентичность является важным фактором, определяющим выбор стратегии поведения в межкультурном взаимодействии, и речь идет о взаимной сензитивности партнеров по общению к идентичности друг друга. Личностные особенности китайских и индийских студентов рассматривались как предикторы возможностей их будущей адаптации к будущей поликультурной образовательной среде и как ключевые индикаторы межкультурной компетентности.

Методы и выборка

С целью изучения характеристик идентичности индийских и китайских студентов и особенностей их отношения к России было проведено исследование на базе Университет Джавахарлала Неру (Индия, г. Нью-Дели) и Институт иностранных языков Шеньянского политехнического университета, (Китай, г. Шеньян) в 2014–2018 гг. Выборку исследования составили студенты в количестве 114 человек, из них 50 студентов из Китая (37 женского пола, 13 мужского пола) и 64 студента из Индии (25 женский пол, 39 мужской пол), в возрасте от 17 до 30 лет.

Методы исследования: 1) Авторская анкета определения отношения иностранных студентов к России, включающая 9 вопросов, направленных на определение со-

Таблица 1. Частота встречаемости ответов на вопросы в выборке китайских и индийских студентов

Вопросы анкеты	Ответы студентов Китая	Ответы студентов Индии
Хотели бы побывать в РФ?	Да (100%)	Да (95%) Нет (2%) Не знаю (3%)
Хотели бы учиться в РФ?	Да (82%) Нет (12%) Не знаю (6%)	Да (92%) Нет (6%) Не знаю (2%)
Хотели бы жить в РФ?	Да (66%) Нет (20%) Не знаю (14%)	Да (54%) Нет (20%) Не знаю (25%)
Знаете какие-либо русские традиции?	Да (86%) Нет (14%)	Да (96%) Нет (3%)
Нравятся русские фильмы?	Да (86%) Нет (4%) Не смотрел (8%) Другое (2%)	Да (82%) Нет (4%) Не смотрел (12%)
Читал книги русских авторов?	Да (70%) Нет (30%)	Да (87,5%) Нет (12,5%)
Есть друзья из РФ?	Да (32%) Нет (14%) Хотел бы завести (54%)	Да (41%) Нет (14%) Хотел бы завести (45%)

Таблица 2. Статистически значимые результаты анализа сопряженности ответов на вопросы анкеты индийских и китайских студентов

Вопросы анкеты	Студенты Китая	Студенты Индии
Знаете какие-либо русские традиции? Pearson Chi-square: 4,56543, df=1, p=0,03		
Знаю	86%	96,88%
Не знаю	14,00%	3,13%
Читал книги русских авторов? Pearson Chi-square: 5,89835, df=2, p=0,05		
Да	70%	87,50%
Нет	20%	6,25%
Не читал (а).	10%	6,25%

циального статуса испытуемых, представлений о России, и готовности посетить страну. 2) Проективная методика «Дерево» К. Коха (1949), ориентированная на изучение полностью или частично неосознаваемых форм мотивации личности и на исследование личностных и возрастных особенностей. Также использовался вариант интерпретации теста «Дерево» Р. Стора (1978), которая основана на статистической валидации. Обработка данных осуществлялась с помощью частотного анализа и анализа сопряженности по критерию Пирсона Хи-квадрат в программе STATISTICA 10.0. Выбор математических методов анализа обусловлен качественными данными и дихотомическими переменными в исследовании [10].

Результаты исследования

На первом этапе исследования стояла задача изучения отношения индийских и китайских студентов к Российской

Федерации. Для решения этой задачи был проведен частотный анализ ответов на вопросы Авторской анкеты. В таблице 1 представлены статистически значимые результаты.

Из таблицы 1 видно, что большинство студентов Китая и Индии в целом позитивно относятся к РФ, интересуются русскими традициями, кино и литературой, высказывают желание посетить Россию или учиться в ее вузах. При этом в позиции китайских и индийских студентов имеются незначительные различия. Так, если все китайские студенты высказывают желание посетить Россию, обучаться в вузах РФ, то не большой процент индийских студентов этого не желают, и есть студенты, не определившиеся с этой возможностью. Жить в России не готовы как китайские, так и индийские студенты. Студенты Индии, в отличие от студентов Китая, лучше знают русские традиции и чаще читают российскую литературу. Этот вывод подтверждается анализом сопря-

Таблица 3. Частота встречаемости признаков дерева в рисунках китайских студентов

Признаки-характеристики	Количество признаков от 1 до 10	Количество признаков от 10 до 20	Количество признаков от 20 до 30	Количество признаков от 30
Свобода от инструкции	1, 2	4	0	3
Основание	6, 7а	0	0	0
Корни	13, 14	0	0	14а
Крест	23, 25, 25а	0	0	0
Расположение на странице	26, 28, 29, 29а, 30а, 31	27	0	0
Форма листвы	38, 41, 42, 43, 44, 45, 53, 54, 55, 56, 63, 64, 65, 65б, 65е, 65ж	0	49а, 60	0
Штриховка	70, 71, 75	0	0	0
Ствол	82, 83, 85, 86, 89, 90, 91, 96	0	0	95
Общая высота	99	0	0	100
Высота листвы	111	110	108	0
Выступающие части	122	0	0	0
Характер линии	137	0	0	0
Разные признаки	0	0	148	0

Таблица 4. Частота встречаемости признаков дерева в рисунках индийских студентов

Признаки-характеристики	Количество признаков от 1 до 10	Количество признаков от 11 до 20	Количество признаков от 21 до 30	Количество признаков от 31
Свобода от инструкции	2, 4	0	0	3
Основание	6, 7, 9	7а	0	0
Корни	10, 12, 13, 14	0	0	14а
Крест	23, 24, 25	0	0	25а
Расположение на странице	28, 29а, 30, 30а, 31, 33	26, 27, 29	0	0
Форма листвы	39, 40, 41, 42а, 43, 44, 46, 49а, 55, 55а, 62, 63, 64, 65б, 65е, 65ж	0	45	0
Штриховка	68, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 76, 78, 79	0	0	0
Ствол	81, 82, 85, 88а, 89, 90, 91, 96, 96б	87	86	95
Общая высота	99	0	100	0
Высота листвы	108, 110, 112	111	0	0
Ширина листвы	114, 119			
Выступающие части	0	0	0	0
Характер линии	125, 127, 130, 131, 132, 135, 136, 137, 142, 143, 146,	0	0	0
Разные признаки	0	0	148	0

женности ответов на вопросы по критерию Пирсона Хи-квадрат (Табл. 2).

Следующей задачей нашего исследования являлось изучение личностных особенностей китайских и индийских студентов как предикторов возможностей их адаптации к будущей поликультурной образовательной среде, ключевых индикаторов и мишеней помощи в развитии межкультурной компетентности. Для решения

поставленной задачи был проведен частотный анализ признаков/элементов методики Дерево в выборке студентов Китая и Индии (Табл. 3, 4, 5). Таблицы 3 и 4 представлены для отражения процедуры анализа и интерпретации данных исследования.

В таблице 3 отражены все признаки дерева в рисунках китайских студентов. Анализ рисунков осуществлялся по схеме, предложенной Р. Стора.

Таблица 5. Наиболее часто встречаемые признаки-характеристики дерева в рисунках студентов Китая и Индии

№ признака-характеристики дерева	Название признака-	Частота встречаемости признаков в выборке китайских студентов (%)	Частота встречаемости признаков в выборке индийских студентов (%)
3	«Свобода от инструкции»	48 (96%)	38 (59%)
14а	«Отсутствие корней»	45 (90%)	52 (81%)
95	«Ствол, расширенный внизу»	33 (66%)	33 (52%)
100	«Высота 4»	44 (88%)	-

В таблице 4 отражены все признаки дерева в рисунках индийских студентов. Анализ рисунков осуществлялся по схеме, предложенной Р. Стора.

Далее интерпретации были подвержены только те признаки дерева, которые встречаются у китайских и индийских студентов более чем в 30 рисунках, то есть более чем у 50% респондентов. Наглядно данные представлены в таблице 5.

Результаты исследования (Табл. 5) показали, что разные этнические группы — китайских и индийских студентов — характеризуются сходными возрастными личностными особенностями. В интерпретации полученных результатов по методике Дерево появление одинакового признака 3 «Свобода от инструкции» в выборках китайских и индийских студентов (48 (96%) и 38 (59%) соответственно) говорит об их эмоциональности и развитом воображении, что является общей особенностью молодежного студенческого контингента, обуславливающего их пылкость, тягу к знаниям. Это коррелирует с выводами исследователей о возрастных и личностных особенностях молодежных выборок в современных условиях неопределенности. Признак 14а «Отсутствие корней» (45 (90%) и 52 (81%) соответственно), почти одинаковое по двум выборкам, у современной молодежи, в том числе китайской и индийской, может трактоваться как «охота к перемене мест», «образовательное цифровое кочевничество», тяга к путешествиям и познанию других стран [3, 4, 9, 12, 16, 18]. Признак 95 «Ствол, расширенный внизу» отмечается большой частотой встречаемости у обеих выборок (33 (66%) и 33 (52%) соответственно) трактуется как молодежное стремление поиска прочной позиции в своей среде, в референтной группе. Все вышеназванные признаки образуют комплекс возрастных молодежных свойств, характерных как для китайских, так и индийских студентов.

Частотность признака 100 «Высота 4» различает китайскую и индийскую выборки: у китайских студентов обнаруживается личностное свойство — утвердиться, быть замеченным, значимым для других, этот признак отсутствует в группе индийских студентов. Что коррелирует со свойством взрослых китайцев — самоуважением, достоинством, репутацией, а обнаруженные у китайских студентов свойства, относящимися к значимости их личности, являются переходными к фундаментальным свойствам личности взрослого представителя китайского этноса [7, 14].

спондирует со свойством взрослых китайцев — самоуважением, достоинством, репутацией, а обнаруженные у китайских студентов свойства, относящимися к значимости их личности, являются переходными к фундаментальным свойствам личности взрослого представителя китайского этноса [7, 14].

ВЫВОДЫ

1. Теории идентичности и адаптации явились релевантными в представленном исследовании: в межкультурном взаимодействии важна взаимная сензитивность по отношению к идентичности, как мигрантов, так и принимающей стороны, а успешность адаптации зависит от ассимилирующей коммуникации с принимающей стороной.
2. Результаты исследования свидетельствуют о гетеростереотипах позитивной направленности по отношению к России в обеих исследуемых группах — китайской и индийской, что является благоприятным фактором их академической мобильности, развития коммуникативной компетентности и адаптации, выбора способов поведения и реагирования.
3. Гетеростереотипы китайских и индийских студентов по отношению к России различаются по когнитивному фактору осведомленности: индийские студенты более компетентны в вопросах российской культуры, возможно, полученные данные являются о спецификой данной выборки, свидетельствуют о более целенаправленной работе с этими студентами в их среде с русскими преподавателями. Вывод является вероятностным и требует дальнейших, желательно BigDate-исследований.
4. Личностные особенности обеих групп сходны, так как автостереотипы обеих групп, по данным репрезентативных авторов и данным представляемого исследования, отражают возрастные личностные особенности молодежной выборки (эмоциональность, развитое воображение, пылкость, тягу к знаниям, тягу к путешествиям и познанию других стран, поиск прочной пози-

ции в своей среде, в референтной группе и пр.), что следует учитывать принимающей стороне в стратегиях аккультурации мигрантов.

5. В аутостереотипах китайских студентов обнаруживается этнопсихологическая тенденция утвердиться, быть замеченным, значимым для других, что является переходным негативным вариантом будущих «взрослых» личностных свойств китайца — самоуважения, достоинства, репутации.

Использование проективных методов психодиагностики широко распространилось в отечественной прикладной и практической психологии, в научной психологии предпочтение отдается тестовым инструментам психодиагностики. Представленное исследование носит пилотажный характер и отражает возможность работы

с респондентами в условиях затруднительного использования строго стандартизированных инструментов. Проективные рисуночные тесты располагают респондентов к доверительному контакту, не вызывают напряженности с их стороны, отказов от выполнения, поэтому являются экологичным комфортным инструментом для кросскультурных исследований. В дальнейшем предполагается получение психометрических характеристик стандартности, валидности и надежности.

Изучение психологических особенностей гетеростереотипов этничности китайских и индийских студентов может способствовать успешной интеграции в российский образовательный социум и служить определенным ориентиром психологического сопровождения процесса их аккультурации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтбах Ф. Дж., Энгберг Д. Международная студенческая мобильность: грядущие перемены // «Международное высшее образование». Русскоязычная версия информационного бюллетеня «International Higher Education (Бостонский колледж, США)». — 2014. — № 77. — С. 19.
2. Арефьев А.Л., Шереги Ф. Э. Экспорт российских образовательных услуг. Статистический сборник. Выпуск 5 / Минобрнауки РФ. — М.: Центр социологических исследований, 2015.
3. Асипова Н.А., Мамырова М.И. Студенчество как особая социальная группа в контексте этнокультурной социализации // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2018. — № 6. — С. 175–179.
4. Асмолов А. Г. Психология перемен. Видеолекции. — Режим доступа: URL: <http://www.yoi.com/watch?v=G4soV2Rw4i4> (Дата обращения 29.12.19).
5. Асмолов А. Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. — М.: Смысл, 2001. — 416 с.
6. Васильев, Л. С. Этика и ритуал в трактате «Ли цзи» / Л. С. Васильев // Этика и ритуал в современном Китае: сб. ст. / отв. ред. Л. С. Васильев. — М., 1988. — 316 с.
7. Виноградов А. В. Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты. Автореферат дисс. ... д-ра политических наук. — М., 2006. — 46 с.
8. Выготский Л. С. Лекции по педологии. — Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2001. — 304 с.
9. Кривцова С. В. Развитие личности: Self, Я и Person // Экзистенциальный анализ. — 2019. — № 10. — С. 29–39.
10. Кричевец А.Н., Корнеев А. А., Рассказова Е. И. Основы статистики для психологов. — М.: Акрополь, 2019. — 286 с.
11. Лыкова Н. М. Трансформация культурной идентичности студентов при смене социокультурного окружения // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 2. С. 18–23.
12. Лэнгле А. Экзистенциально-аналитическая теория личности: Сборник статей. — Издательство: Генезис. — М., 2008. — 159 с.
13. Лю, Ц. Этническое самосознание современной учащейся молодежи Китая / Ц. Лю. — М., 2007. — 84 с.
14. Малявин В. В. Китайская цивилизация. — М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. — 632 с.
15. Мельникова Л. В. Проблема культурной идентичности: концептуальные подходы // Гуманитарные и социальные науки. — 2010. № 5. — С. 226–234.
16. Олпорт Г. Становление личности. — М.: Смысл, 2002. — С. 166–216.
17. Радзиховский Л. А. Анализ творчества Л. С. Выготского советскими психологами // Вопросы психологии. — 1979. — № 6. — С. 58–67.
18. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе / Из серии: Основы психологической антропологии. Изд-во Правосл. Свято-Тихоновского гуман. ун-та, 2013. — 540 с.
19. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 199. 389 с.
20. Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Рефлексия множественности выбора в психологии межкультурных коммуникаций. Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен/ 2-е издание. Под общей ред. Александра Асмолова. — М.: Издательский Дом ЯСК 2019.-546 с. 279–292.

© Мещерякова Эмма Ивановна (mei22@mail.ru), Костюкова Татьяна Анатольевна (kostyкова@inbox.ru),

Ларионова Анастасия Вячеславовна (vktusur@mail.ru), Зяткова Екатерина Олеговна (zyatкова-katya@mail.ru),

Киселева Полина Викторовна (polinakisss@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ РОССИЙСКОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ

Нерсеянц Анна Владиковна

Клинический психолог, Руководитель отдела
адаптации, ООО «Буде Раша»
ivan.anna2018@yandex.ru

PSYCHOLOGY OF JUSTICE AS A DIRECTION OF RESEARCH IN THE FRAMEWORK OF RUSSIAN PERSONOLOGY

A. Nersesyants

Summary. One of the most relevant areas of research for the world (and especially for Russian) personology is the psychology of justice. The interest of psychological science in understanding the place and role of justice in the inner world of man is largely stimulated by the achievements of neuroscience and genetics, showing that ideas about justice are rooted in the emotional sphere of man. At present, Russian personology is actively developing research aimed at applying the theoretical concepts of sensitivity to justice and faith in a just world to the study of the psychological well-being of representatives of a number of vulnerable social groups (people with disabilities, prisoners, minors, etc.) For all the significance of this research area, it would be wrong to underestimate the relevance of studying the personal potential of people with pronounced prosocial (as opposed to egoistic) attitudes that orient them to an altruistic type of behavior in situations of social significance. From this point of view, special attention from researchers of the psychology of justice deserves an analysis of the personal characteristics of young people focused on political activity or legal career in the field of justice. For an in-depth study of the problem from this point of view, it seems appropriate to introduce the category "sense of justice" into the conceptual apparatus of personology. This would allow us to lay a broad theoretical foundation for empirical research in this field, which allows us to link the study of justice in the framework of personology, social psychology, social philosophy, philosophy of law and pedagogy in a single comprehensive approach to the study of man.

Keywords: psychology, personology, justice, personality, sensitivity to justice, faith in a just world, sense of justice, science of man.

Аннотация. Одним из наиболее актуальных направлений исследований для мировой (и особенно для российской) персонологии является психология справедливости. Интерес психологической науки к осмыслению места и роли справедливости во внутреннем мире человека в немалой степени стимулирован достижениями нейробиологии и генетики, показывающими, что представления о справедливости коренятся в эмоциональной сфере человека. В российской персонологии в настоящее время активно развиваются исследования, направленные на применение теоретических концептов чувствительности к справедливости и веры в справедливый мир к изучению психологического благополучия представителей ряда уязвимых социальных групп (людей с ограниченными возможностями, заключенных, несовершеннолетних и т.д.). При всей значимости данного направления исследований было бы неверным недооценивать актуальность изучения личностного потенциала людей с ярко выраженными просоциальными (в противовес эгоистическим) установками, ориентирующие их на альтруистический тип поведения в ситуациях, обладающих социальной значимостью. С этой точки зрения особого внимания со стороны исследователей психологии справедливости заслуживает анализ личностных особенностей представителей молодежи, ориентированной на политическую деятельность или юридическую карьеру в сфере правосудия. Для углубленного изучения проблемы под таким углом зрения представляется целесообразным введение в понятийный аппарат персонологии категории «чувство справедливости». Это позволило бы заложить под эмпирические исследования в данной области широкий теоретический фундамент, позволяющий увязывать изучение справедливости в рамках персонологии, социальной психологии, социальной философии, философии права и педагогики в единый комплексный подход к изучению человека.

Ключевые слова: психология, персонология, справедливость, личность, чувствительность к справедливости, вера в справедливый мир, чувство справедливости, наука о человеке.

В последние годы в психологической науке наблюдается заметный интерес к соединению различных теоретических подходов и методов исследования психологии личности на базе персонологии как комплексного учения о личности, синтезирующего достижения фундаментальной академической психологии и клинической практики и вовлекающего в орбиту психологического анализа многогранный социокультурный контекст формирования и развития личности. Именно такое направление для формирования персонологии как науки о личности задал еще в 30-е годы прошлого века Г. Мюррей, который и предложил термин «персонология» для обозначения соответствующего комплексного подхода к изучению психологии личности. «Та область психологии, которая в основном занимается изучением жизни человека и тех факторов, которые имеют на неё влияние, отрасль, которая занимается исследованием индивидуальных различий и типами личности, может быть названа «персонология».

В настоящее время персонология вышла далеко за рамки психологической науки и практики, сформировавшись в междисциплинарную область научного знания о личности, интегрирующую данные таких наук, как психология, философия, социология, антропология, история и т.д. При этом психологическая составляющая данной системы междисциплинарного знания, являющаяся здесь приоритетной, составляет основы психологической персонологии, развивающейся в рамках психологической науки и практики.

Под психологической персонологией понимается учение о психологии личности, предмет исследования которого находится на границах психологической науки, пересекаясь с предметными сферами целого ряда социогуманитарных и естественных наук, так или иначе связанных с изучением человека как носителя духовных и физических характеристик. Данный подход призван преодолеть свойственное различным направлениям психологии (таким, как психоанализ, бихевиоризм, когнитивизм и т.д.) стремление «сделать из личности своего рода схему, действующую по определенным законам» [19, с. 304]. Кроме того, персонология позволяет исправить дефекты психологического познания, обусловленные чрезмерным увлечением естественно-научной методологией, которое «привело к тому, что сама психология перестала быть наукой о человеке, а исследование психики разделилось на рассмотрение отдельных функций и процессов» [19, с. 304]. В российской психологии концепция персонологии Г. Мюррея получает осмысление и развитие в свете идей Л.С. Выгодского об общей психологии как своего рода «алгебре частных наук» [6, с. 322]. «Для нас общая персонология, пишут Петровский В.А. и Старовойтенко Е.Б., — отдаленное эхо проекта «общей науки» Л.С. Выготского, сфокуси-

рованной на феномене личности в универсуме жизни» [16, с. 16]. Символом этой новой науки, которую авторы обозначают как общую персонологию, «является треугольник Теория — Герменевтика — Практика, имеющие своим предметом личность, индивидуума в единстве его отношений с собой, с миром» [16, с. 16].

Развиваемый в современной отечественной психологии подход к осмыслению личности в ее целостности, находится в русле методологии комплексного изучения человека, обоснованной в 80–90-е годы прошлого века известным отечественным философом акад. И.С. Фроловым. Его усилиями был создан Институт человека, задачу которого сам автор определял, как формирование нового направления в науке, ориентированного на «комплексное междисциплинарное исследование целостного человека» [20, с. 46]. Очерчивая контуры такого направления, который он назвал философией человека, И.Т. Фролов отмечал, что именно философия, а «не какая-либо другая отдельная наука, включая психологию, может выполнить роль интегратора в создании единой науки о человеке. Конечно, и психология нащупывает новые интересные связи между естественными и общественными науками, и в этом смысле она тоже выполняет роль интегратора, но не в такой явной форме как философия...» [21, с. 36]. Однако, подчеркивал он далее, дело не в спорах о «лидерстве», а в совместной выработке новой комплексной научной программы, которая «будет ценностно ориентировать все науки, и ориентировать их именно в зависимости от потребностей развития человека» [21, с. 36]. Институт человека просуществовал до 2004 г., пережив на несколько лет своего создателя, однако идеи о человекознании как о единой науке продолжают развиваться в совместных работах философов и психологов [15]. Параллельно с этим психологи работают над созданием персонологии как общей науки о личности в ее психологическом измерении. Очевидно, что развитие этого направления психологической науки является важным подспорьем в общей работе философов и психологов по формированию комплексного направления знаний о человеке как системной целостности.

Одной из ключевых категорий общей персонологии, осмыслением которой занимаются и философия, и психология, является категория справедливости. Данная категория морального сознания выражает исключительно сложный феномен, многозначность которого была отмечена еще Аристотелем в «Никомаховой этике», где справедливость рассматривалась и как праведность, выступающая в качестве полной добродетели человека в отношении к другому, и как правосудность, т.е. качество суждений о правомерности поступков [1]. При этом в обеих трактовках данного понятия, воспринятых современной наукой, справедливость предстает в качестве характеристики взаимоотношений человека с дру-

гими людьми, т.е. носит интересубъективный характер и в этом смысле является предметом изучения прежде всего социальных наук в целом и социальной психологии, в частности. Подчеркивая социальный характер справедливости, известный американский философ, автор теории справедливости как честности Д. Ролз характеризует справедливость как первую добродетель общественных институтов, подобно тому, как истина является первой добродетелью систем мысли [17]. Однако для того, чтобы социальные институты могли нормально функционировать, они должны адекватно отражать психологическое состояние общества, наполняющее эти институты соответствующим психологическим содержанием. Это психологическое содержание социальных институтов, пишут А.Л. Журавлев и Д.В. Ушаков, может быть определено как «большая или меньшая готовность придерживаться тех или иных правил поведения [9, 241], обусловленная ценностями и социальными установками людей, которые составляют предмет исследований психологии личности. Таким образом осмысление справедливости в рамках социальной философии и социальной психологии невозможно без знания, которое несет в себе персонология.

В наши дни в силу самых разных причин справедливость как феномен, проявляющийся в индивидуальном сознании и поведении, привлекает все большее внимание исследователей, что отражает актуализацию данного феномена в общественном сознании. При этом интерес психологии личности к осмыслению места и роли справедливости во внутреннем мире человека в немалой степени был стимулирован достижениями нейробиологии, подтверждающими восходящие к Д. Юму идеи о том, что представления о справедливости коренятся в эмоциональной сфере человека: Авторы рассматривают полученные результаты как весомый довод в пользу «моральных сентименталистов». Совершенно ясно, что решение этических дилемм тесно связано с эмоциями, причем эмоциональная оценка «эффективности», «справедливости» и «общей пользы» принимаемого решения осуществляется, как выяснилось, тремя разными отделами мозга. При принятии решения происходит нечто вроде взвешивания баланса сил (то есть эмоций) или судебного разбирательства: кора островка защищает интересы справедливости, а скорлупа «голосует» за эффективность. По той же схеме, путем сопоставления сигналов от двух разных участков — «представителей» спорящих сторон, — мозг, по-видимому, принимает решения и в других спорных ситуациях, например когда нужно сопоставить риск и возможный выигрыш.

Что касается хвостатого ядра и прилегающей к нему области септума (перегородки), то новые результаты хорошо согласуются с данными, полученными ранее, согласно которым этот участок мозга играет важную

роль в интеграции различных психических «переменных», в вынесении «социально-ориентированных» оценок, а также в таких явлениях и поступках, как доверие к другим людям или жертвование на благотворительные нужды.

К этим доводам нейробиологов можно добавить и последние открытия генетиков показывающие, что люди когда-то одомашнили не только животных, но и самих себя. Эффект самоодомашнивания (self-domestication), проявлявшийся в том, что люди при выборе брачных партнеров предпочитали тех, у кого более развиты дружелюбие, эмпатия, взаимность и т.д., привел к формированию на генетическом уровне соответствующих когнитивно-поведенческих признаков [5]. Очевидно, что к этим когнитивно-поведенческим признакам относятся и такие характеристики личности, описываемые концептом Большой пятерки, как экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, эмоциональная стабильность и открытость опыту. Очевидно также и то, что все указанные свойства личности определяют ее способность к взаимности и сотрудничеству, т.е. к справедливому взаимодействию с другими людьми.

Это дает специалистам дополнительные основания для того, чтобы говорить о наличии у человека особой чувствительности к справедливости, проводя таким образом аналогию с категорией чувствительности в биологии. Показательно, что в своем очень обстоятельном аналитическом обзоре основных направлений исследований справедливости в западной персонологии С.К. Нартова-Бочавер и Н.Б. Астанина особое внимание уделили исследованиям, осуществляемым в русле концепции чувствительности к справедливости. Согласно данной концепции, предложенной в 90-е годы прошлого века немецким психологом М. Шмиттом и активно развиваемой в настоящее время, чувствительность к справедливости может рассматриваться как самостоятельная черта личности, проявляющаяся в поведении индивида, которая «заключает в себе устойчивые индивидуальные различия в готовности воспринимать случаи несправедливости и силе когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций на несправедливость» [2, с. 116]. Для описания данной черты личности М. Шмиттом было предложено четыре индикатора: «а) частота переживаемой несправедливости; б) интенсивность эмоциональных реакций на несправедливость, в) устойчивость мыслей о несправедливых событиях, д) мотивация к восстановлению справедливости» [13, с. 23–24]. М. Шмитт в своих исследованиях показал, что все эти индикаторы тесно взаимосвязаны и взаимозависимы (т.е. высоко конвергентны) и при этом качественно отличны от иных характеристик личности — «от фрустрационной толерантности, межличностного доверия, гневливости как черты личности и стилей ее выражения» [23].

Для персонологии, в отличие от социальной психологии, важно не столько значимость справедливости в системе ценностей для человека, сколько то, «из какой позиции субъект к ней относится и какой личный опыт проецирует на готовность быть обиженным, чувствовать себя защитником слабых или проявлять великодушие в ущерб собственным интересам». Все эти составляющие внутреннего мира личности, подчеркивают С. К. Нартова-Бочавер и Н. Б. Астанина, должны изучаться не только с в связи с их социальным поведением, но и в аспекте психологического благополучия, позволяющего раскрыть степень уязвимости и личностные ресурсы человека, который он может задействовать для преодоления психологического дискомфорта, порождаемого этой уязвимостью.

Другое выделенное авторами направление исследований справедливости в рамках западной персонологии — теория «веры в справедливый мир», — было обосновано американским психологом М. Лернером в 1960-е годы прошлого века. Сам М. Лернер считал такую веру иллюзией, помогающей людям адаптироваться к несправедливости мира. Однако при всей иллюзорности данной веры она является необходимой предпосылкой нормального, т.е. упорядоченного, основанного на общезначимых нормах, функционирования человеческого общества. Поэтому процесс социализации личности с необходимостью включает в себя, как писал М. Лернер, воспитание, начиная уже с раннего детства, веры ребенка в справедливость мироустройства. Суть такого воспитания он охарактеризовал как внушение ребенку идеи своего рода «персонального контракта с судьбой», согласно которому те его усилия и жертвы в настоящем, окупятся успехами в будущем, когда он повзрослеет. На этой основе впоследствии каждый человек вырабатывает собственный (во многом обусловленный внутренними особенностями его психики и влиянием социального контекста) набор рациональных и нерациональных когнитивно-поведенческих стратегий, которые помогают ему пережить несправедливость мира. Идеи М. Лернера привлекли большое внимание специалистов и дали импульс многочисленным эмпирическим исследованиям проблемы справедливости в аспекте веры человека в справедливость мироустройства. Однако до сих пор этот удивительный феномен веры, уже многократно подтвержденный экспериментально, в значительной степени остается теоретически не проясненным и нуждается в дальнейших углубленных исследованиях.

Подводя итоги своего анализа, С. К. Нартова-Бочавер и Н. Б. Астанина делают вывод о том, что при всей несомненной позитивной значимости справедливости как важнейшей социальной ценности на уровне отдельной личности идея справедливости, выражаемая прежде

всего через чувствительность к справедливости и веру в справедливое мироустройство, способна как позитивно, так и негативно влиять на психологическое благополучие человека. Психологическая наука, изучающая индивидуальность человека с точки зрения отношения к справедливости, может, подчеркивают авторы, «открывать важные личностные ресурсы естественного переживания кризисных и стрессовых ситуаций различной природы и служить основой психоразвивающего воздействия». С этих позиций они выделяют ряд наиболее интересных, на их взгляд, направлений изучения справедливости в рамках персонологии, связанных с выявлением траекторий самореализации личности (и особенно стратегий выхода из сложных жизненных ситуаций) в зависимости от того, как соотносится в мировоззренческой картине личности вера в справедливость мира вообще с верой в личную справедливость (т.е. справедливость в отношении именно данного человека). Чрезвычайно интересно, считают авторы, проанализировать под этим углом зрения когнитивно-поведенческие стратегии людей, у которых четко выражена чувствительность либо нечувствительность к справедливости, и сравнить уровни их психологического благополучия. Отдельного внимания со стороны отечественных ученых, отмечают они далее, заслуживает анализ справедливости как «этико-психологического явления, очевидно несущего отпечаток особенностей российской ментальности».

В настоящее время из всего этого широкого спектра направлений исследований психологии справедливости в рамках российской персонологии основной (скорее, даже — преимущественный) акцент делается на применении теоретических концептов чувствительности к справедливости и веры в справедливый мир, а также разработанного на их основе инструментария эмпирического анализа психологического благополучия представителей наиболее уязвимых социальных групп: людей с ограниченными возможностями [14], заключенных (в сравнении с законопослушными гражданами) [12, с. 712], несовершеннолетних правонарушителей [3], и т.п. Однако при всей несомненной значимости данного направления исследований (особенно с учетом его гуманистической направленности) его вряд ли можно считать наиболее актуальным. Конечно, очень важно понять, какие психологические ресурсы помогают людям, находящимся в уязвимом положении, сохранять психологическое благополучие и выстраивать позитивные жизненные стратегии. Но было бы неверным при этом упускать из внимания личностный потенциал тех людей, чья чувствительность к справедливости, вера в справедливость мира и основанные на них жизненные стратегии являются факторами не только собственного психологического благополучия в борьбе с превратностями личной судьбы, но и достижения более справедливого устройства общественной жизни.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на одно из процитированных выше высказываний из статьи С. К. Нартовой-Бочавер и Н. Б. Астаниной о том, что для отечественных исследователей интерес представляет анализ справедливости как этико-психологического феномена, «несущего отпечаток особенностей российской ментальности». Очевидно, авторы имеют в виду то обстоятельство, что для российского общественно-го сознания в целом, а значит и для индивидуального сознания россиян, справедливость как имеет какое-то особое значение. В подтверждение этого положения уместно обратиться к авторитету такого знатока русской души, как Ф. М. Достоевский, который писал: «Высшая и самая характерная черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее». Развивая эту мысль в контексте анализа причин революции 1917 г. другой весьма авторитетный автор — философ И. А. Ильин — утверждал, что «русский народ пошел за большевиками в смутных и беспомощных поисках новой справедливости. ... И вывести русский народ из революции сумеет лишь тот, кто вернется к первоначальным поискам справедливости и восстановит эту старую традицию русской души и русской истории» [10]. При этом он очень верно подчеркивал, что продвижение общества к социальной справедливости требует, помимо всего прочего, «еще справедливых людей. ... Если в стране нет живого и справедливого правосознания, — считал он, — то ей не помогут никакие даже самые совершенные законы. Тут нужны не «правила», а верное настроение души — необходима воля к справедливости» [10]. А в наши дни директор Института социологии РАН акад. М. К. Горшков, опираясь на результаты социологических исследований, утверждает, что великую русскую мечту можно выразить одним словом — и это будет слово «справедливость» [7].

Такое понимание ситуации ставит перед российскими психологами задачи, связанные не только с применением в России уже, хорошо апробированные на Западе концептов чувствительности к справедливости и веры в справедливый мир применительно к людям с уязвимым социальным статусом, но и с изучением того, что специалисты называют просоциальными (в противовес эгоистическим) установками, ориентирующие на альтруистический тип поведения в ситуациях, обладающих социальной значимостью. Возможно, что для исследования этого феномена потребуются новый методологический инструментарий, направленный на выявление личностных характеристик людей, обладающих ярко выраженными просоциальными установками или, если воспользоваться термином А. И. Ильина, — конструктивной «волей к справедливости». Необходимость подобной ориентации исследований, осуществляемых на уровне социальной психологии и психологии личности, обусловлена тем обстоятельством, что, как свидетельствуют социологи, ощущение несправедливости

системы общественных отношений в современной России является в настоящее время доминантой массового сознания россиян [18]. Если исходить из того, что, согласно первому базовому предположению социально-психологического подхода, «вступая во взаимодействие, люди оценивают его справедливость» [8], то надо признать, что ощущение несправедливости общественных отношений деформирует всю систему социальных коммуникаций. Поэтому так важно понять, как это ощущение проявляется на личностном уровне, как оно влияет на психологическое благополучие и когнитивно-поведенческие стратегии людей, обладающих разной «волей к справедливости», как можно измерить конструктивный потенциал личностной воли к справедливости т.д. Подобные исследования, осуществляемые на уровне персонологии, дали бы социальной психологии важный эмпирический материал для осмысления психологического состояния современного российского общества с точки зрения оценки имеющихся у него психологических ресурсов для того, чтобы справиться с деморализующим ощущением несправедливости или попытаться развернуть социальную ситуацию в направлении более справедливого развития.

С этой точки зрения особый интерес для исследователей психологии справедливости представляет анализ личностных особенностей представителей таких социальных групп, как политики, государственные управленцы разных уровней, работники правоохранительных и судебных органов. При этом наиболее доступными для эмпирических исследований и одновременно наиболее интересными в плане научного осмысления их психологического потенциала является молодежь, которая стремится к политической или юридической карьере. Особенно благодатным «материалом» для изучения психологии справедливости с позиций такого подхода могут служить студенты юридических вузов и прежде всего те, кто готовит себя к карьере судьи, прокурора или адвоката. Было бы интересно понять, в какой мере и в каких направлениях развита в этих группах чувствительность к справедливости и вера в справедливый мир, есть у них установки на просоциальное поведение, выражающие волю к справедливости, в какой мере эти установки выражены в их сознании и поведении, на что направлены и как они связаны с таким феноменом, который в социальной философии обозначается понятием «чувство справедливости».

В этой связи хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что такие ключевые аспекты проблематики справедливости в рамках персонологии, как чувствительность к справедливости и вера в справедливый мир, тесно связаны с чувством справедливости. Ведь чувствительность к справедливости, являющаяся такой чертой личности, которая отражает степень интенсивности

эмоциональных реакций на несправедливость, при ее надлежащей интерпретации может служить главным показателем степени развитости у индивида чувства справедливости как явления, выражающего устойчивые эмоциональные реакции обязывающе-представительного, т.е. императивно-атрибутивного (если воспользоваться терминологией, разработанной основателем психологического направления в теории права Л.И. Петражицким), характера, которые выражают представления человека о взаимности в отношениях, о соразмерности между деянием и воздаянием, о соответствии между долгом одних людей и притязаниями других и т.д. А что касается веры в справедливый мир, которая формируется в результате «персонального контракта с судьбой», то, очевидно, что такая форма социализации индивида является важнейшей предпосылкой формирования у него чувства справедливости.

Однако в психологии сложилась традиция выводить категорию «чувство справедливости» за рамки психологической науки, считая ее слишком абстрактной и не относящейся непосредственно к природе человека. На данное обстоятельство обращал внимание еще Э. Фромм, который писал так: «Многие, конечно, относят принципы справедливости и равенства к идеологиям, которые получили развитие в истории, но не служат фундаментальным свойствам естественного человека. Я не собираюсь сейчас заниматься детальным опровержением этого взгляда, но хочу подчеркнуть лишь самое главное: я убежден, что человек в самой глубине души своей наделен чувством справедливости» [22, с. 614]. При этом нарушающее справедливость «стремление более сильного использовать другого человека как сред-

ство достижения своих эгоистических целей» [22, с. 614] он считал самой ужасной из всех человеческих страстей, называя ее утонченной формой каннибализма. Столь эмоциональное выступление в защиту психологического статуса категории «чувство справедливости» со стороны выдающегося моралиста заслуживает, на наш взгляд, серьезного внимания.

В любом случае, можно, по-видимому утверждать, что упомянутые выше аргументы, которые современная нейробиология и генетика предоставляют в пользу признания чувствительности к справедливости в качестве одной из характеристик внутреннего мира человека, сформировавшихся в ходе биосоциальной эволюции, вполне могут быть применимы и к чувству справедливости. Введение категории «чувство справедливости» в понятийный аппарат персонологии способствовало бы формированию широкого теоретического фундамента для эмпирических исследований в этой области, позволяющего увязывать изучение справедливости в рамках психологической персонологии, социальной психологии, социальной философии и философии права в единый комплексный подход к изучению человека. Более того, результаты подобных исследований в перспективе могли бы использоваться в процессе совершенствования профессиональной подготовки и повышения квалификации специалистов, для которых (как например, для представителей профессий, связанных с правосудием) справедливость должна входить в число главных принципов профессиональной этики, а развитое чувство справедливости должно включаться в своего рода неписанный профессиональный стандарт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Соч. в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль. 1983.
2. Адамян А. А., Нартова-Бочавер С. К., Шмит М. Опросник «Чувствительность к справедливости»: Валидизация на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 105–116.
3. Астанина Н.Б., Голубева С. А. Вера в справедливый мир и чувствительность к справедливости у взрослых людей с глубокими нарушениями зрения // Клиническая и специальная психология. 2014. Т. 3. № 2.
4. Астанина Н. Б. Чувствительность к справедливости и психологическое благополучие у несовершеннолетних правонарушителей мужского пола // Клиническая и специальная психология. 2017 Том 6 № 1 С. 33–47.
5. Воробьева Ю. Генетики подтвердили, что древние люди одомашнили сами себя // Вести «Наука». 06.12.2019 // nauka.vesti.ru/article/1247776.
6. Выготский Л. С. Собр. соч. в 6-ти т-х. М.: Педагогика, 1982 Т. 1.
7. Горшков М.К., Тихонова Н. Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. М., 2013.
8. Гулевич Социальная психология справедливости. М.: ИП РАН. 2011. С. 11 288 с.
9. Журавлев А.Л., Ушаков Д. В. Психологическое содержание социальных институтов // Новое в науках о человеке. М.: URSS. 2018. С. 211–220.
10. Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи.
11. Институт человека. Идея и реальность. М.: URSS. 2018.
12. Михайлова М. М. Представления заключенных и законопослушных граждан о справедливости и вера в справедливый мир — сравнительный анализ // Юридическая психология. 2010. № 3. С. 7–12.
13. Нартова-Бочавер С. К., Астанина Н. Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии // Психологический журнал. 2014. Т 35. № 1. С. 23–24.

14. Нартова-Бочавер С. К., Подлипняк М. Б., Хохлова А. Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых // Клиническая и специальная психология: журнал. — 2013. — № 3.
15. Новое в науке о человеке. М.: URSS. 2018.
16. Петровский А. А., Старовойтенко Е. Б. Наука личности: четыре проекта общей персонологии. — 2012. — С. 16.
17. Ролз Д. теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 1995.
18. Сергеев М. Социальная несправедливость остается ключевой проблемой // Независимая газета. 16 сентября 2019.
19. Слотина Т. Психология личности: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2008. 304 с.
20. Фролов И.Т., Гуревич П. С. Человековедение // Человек. 1994. № 6.
21. Фролов И. Т. На пути к единой науке о человеке // Институт человека. Идея и реальность. М.: URSS. 2018. С. 26–38.
22. Фромм Э. Человек: кто это такой? //Философия и жизнь. 1991. -№ 12. -С. 614.
23. Schmitt M., Mohiyeddini C. Sensitivity to befallen injustice and reactions to a real life disadvantage // Social Justice Research. 1996 V. 9 P. 223–238. Schmitt M., Neumann R., Montada L. Dispositional sensitivity to befallen injustice // Social Justice Research. 1995 V. 8 P. 385–407.

© Нерсесянц Анна Владиковна (ivan.anna2018@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА ДОШКОЛЬНИКОВ

Требухина Елена Александровна

Соискатель, Московский городской педагогический университет
trebuhina@yandex.ru

FORMATION OF SUSTAINABILITY OF MORAL CHOICE OF PRESCHOOLERS

E. Trebuhina

Summary. The article is devoted to the formation of moral orientation of preschool children, based on the personal system of moral assessments to themselves and others and expressed stability of moral choice. The empirical research of identification and formation of components of stability of moral choice in the uniform environment of moral education — uniform mytho-game educational space DOE and the family (EMIVOP DOE and family), the results of which show that psycho-pedagogical impact EMITOP DOE and family, provides formation of moral-sense, moral-affective, moral and active components of sustainability.

Keywords: uniform mytho-game educational space (EMIVOP), psychological and pedagogical technology, moral orientation, self-consciousness of the person, myth, mythologeme, moral-semantic, moral-affective, moral-active components, stability of the moral choice of the preschool child.

Аннотация. Статья посвящена вопросу формирования нравственной ориентации детей дошкольного возраста, основанной на личной системе нравственных оценок к себе и другим и выраженной устойчивостью нравственного выбора. Проведено эмпирическое исследование выявления и формирования компонентов устойчивости нравственного выбора в единой среде нравственного воспитания — едином мифо-игровом воспитательно-образовательном пространстве ДОУ и семьи (ЕМИВОП ДОУ и семьи), результаты которого показывают, что психолого-педагогическое воздействие ЕМИВОП ДОУ и семьи, обеспечивает формирование нравственно-смыслового, нравственно-аффективного и нравственно-активного компонентов устойчивости.

Ключевые слова: единое мифо-игровое воспитательно-образовательное пространство (ЕМИВОП), психолого-педагогическая технология, нравственная ориентация, самосознание личности, миф, мифологема, нравственно-смысловой, нравственно-аффективный, нравственно-активный компоненты, устойчивость нравственного выбора дошкольника.

Введение

Современная наука, рассматривающая в качестве базовых процессы интерактивного пространства «человек — среда», обнаруживает глубинные истоки влияния среды (социальных условий), как образца нравственных представлений, отношений и поведения, в которых развивается и социализируется индивид, на глубинные ценностные структуры его личности, определяя его нравственные ориентиры.

Отмечается, что динамика нравственного становления дошкольника, обусловлена «ситуацией социального развития» [5], в которой возрастающие с возрастом социальные ожидания окружения, предъявляют к ребенку требования в выполнении «социальных обязанностей» [10], вызывающих, зачастую, психологическое сопротивление, выраженное неблагоприятными состояниями психики (агрессией, капризами, замкнутостью, тревогой и т.п), сопровождаемые «эмоциональным напряжением» [8]. Способность (навык) самостоятельного преодоления «эмоционального напряжения», является основой уравновешенности психики, ее *устойчивости* к неблагоприятным жизненным ситуациям. Этот навык

основывается на способности ребенка найти для себя смысл происходящего, умения прочувствовать эмоциональное состояние *другого*, и в соответствии с этим, выстроить свое поведение. И в этом отношении, условия баланса благоприятного и неблагоприятного эмоционально-психологического воздействия социальной среды [14] играют ключевую роль в формировании у ребенка позитивной адекватной нравственной оценки *себя и других*, являясь основой его нравственных убеждений [13].

Вместе с тем, социальное окружение, зачастую, предоставляет ребенку рассогласованную информацию о постулатах морали и поведения взрослых в повседневной жизни, порождая затруднения в нравственной ориентировке, приводящей к внутреннему психологическому конфликту сознательного и бессознательного личности, сопровождающегося эмоциональной напряженностью [8]. Преодоление эмоционально-психологического напряжения сопряжено формированием у ребенка сложной личностной системы нравственных оценок по отношению к себе и к другим — нравственной мировоззренческой ориентации личности, являясь показателем психологического созревания человека.

Поэтому проблема формирования устойчивости нравственного выбора дошкольника, связана с проблемой формирования среды нравственного воспитания, включающей особенности онтогенеза дошкольного возраста, принципы дошкольной дидактики, вовлеченность семьи в педагогический процесс, ориентир на развитие нравственных представлений, отношения и поведения, обеспечивая эффективное развитие устойчивости нравственного выбора к концу дошкольного возраста.

Степень разработки проблемы

Проблема влияния среды, как основы его воспитания и нравственно-личностного развития, ставилась классиками отечественной психологии и педагогики в широком смысле — как проблема среды нравственного воспитания — условий и движущих сил развития психики ребенка, его нравственного становления.

Понятие среды нравственного воспитания в исследовании рассматривается, как: ситуация социального развития [5]; носитель нравственных представлений, отношений и поведения [11]; система развития ребенка в игровом пространстве [2,7,9]; взаимодействие (совместная деятельность и общение) ребенка с референтными взрослыми (в том числе с семьей), а также со сверстниками [2]; включенность в систему эмоциональных общественных отношений [4,6]; трансляция социально-психологического общечеловеческого опыта на образном архитипическом уровне [7,12], условия, направленные на развитие центральных психических функций (ЦПФ) — воображения, эмоций, воли [5].

Анализ научно-исследовательской литературы, позволил выдвинуть гипотезу исследования, что синтез основных факторов генезиса дошкольного развития, в единую среду нравственного воспитания в форме Единого мифо-игрового воспитательно-образовательного пространства ДОУ и семьи, является основополагающим условием эффективного развития устойчивости нравственного выбора дошкольников.

В психологических исследованиях понятие «устойчивости нравственного выбора» связывается с понятиями: психологической и эмоциональной устойчивостью [4]; моральной ответственностью [3]; моральным выбором [1]; нравственными установками [7].

В нашей работе «устойчивость нравственного выбора дошкольника» определяется, как личностная система нравственных оценок к себе и другим — дошкольная нравственно-личностная зрелость — целостное психическое состояние ребенка, характеризующееся высокой степенью произвольности ЦПФ воображения, эмоций, воли, выраженных развитием нравственно-смысловой

(познавательной), нравственно-аффективной (врастающей), нравственно-активной (волевой) личностными основами и позитивной адекватной самооценкой (Образ Я) к концу дошкольного возраста.

Методика формирования компонентов устойчивости нравственного выбора

Формирование устойчивости нравственного выбора дошкольников реализовывалось на основе специально разработанных программ психолого-педагогической работы с дошкольниками, их родителями и педагогами в единой среде нравственного воспитания ЕМИВОП ДОУ и семьи.

Конструирование в дошкольном учреждении единой среды нравственного воспитания основывалось на интегрировании внешних и внутренних психолого-педагогических факторов: организации совместной творческой деятельности взрослого с ребенком; учете особенностей дошкольного онтогенеза (мифологического, образного мышления, ведущей игровой деятельности, направленности на развитие произвольности 3-х центральных психологических функций дошкольного возраста: воображения, эмоций, воли); вовлеченности семьи в психолого-педагогический процесс, которые были направлены на снижение эмоциональной напряженности и эффективное формирование компонентов устойчивости нравственного выбора дошкольника.

Метод максимального «встраивания» семьи в единую среду нравственного воспитания ДОУ, путем интегрирования (погружения) пространства ДОУ, пространства семьи, и внутреннего личностного пространства, обеспечивал систему взаимодействия педагог-родитель-ребенок в условиях мифологемы, направленную на поэтапное формирование нравственных представлений, отношения, поведения.

Прием поэтапного развития нравственных представлений, отношения, поведения осуществлялся путем развития эмоционально-насыщенного активного (произвольного) воображения, как особой формы познания окружающего мира, «идущего впереди» произвольности эмоций, основы игровой воображаемой сказочной ситуации, отвечающей особенностям дошкольного онтогенеза: творческого, образного, мифологического восприятия и мышления ребенка-дошкольника.

Проектирование и конструирование ЕМИВОП ДОУ и семьи было ориентировано на развитие нравственных представлений, отношения, поведения дошкольников, обеспечивая синтез психолого-педагогических факто-

ров в трех направлениях организации психолого-педагогического процесса в мифо-игровом пространстве: взаимодействие системы «ДОУ — семья — ребенок»; организация совместной творческой деятельности взрослого с ребенком; ориентация в психолого-педагогическом процессе на развитие центральных психических функций — воображения, эмоций и воли.

Первое направление — обеспечивало систему взаимодействия всех субъектов единого психолого-педагогического процесса — педагогов, родителей и детей и организацию предметно-развивающей среды в мифологеме.

Второе — обеспечивало принцип взаимодействия — организацию совместной творческой деятельности взрослого с ребенком в системах мероприятий с педагогами, родителями и детьми, направленных на снижение эмоциональной напряженности у дошкольников.

Третье — обеспечивало поэтапное формирование нравственной мировоззренческой ориентации личности ребенка, выраженной в системе нравственных оценок по отношению к себе и к другим, путем реализации комплекса программ для педагогов, родителей и детей, (развития произвольности ЦПФ воображения, эмоций, воли), направленного на формирование нравственно-смысловой, нравственно-аффективной и нравственно-активной основ личности.

Результаты исследования

Теоретический анализ позволил выявить характеристики — показатели устойчивости нравственного выбора, выраженные как зрелость личностных основ, по которым проводилась сравнительная диагностика развития:

А) нравственно-смысловой — оценки и осознания ребенком нравственных представлений о себе и о других выраженных:

- ◆ в самосознании (адекватная высокая самооценка с уровневными различиями Я-реального и Я-идеального);
- ◆ в первичном абрисе детского мировоззрения (переход от ситуативного общения (высказывания детей о действиях, происходящих «здесь и сейчас») к внеситуативному познавательному общению с моральными нормами и правилами поведения);

Б) нравственно-аффективной (врастающей) -оценки и осознания ребенком нравственного отношения к себе и к другим, выраженного:

- ◆ первичными этическими инстанциями — устойчивостью в своем нравственном выборе с адекватной эмоциональной оценкой, являющейся основой в выстраивании своего поведения;
- ◆ соподчинением мотивов — повышением эмоциональной устойчивости в своей социальной позиции и снижением конфликтных переживаний к членам семьи, сверстникам, педагогам;

В) нравственно-активной — оценки и осознания ребенком нравственной деятельности (поведения) своего и других, выраженного:

- ◆ внутренней позицией — психологической готовностью к школе (с развитостью произвольности, образно-логического мышления, фонематического слуха, моторики, речи, мотивации)
- ◆ произвольностью поведения — осознанностью поведения в ситуации морального выбора.

В сравнительном исследовании участвовали 3 экспериментальные (190 детей) и 3 контрольные (186 детей) группы, включающие детей трех возрастов (среднего, старшего и подготовительного к школе).

В каждой возрастной группе выявлялась динамика развития нравственно-смысловой, нравственно-аффективной и нравственно-активной личностной основы.

Для проверки качества оценки и осознания ребенком нравственных представлений о себе был проведен сравнительный анализ развитости самосознания по методике определения «Я-концепции». Анализ был направлен на выявление адекватной положительной самооценки дошкольников ЭГ и КГ. Сравнение показателей уровня сформированности «Я-концепции» (в % от всей выборки) показал, что присуждение детьми КГ себе большее количество максимально высоких баллов по всем шкалам методики исследования, чем детьми ЭГ, свидетельствует о несформированной способности у них к адекватной самооценке. Выявлены достоверные различия в сравниваемых группах на уровне статистической значимости ($p=0,01$ по критерию Манна-Уитни).

У детей ЭГ реальная и идеальная Я-концепция имеют значительные уровневые различия, что может свидетельствовать о развитости (зрелости) адекватной самооценки, выраженной в позитивном осмыслении своих переживаний, что является базовым показателем развитости нравственно-смысловой основы личности (нравственных представлений о себе), ее самосознания.

Для проверки оценки и осознания ребенком нравственных представлений о других был проведен сравнительный анализ развитости первого схематичного абриса цельного детского мировоззрения по методике

“Особенности высказываний детей 3–6 лет” (общение со сверстниками).

Анализ был связан с выявлением количества ситуативных, внеситуативно-личностных, внеситуативно-познавательных и игровых высказываний ЭГ и КГ среднего, старшего и подготовительного к школе возраста. В сравнительном анализе соотношения высказываний был выявлен ($P < 0,005$ по критерию Манна-Уитни), достоверно более высокий уровень использования детьми ЭГ внеситуативных и познавательных высказываний, тогда как детьми КГ использовались игровые высказывания.

Оценка и степень осознания ребенком нравственного отношения к себе была выявлена в сравнительном анализе развитости первичных этических инстанций по методике «Сюжетные картинки».

Степень развитости нравственно-аффективной личностной основы — первичных этических инстанций у детей ЭГ достоверно более высокая, чем у детей КГ. Дети ЭГ демонстрировали устойчивость в своем нравственном выборе по сюжетам картинок, проявляя адекватную эмоциональную оценку. У детей КГ развитие данного психологического новообразования наименее выражено.

Для проверки оценки и осознания ребенком нравственного отношения к другим был проведен сравнительный анализ развитости соподчинения мотивов по методике «Незаконченные предложения».

Определялись конфликтные переживания в социальной позиции ребенка и уровни его самооценки. Степень развитости нравственно-аффективной (встающей) личностной основы (нравственного отношения к другим) (зрелости) — у детей ЭГ достоверно более высокая, чем у детей КГ. В ЭГ показатели зрелости представлены развитостью эмоционально-волевого усилия подчинения импульсивных действий под обдуманные действия и высоким уровнем эмоциональной устойчивости своей внутренней положительной позиции в социальных отношениях, снижением конфликтных переживаний к членам семьи, сверстникам, педагогам.

Для проверки оценки и осознания ребенком своей нравственной деятельности был проведен сравнительный анализ развитости внутренней позиции школьника по группе методик «Подготовка к школе».

К концу дошкольного возраста, у ребенка должна быть сформирована готовность к учебной деятельности, реализующей познавательную активность. Общий анализ результатов (в % от всей выборки) показал, что

у детей ЭГ подготовительного к школе дошкольного возраста высокий уровень развития произвольности на 27% выше, чем у КГ; высокий уровень образно-логического мышления на 73,1% выше, чем в КГ; высокий уровень фонематического слуха выше на 46,2%, чем в КГ; высокий уровень развития речи выше на 53,9%, чем в КГ; высокий уровень моторики выше на 19,3%, чем в КГ; высокий уровень мотивации выше на 34,6%, чем в КГ; высокий уровень психологической готовности к школе выше на 57,7%, чем в КГ.

По всем исследуемым психологическим характеристикам, показатели в ЭГ достоверно выше ($p = 0,001$ по критерию Манна-Уитни) показателей КГ.

Для проверки оценки и осознания ребенком нравственной деятельности других был проведен сравнительный анализ произвольности поведения — осознанности поведения в ситуации морального выбора по методике «Подели игрушки». Сравнительный анализ показателей правильного нравственного выбора детей подготовительного к школе дошкольного возраста (одной оставленной себе игрушки) в ЭГ составил 80,0%, а в КГ — 30,8%. Выявлены достоверные различия в сравниваемых группах на уровне статистической значимости ($p = 0,001$ по критерию Манна-Уитни).

К концу дошкольного возраста, у ребенка должна быть сформирована произвольность эмоций — осознанное управление своими эмоциями, которое представлено не только умением управлять своими эмоциями, но и осознавать их, преодолевая эмоциональное напряжение. Результаты показывают, что процент детей ЭГ, давших позитивные ответы по 2-й (в детском саду), 3-ей (игра с детьми), 4-й (разговор ребенка с взрослым), 5-й (общение взрослого с детьми), 10-й (игра с детьми), 11-й (один дома) картинкам значительно выше, чем в КГ. Выявлены достоверные различия в сравниваемых группах на уровне статистической значимости ($p = 0,001$ по критерию Манна — Уитни).

Результаты детей подготовительного к школе дошкольного возраста в начале учебного года и конце учебного года показывают, что процент детей ЭГ, давших позитивные ответы со 2–11 картинкам значительно выше, чем в КГ. Т.е. в большинстве случаев переживание в различных ситуациях у детей в ЭГ связаны с положительными эмоциями, в то время как у детей КГ в различных ситуациях наблюдается переживание тревожного эмоционального состояния.

Общий сравнительный анализ уровня адаптивных возможностей в начале и при завершении исследования, в целом показал повышение уровня адаптивных возможностей у детей ЭГ на 84%.

Сравнительный анализ уровня развития нравственно-смыслового, нравственно-аффективного и нравственно-активного компонентов устойчивости нравственного выбора к концу дошкольного возраста у детей ЭГ значительно выше, чем у детей КГ.

Заключение

Результаты исследования достоверно подтвердили, что условием эффективного формирования устойчивости нравственного выбора (как личностной системы нравственных оценок к себе и другим), дошкольников является единая среда нравственного воспитания

в форме Единого мифо-игрового воспитательно-образовательного пространства ДОУ и семьи (ЕМИВОП ДОУ и семьи), включающая ряд психолого-педагогических факторов: принцип мифологизации окружающей среды; включения игровой деятельности и эмоционального познания мира; вовлечения родителей; ориентации в психолого-педагогическом процессе на развитие произвольности ЦПФ дошкольного возраста воображения, эмоций, воли; направленности психолого-педагогического процесса на развитие нравственных представлений, отношения, поведения; организации творческой деятельности взрослого с ребенком в условиях мифологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василюк Ф. Е. Психотехника выбора. // Психология с человеческим лицом / под ред. Д. А. Леонтьева В. Г. Щур. — М. — Смысл.-1997.-314
2. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте // Психологическое исследование. М.: Просвещение, 1995. — 463 с.
3. Гадаборшева З. И. Формирование психологической устойчивости личности студентов педагогического вуза: Автореф. дис.канд. психол. наук. Пятигорск, 2015. — 33с.
4. Дмитриева С. Т. Влияние социальных эмоций на развитие общения детей дошкольного возраста: дис.канд. пс. наук. М., 1997. — 162с.
5. Кравцов Г. Г. Кравцова Е. Е. — Психология и педагогика обучения дошкольников. Учебное пособие. Мозаика-синтез.-2013—56с
6. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / РАН. Институт психологии. — Москва: Наука, 1999. — 349с
7. Леонтьев А. Н. Образ мира //Избранные психологические произведения: в 2-х томах /Под ред. В. В. Давыдова и др. — М.: Педагогика, 2013. — т. II, стр. 251—261.
8. Макшанцева Л. В. Тревожность и возможности её снижения у детей Психологическая наука и образование, — 2001 — № 2, 15с.
9. Психолог в детском дошкольном учреждении: Методические рекомендации к практической деятельности. / Под ред. Т. В. Лаврентьевой. М.: Новая школа, 1996. — 144 с.
10. Романова Е. С. Графические методы в практической психологии. Учеб. пособие для студентов вузов- М. Аспект Пресс. 2011.-400 с.
11. Таранова Е. В. Нравственное воспитание старших дошкольников средствами артпедагогики. — автореф, дис.к.п. н. — 2003, Ставрополь. — 29с.
12. Юнг К-Г. Архитипы и коллективное бессознательное. Аст.-2019—552с.
13. Kohlberg L. Essays of moral development. San Francisco. Harper & Row. 1984. V.II.
14. Magnusson D. On the psychological situation // Rep.Dep.Psychol. № 544. 1978. 30p.

© Требухина Елена Александровна (trebuhina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ В РАБОТЕ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПСИХОМОТОРНОЙ ГОТОВНОСТИ К ОВЛАДЕНИЮ ПИСЬМОМ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ¹

NEUROPSYCHOLOGICAL CORRECTION IN THE WORK ON THE FORMATION OF PSYCHOMOTOR READINESS FOR POSSIBILITY BY LETTER AT YOUNGER SCHOOLCHILDREN

**L. Yastrebova
O. Sokolova
N. Skiba**

Summary. The article reveals the content of corrective and speech therapy work aimed at the formation of psychomotor readiness for mastering a letter in primary school children through neuropsychological correction methods. The author outlines the relevance of this problem based on research by leading experts in this field.

Keywords: neuropsychological correction, psychomotor functions, gnosis, praxis, writing.

Ястребова Лариса Александровна

К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет»
klarasar@mail.ru

Соколова Ольга Викторовна

К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет»
o_v_sokolova@mail.ru

Скиба Наталья Владимировна

К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет»
natalia-skiba@rambler.ru

Аннотация. В статье раскрывается содержание коррекционно-логопедической работы, направленной на формирование психомоторной готовности к овладению письмом у младших школьников посредством методов нейропсихологической коррекции. Авторами обозначена актуальность указанной проблемы с опорой на исследования ведущих специалистов в этой области.

Ключевые слова: нейропсихологическая коррекция, психомоторные функции, гнозис, праксис, письмо.

Логопедическая работа по преодолению психомоторных трудностей у младших школьников представляет собой процесс весьма сложный и трудоемкий. Основной его задачей является формирование готовности к овладению детьми процессом письма.

Известно, что к началу школьного обучения не у всех детей оказываются достаточно сформированными те высшие психические функции, которые участвуют в процессе овладения письменной речью (письмом и чтением). Как отмечает Е.А. Логинова [1], наименее разработанным вопросом предупреждения трудностей при овладении письмом является работа с детьми, не имеющими речевых нарушений и не занимающихся с логопедами.

Анализ научной, учебной и методической литературы, посвященной проблемам предупреждения и преодоления нарушений письменной речи у детей, показал,

что причиной специфических трудностей при овладении данным видом деятельности не всегда является неполноценность языковых операций и устной речи в целом.

Письмо представляет собой сложный, многоаспектный психический процесс, реализуемый посредством как вербальных, так и невербальных компонентов психической деятельности: мышления, памяти, зрительного и слухового восприятия, двигательной активности и др. Исходя из этого, профилактика дисграфии в дошкольном возрасте и преодоление психомоторных трудностей при овладении письмом у детей младшего школьного возраста должны включать в себя такие направления, как развитие и формирование:

- ◆ сенсорных и моторных функций;
- ◆ высших психических функций и познавательной деятельности;
- ◆ языкового анализа и синтеза;
- ◆ различных компонентов языковой системы.

¹ Издание выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания (Проект «Разработка инновационных технологий инклюзивного образования» № 27.9500.2017/8.9)

В современных исследованиях Т. В. Ахутиной, М. М. Безруких, А. В. Семенович, А. Л. Сиротюк и др. показано, что нейропсихологические и психомоторные предпосылки, затрудняющие освоение письма, зачастую сопровождаются эмоциональными и поведенческими расстройствами. При организации коррекционно-развивающей работы следует применять такие методы и приемы, которые были бы интересны и доступны детям, способствовали бы укреплению как их физического, так и психического здоровья. К ним относятся игровые методы коррекции, индивидуально-групповые формы организации занятий, наглядная обеспеченность логопедической работы.

С опорой на концепции системной динамической локализации высших психических функций А. Р. Лурии и учение о психофизиологической структуре письма могут быть определены задачи и этапы коррекционно-развивающей работы по преодолению психомоторных трудностей у младших школьников. Основное содержание логопедической работы обусловлено ведущим направлением:

1. Развитие сенсорных и моторных функций (пространственной ориентировки, зрительного и слухового гнозиса; мелкой и общей моторики; межанализаторного взаимодействия и сукцессивных функций; реципрокной координации).
2. Развитие высших психических функций (межполушарного взаимодействия; произвольности психической активности; внимания, восприятия, памяти, мышления).
3. Развитие речи (артикуляционной моторики и фонематического восприятия; звукопроизношения; произвольного анализа и синтеза языковых единиц; лексико-грамматической стороны речи; связной речи).

Для реализации первых двух направлений коррекционно-развивающей работы следует применять методы нейропсихологической коррекции, предложенные А. Л. Сиротюк [2]. Работа по третьему направлению осуществляется общепринятыми в логопедии методами и приемами коррекции нарушений фонетического, фонематического и лексико-грамматического уровней языка.

Базовой составляющей проведенного нами формирующего эксперимента явилась «Программа формирования нейропсихологического пространства проблемного ребенка», разработанная А. Л. Сиротюк. Особенности данной программы являются достаточная апробация, доступность применения, целенаправленность и комплексность воздействия входящих в нее методов и приемов.

Программа формирования нейропсихологического пространства проблемного ребенка позволяет осуществлять:

- ◆ развитие и формирование высших психических функций;
- ◆ функциональную активацию подкорковых образований мозга;
- ◆ обеспечение и регуляцию общего энергетического фона психической деятельности;
- ◆ развитие межполушарного взаимодействия;
- ◆ активизацию приемов и тонкого анализа модально-специфической информации;
- ◆ подкрепление процессов регуляции, программирования и контроля в различных видах деятельности.

Методологической основой программы являются исследования А. Р. Лурии (о закономерностях развития высших психических функций в онтогенезе и их иерархическом строении), Л. С. Цветковой (о нейропсихологической реабилитации и формирующем обучении), А. В. Семенович (о нейропсихологическом сопровождении процессов развития и позитивных возможностях метода замещающего онтогенеза).

При реализации задач коррекционно-развивающей работы рекомендуется широкое применение кинезиологических упражнений, позволяющих активизировать межполушарное взаимодействие. Известно, что усиление обмена информацией различного уровня модальности обеспечивает синхронизацию деятельности полушарий головного мозга. С этой же целью в работу следует активно включать телесно-ориентированные и арттерапевтические упражнения, элементы психогимнастики.

Программа включает 24 занятия и заключительную эстафету. Время проведения каждого занятия 50–60 минут. Оптимальное число участников группы 8–10 человек; возраст — 6–9 лет. Занятия должны быть структурированы следующим образом: 1) растяжка — 5–6 минут; 2) дыхательные упражнения — 4–5 минут; 3) глазодвигательные упражнения — 4–5 минут; 4) телесные упражнения — 15 минут; 5) упражнения для развития мелкой моторики рук — 10 минут; 6) упражнения для релаксации, развития коммуникативной и когнитивной сферы — 10–15 минут. Занятия проводятся непрерывно с тем, чтобы соблюсти важный принцип коррекционной работы — систематичность проведения всего цикла нейропсихологической коррекции.

Растяжки нормализуют неконтролируемое мышечное напряжение (гипертонус) или неконтролируемую мышечную вялость (гипотонус). Недостаточность мышечного тонуса, как правило, характеризуется снижением психической и двигательной активности, длительным периодом возникновения рефлекторных реакций. Повышение тонуса мышц проявляется в двигательном беспокойстве, эмоциональной лабильности, нарушении сна. Оба этих состояния оказывают неблагоприятное влияние на раз-

витие и функционирование психических процессов, в том числе когнитивных, эмоциональных, волевых. Выполняя растяжки, дети овладевают навыками ощущения и контроля собственного тонуса. Детей, испытывающих трудности в овладении школьной программой, необходимо обучать разнообразным приемам релаксации.

Весьма эффективными в коррекционно-развивающей работе являются дыхательные упражнения, направленные на нормализацию ритмики организма, развитие самоконтроля и произвольности. По мнению А.Л. Сиротюк [2] нарушение ритмов организма могут привести к нарушениям психического развития, а умение контролировать дыхание способствует развитию произвольности поведения. Например, задержка дыхания стимулирует работу стволовых структур мозга, укрепляет факторы позитивного развития ребенка.

Дыхательные упражнения позволяют расширить поле зрения, улучшить восприятие. Сочетание движений глаз с движениями языка способствует развитию межполушарного взаимодействия, повышает энергетический тонус организма, стимулирует развитие мышления и речи, формирует естественное поведение.

Телесные упражнения также способствуют развитию межполушарного взаимодействия, обогащению и дифференциации сенсорной информации. Центр тонкой моторики, расположенный в лобной доле мозга, также стимулирует развитие внутренней речи, произвольности и контроля. Различного рода движения создают благоприятные условия реализации мыслительных операций.

Упражнения для развития и формирования произвольности осуществляются по словесной команде и должны быть осмыслены ребенком. При этом степень произвольности должна быть различной, чтобы постепенно формировать у ребенка навыки реализации собственной программы.

Упражнения по визуализации способствуют воспроизводству зрительных, слуховых, знаковых, осязательных, обонятельных и других образов. Визуализация происходит в обоих полушариях. Она стимулирует развитие мозолистого тела. Упражнения могут выполняться с закрытыми глазами.

Упражнения на снятие напряжения (релаксация) проводятся в начале и в конце занятия. К эффективным средствам коррекционно-развивающей работы следует отнести различные виды массажа и самомассажа рук, ног, головы, лица.

В целом необходимо отметить, что все применяемые нами методы вызвали большой интерес и положитель-

ную реакцию у детей, что в значительной степени повлияло на степень овладения ими отдельными приемами. Так, например, растяжки на первых трех занятиях детям приходилось выполнять, лежа на полу, на корточках. Они внимательно следили за движениями логопеда и друг друга, чтобы правильно выполнить свои собственные, пытались помочь друг другу.

Больше всего детям нравилось выполнять упражнения «Тоннель», «Велосипед» и ряд кинезиологических упражнений («Кулак-ребро-ладонь», «Лезгинка», «Колечки»). При этом от занятия к занятию они показывали все более лучшие результаты. Однако наблюдались и некоторые трудности, особенно у тех детей, кто показал низкие результаты при проведении нейропсихологической экспресс-диагностики. С этими детьми проводились дополнительные занятия по отработке отдельных упражнений. Ниже представлено содержание проводимой нами логопедической работы с детьми испытываемой группы по отдельным направлениям.

Развитие сенсорных и моторных функций детей осуществлялось нами с учетом того, что несформированность зрительных, слуховых, кинетико-кинестетических ориентировок ведет к нарушениям многих операций письма, в том числе и его моторной организации. А если при этом учесть особое влияние нарушений устной речи на процесс овладения письмом, то их своевременная профилактика становится еще более актуальной.

Известно, что среди наиболее значимых физических качеств, которые необходимо развивать у детей, особое место занимают координационные способности, так как именно они позволяют придать движениям большую точность по амплитуде, направлению и темпу.

Координационные способности — это специфическое свойство организма, обеспечивающее возможность регулировать взаимодействие с внешним миром посредством двигательной деятельности. Высокий уровень развития координационных способностей позволяет не только достигать необходимой точности, но и с меньшими усилиями овладевать большим количеством движений, необходимых в учебной деятельности. Кроме того, известно, что координационные способности формируются в тесной зависимости с развитием зрительного восприятия, произвольной двигательной активности, зрительно-моторной координации.

Таким образом, комплексное развитие и совершенствование умений и навыков пространственного различения способствовало решению одной из задач коррекционно-развивающей работы — преодолению психомоторных трудностей у младших школьников.

На этапе подготовки органов артикуляции к произношению звука следует осуществлять работу по развитию слухового восприятия и формированию кинетико-кинестетического ориентирования. В зависимости от состояния орального праксиса и от типа нарушения звукопроизношения отбираются необходимые упражнения по развитию артикуляционных движений. При этом в случае нарушения нескольких звуков разных групп следует вырабатывать максимальное количество артикулем, формировать четкие кинестезии не для какого-то конкретного звука, а для всей группы нарушенных звуков и лишь затем переходить к постановке одного из них. Одновременно можно осуществлять работу по выработке слуховых дифференцировок.

Упражнения на различение звучаний двух и более предметов, определение количества звуковых сигналов, их громкости, высоты следует проводить игровой форме. Параллельно осуществляется работа по развитию чувства ритма. Развитие высших психических функций и интеллектуальной деятельности осуществляется с опорой на положение, выдвинутое А.Л. Сиротюк — своевременная диагностика и коррекция нарушений ВПФ позволяет достигнуть наилучших результатов. По мнению ученого, наиболее благоприятным для коррекционного воздействия является возраст от 5 до 12 лет. Особую эффективность в данном случае имеют методы нейропсихологической коррекции, что подтверждено многими современными исследованиями в области коррекционной педагогики и логопедии.

Известно, что мозговая организация высших психических функций, так называемые уровни, формируется постепенно. Каждый последующий уровень включает предыдущие. Поэтому, как отмечает А.Л. Сиротюк, коррекционно-развивающая работа должна начинаться с уровня, предшествующего несформированному или пораженному. И чем глубже нарушение, тем более низкий уровень следует избирать для начала работы. Воздействуя на определенный уровень, мы не только активизируем последующие, но и те, которые не имеют с ним прямой связи. Методы коррекционного воздействия должны оказывать влияние на все психические функции, однако их структура и содержание будут ме-

няться в зависимости от совокупности имеющихся трудностей.

Логопедическую работу по развитию речи следует осуществлять с учетом следующих прикладных аспектов:

- ◆ лексический материал должен быть интересным и информативным;
- ◆ задания должны быть небольшими по объему;
- ◆ при проведении занятий должна быть постоянная смена видов деятельности;
- ◆ на занятии необходимо активизировать зрительные, слуховые и тактильные анализаторы (развитие межанализаторного взаимодействия).
- ◆ Для автоматизации изолированного звука рекомендуется формирование умений и навыков языкового анализа и синтеза. Коррекционно-логопедическая работа проводится поэтапно:
- ◆ I этап (подготовительный) — развитие фонематического восприятия:
- ◆ развитие слухового восприятия; развитие умения различать высоту, силу, тембр голоса;
- ◆ развитие умения различать слова близкие по звуковому составу;
- ◆ развитие умения дифференцировать слоги и оппозиционные звуки.

II этап (основной) — развитие элементарных и сложных форм звукового анализа, а также развитие звукового синтеза.

Следует подчеркнуть, что серьезным препятствием при овладении письмом при нормальном интеллекте, сохранном слухе и зрении может стать несформированность отдельных психических процессов. По нашему мнению, логопедическая работа по преодолению психомоторных трудностей при овладении письмом у младших школьников должна осуществляться не только логопедом, но и психологом, педагогами и родителями. Поэтому нами помимо запланированной логопедической работы осуществлялось тесное взаимодействие с учителями первых классов, работающих с детьми, и родителями детей: проводились консультации, открытые занятия, индивидуальные беседы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Логинова Е. А. Нарушения письма. Особенности их проявления и коррекции у младших школьников с задержкой психического развития: Учебное пособие / Под ред. Л. С. Волковой. — СПб: «ДЕТСТВО-ПРЕСС», 2014. — 208 с.
2. Сиротюк А. Л. Нейропсихологическое и психофизиологическое сопровождение обучения. — М.: ТЦ Сфера, 2003. — 288 с.

© Ястребова Лариса Александровна (klarasar@mail.ru),

Соколова Ольга Викторовна (o_v_sokolova@mail.ru), Скиба Наталья Владимировна (natalia-skiba@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСНОВАНИЯ СЕМЬИ И БРАКА ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Николаева Татьяна Анатольевна

К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет», г. Хабаровск
tatyana77-07_77@mail.ru

FOUNDATIONS OF FAMILY AND MARRIAGE FROM ANTIQUITY TO THE PRESENT: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

T. Nikolaeva

Summary. The article analyzes the problem of the foundations of family and marriage relations in the Western European context, its attitudes, principles with subsequent changes and transformation. Referring to the views of thinkers of different eras in relation to this problem, as well as taking into account the ideological and ideological attitudes of social reality, the causes of these changes are revealed. Social attitudes adopted in society dictate their rules in society, have a direct impact on the Foundation of the family and marriage. The distribution of roles and responsibilities within the family is determined by generally accepted norms of social reality, which under the influence of ideological principles change and form a different interaction of men and women both within the family and outside the family. The author draws attention to the modern guidelines in the social space of Western European society, based on the ideas of freedom and equality, they in turn, have an impact on the conception of man, play an important role in shaping grounds of family and marriage.

Keywords: family; marriage; love; family foundations; marriage foundations; family relations; interaction in the family; epoch; male/female role; social changes; transformation of family foundations.

Аннотация. В статье анализируется проблема оснований семейно-брачных отношений в западноевропейском контексте, ее установки, принципы с последующими изменениями и трансформацией. Обращаясь к воззрениям мыслителей разных эпох в отношении данной проблематики, а также, учитывая идеологические и идейные установки социальной реальности, выявляются причины этих изменений. Социальные установки, принятые в социуме, диктуют свои правила в обществе, оказывают непосредственное воздействие на основания семьи и брака. Распределение ролей и обязанностей внутри семьи обусловлены общепринятыми нормами социальной реальности, которые под воздействием идеологических принципов меняются и формируют иное взаимодействие мужчин и женщин как внутри семьи, так и вне семьи. Автор обращает внимание на современные установки и принципы в социальном пространстве западноевропейского общества, которые базируются на идеях свободы и равенства, те в свою очередь, оказывают воздействие на воззрение человека, играют важную роль в формировании оснований семьи и отношению к браку.

Ключевые слова: семья; брак; любовь; основания семьи; основания брака; семейные отношения; взаимодействие в семье; эпоха; мужская/женская роль; социальные изменения; трансформация семейных оснований.

Известно, что семья является связующим звеном между человеком и обществом и то, какие основания определяют и формируют этот необходимый в социуме элемент, играет важную роль, как во взаимоотношении мужчины и женщины, так и целом в обществе. В каждый период времени основания семьи и брака имели свои причины и установки, которые подвергались изменениям и трансформации. Проанализируем семейно-брачные основания и связанные с ними причины и трансформации в различные исторические периоды в контексте западно-философской мысли.

Начиная с античного периода, следует обратить внимание, прежде всего на воззрения, Платона, который в своих рассуждениях акцентирует внимание на различиях природы любви, основах семьи и брака. В рамках платоновской концепции семья — вынужденная необходимость ради интересов государства с целью продолжения рода, а любовь — это проявление внутренней свободы человека. Платон допускает возможность однополый любви. Более того в своих стремлениях найти сущностные основания любви он использует мифологический сюжет об андрогинах, который по его мнения хорошо

описывает первоначальное состояние человека. И поэтому рассматривать любовь как основание для семьи абсолютно не допустимо [9]. Воззрения Платона, опираясь на мифологические образы, делают акцент на архетипичность социальной реальности Древней Греции. Другой древнегреческий философ — Аристотель, полагал, что семья это, прежде всего, маленькое государство, основу, которой составляет дружба и забота. Задача семьи заключается не только в продолжении рода, но и в совместной деятельности, где обязанности между супругами распределены равномерно и по возможностям супругов. Семья в его понимании это не просто темное тихое место подчинения и доминирования, но предшествующее политическому состоянию, включающее в себя множество элементов единства и дружбы [4, с. 309].

Греки ясно представляли те основания, которые могут послужить для вступления в брак и то, что таковым основанием быть не может. Любовь в греческой цивилизации хоть и представляло собой романтическое чувство, но редко могла стать основой для заключения брака. Поэтому такие отношения в классической Греции ведут скорее к внебрачным связям, нежели к супружеству. Причина же любви коренится в лучшем случае в чувственном вожделении, а в наихудшем является видом «одержимости» или безумия [4, с. 311].

Структура древнегреческой семьи представляет собой хозяйственно-родовую основу, построенную на кровнородственных отношениях и рабовладении. По мнению исследователя древнегреческой цивилизации, американского ученого XIX века Вилла Дюранта именно родовые взаимодействия служат основанием для формирования и сохранения семьи. Положение женщины внутри семьи хотя и носит подчиненный характер и наделяет ее обязанностью ведения домашнего хозяйства, однако оставляет за ней права на материально-экономическую составляющую в случае развода. Так как при вступлении в брак женщина была снабжена приданным, практически вся имущественная материальная составляющая оставалась при ней. За мужчиной сохранялось право держать наложниц как в брачно-семейных отношениях, так и в свободных от брака [4, с. 313].

Иначе складываются воззрения в отношении семьи, брака и тем более романтической любви в эпоху Средневековья. Она базируется на религиозно-христианских принципах. Любые взаимоотношения людей между собой, в том числе семейные, должны опираться с оглядкой на текст священного писания, мнение авторитетных церковных лиц. Восхваляется и признается истинным целомудрие, а союз мужчины и женщины — повторение «первородного греха». Такая установка не решала проблемы продолжения рода человеческого, но зато соответствовала тайному

смыслу текста. Возникает необходимость решения проблемы деторождения. Трактровка в отношении семьи и брака, которую предложил епископ Блаженный Августин, помогла решить вопрос о продолжении человеческого рода в рамках закона священного писания. Епископ признавал превосходство девственников над женатыми, но утверждал, что семья способна осуществить главную цель — деторождения. В рамках семьи тяжесть «первородного греха» ослабевает, что в законном супружестве половой акт превращается из смертного греха в грех прощительный, «ибо, лучше вступить в брак, нежели разжигаться» [3, с. 318].

В рамках религиозно-христианского представления брак становится особым культовым обрядом, получивший статус таинства. Необходимо было не только согласие родителей, но и благословение церкви. Структура семьи также как в древнегреческой семье представляет домохозяйственную группу, состоящую из супругов и их родственников. Помимо деторождения церковь признает и другие основания для вступления в брак, прежде всего, решался вопрос сексуального характера, возможность избежать греховной страсти. Любовь как чувство между мужчиной и женщиной признавалась как страсть и считалась греховной. Признавалась любовь адресованная Богу и единственно истинная в своем понимании [1, с. 49–50].

В период Ренессанса брак рассматривается как высшее состояние по сравнению с безбрачием. Взгляд на взаимоотношение мужчины и женщины формируется на гуманистических принципах, а не на принципах религиозно-христианских установок. Однако при вступлении в брак по-прежнему учитываются интересы семьи. Важны экономические основания и престиж. Новой же мотивацией при заключении брака может послужить политическое согласие между семьями. Особенно это характерно для знати, где брак представлял собой политический акт, жених и невеста олицетворяли договаривающиеся стороны.

В эпоху Возрождения положение женщины в обществе существенным образом зависело и от того статуса, в котором она находилась. Если женщина состоятельная или знатного рода, но по разным причинам не сумевшая выйти замуж, она могла предпочесть монастырь. Женщинам низших слоев общества, не состоятельным, в подобной ситуации вход в монастырь был закрыт. Поэтому брак для многих женщин того времени давал возможность более или менее устроить свою жизнь.

Изменился взгляд и на любовь. В эпоху Возрождения она явилась фактором самосознания и самораскрытия личности, а не видом безумия как в Античности и не выражением греховной похоти как в Средние века. Но по-прежнему считать любовь как основание для

заклучения брака, было не принято. Она носила автономный характер по отношению к браку. Однако в гуманистических воззрениях можно выявить тенденцию возвышения любви в семье. В отношениях мужчины и женщины начинают присутствовать благородные нормы и правила. Такая этическая позиция распространялась в основном в высших слоях общества. Однако допускалось признание того, что любовь хоть и требовало от членов общества знания правил «искусства (или науки) любви», но являлось доступным человеку, который не являлся благородного происхождения [2, с. 132].

Эпоха Возрождения, несмотря на изменение к установке в отношении брака и любви, по-прежнему представляет собой кровно родственный вид семьи, состоящий из супругов и их родственников. А, закреплённые за женщиной и мужчиной социальные функции остаются традиционными. Муж глава семьи, жена и дети в подчиненном положении мужчины.

Начиная с XVIII века под влиянием буржуазной идеологии и капиталистического строя, все больше происходит отделение производственной сферы от семьи. Теперь семья начинает представлять собой групповую единицу, состоящую из родителей и детей, где на позицию каждого индивида в семье начинают влиять уровень жизни, сословная и половая принадлежность, социально-политические условия. Постепенно формируется буржуазный тип семьи, основными идеалами которой выступают приватизация и частный интерес.

Главную роль в основании взаимодействия людей играют товарно-денежные отношения. Этот фактор оказывал свое влияние при заключении брака. Он становится следствием коммерческого расчета. А любовь наделяется потребительской стоимостью. Заключение брака становится критерием выгоды, как для мужчин, так и для женщин. Если экономически в выгодном положении находилась женщина (не такое частое явление в обществе того времени), то мужчина мог получить материальное благополучие в обмен на деловую солидность. Женщины же в подобной ситуации могла обменять свою внешнюю красоту на приданое и положение в обществе. Любовь представляла собой моральную основу в отношениях, но не обязательную.

«Согласно буржуазному пониманию,— замечал Ф. Энгельс,— брак был договором, юридической сделкой, и притом самой важной из всех, так как она на всю жизнь определяла судьбу тела и души двух человек» [8, с. 82]. Идеалом буржуазного брака считался союз двух любящих людей, поддерживаемый материальным и статусным положением в обществе. Так как значимыми факторами социальной реальности для буржуа являлись материальный, моральный капитал и экономия времени. А идеалы

так и остаются идеалами, достичь их не возможно, тем более не возможно полностью осуществить, реализовать в век капитализма две противоположные основы семейного счастья: любовь и материальное обеспечение.

Индустриализация XIX века, характеризуемая промышленным прогрессом, вытеснило производственную сферу из семьи, отделила ее от воспроизводственной, что в последствии стало разрушительным для семейных связей. В этот период семья переживает кризис, обусловленный распространением массового женского наемного труда. Конкурируя с мужчинами на рынке труда, женщина непроизвольно становится причиной обострения и напряженности в социальных отношениях между ними. А утверждение женщин «Я работаю, значит, я существую» в XIX веке стало опорой для феминизма, который начал развиваться и осваивать новые идеологические и политические формы, идеи, лозунги [5, с. 232]. Новые требования к поведению супругов, характеризующиеся индивидуализированными формами морали утверждались по мере проникновения демократических норм «свободы, равенства, братства», влияли на уровень повседневной жизни, быта.

К началу XX века добившись многочисленных прав (на образование, на равный с мужчинами труд и заработную плату и т.д.) в публичной сфере не решило проблему традиционных обязанностей женщин в семье. Теперь необходимостью становится совмещение двух ролей: «хранительницы домашнего очага» и работающей женщины. Это двойная общественная функция легла на плечи женщины еще и психологическим грузом. Женщина испытывала двойную эмоциональную и физическую нагрузку. Публичная сфера задает свои правила и требует эмоциональной отдачи: проявление выдержки, твердости, лидерских качеств, рационального принятия решений, в общем, все те волевые качества, которые проявляет мужчина [11, с. 186–188]. Выполнение работы вне дома отнимало много физических и эмоциональных сил.

От социального положения женщин в семье зависит и статус семьи. Теперь его можно признать как статус нуклеарной семьи. Где можно увидеть двух работающих родителей и детей на их попечении. Или же одного работающего родителя (неважно отец или мать) и остальных членов семьи (один из родителей и дети). Или вообще семью, состоящую из одного родителя и ребенка (детей).

В этом социальном положении семейные основания принципиально уже не зависят от материальной подоплеки. То есть критерием вступления в брак экономический расчет не является. А вероятность того, что основу семьи и брака составит такое истинное чувство как любовь, достаточно велика. В общем-то, это то о чем провозглашал в своей работе Фридрих Энгельс «Проис-

хождение семьи, частной собственности и государства», где одним из главных акцентов является тезис о коммунистическом обществе, в котором женщины не будут посредством института брака материально зависеть от мужчин. А государство, вместо семьи, будет нести экономическую ответственность за воспитание детей. Различие же между детьми, рожденными в браке и вне брака, исчезнут [12, с. 23]. Однако на деле оказалось все гораздо сложнее. Государство частично возьмет на себя ответственность по воспитанию детей (детские учреждения), не беря на себя экономическую ответственность. И стереотипы о рожденных детей в браке и вне брака не исчезнут. Однако же часть его воззрений в отношении женской эмансипации была осуществлена. Таким образом, марксизм подготовил теоретическую почву для такого социально-политического движения как феминизм, а тот в свою очередь, поспособствовало новому социальному положению женщин в обществе.

В 60-е годы XX века происходит столкновение интересов двух идейных социально-политических сторон: представителей феминистского движения и сторонников идеала буржуазной семьи. Феминизм продуцировал идею за равные права и свободу женщин в публичной сфере, их возможность реализации себя в творчестве, труде, саморазвитии. Оппоненты женского движения продвигали идеал семьи с «удачливым мужчиной-кормильцем, обеспечивающего привлекательную домохозяйку в богатом загородном доме» [5, с. 417]. Однако под воздействием различных форм (радикальный, либеральный и т.д.) феминизма, женщину на публичную сферу, расширяют круг ее возможностей на реализацию себя как человека, вытесняют ее из приватной в публичную сферу, а роль матери и хозяйки определяют не обязательной или второстепенной. Семейные функции для мужчин и женщин, подвергаются критике. [7, с. 153–154].

Метаморфозы оснований семьи XX — начало XXI века оказали свое воздействие на институт семьи и брака. Повышение социального статуса женщин, их экономическая независимость определили и новый тип супружеских отношений, где важную роль играют эмоционально-чувственное отношение супругов друг к другу. А вероятность незаинтересованности женщин в браке, а порой даже отказ от него значительно возросла. Также важно во взаимоотношении мужчин и женщин служит доверие открытость друг к другу [10]. Эти основания характерны как для супружеских пар, так и для свободных отношений, вне брака.

В XXI веке, можно предположить, что человечество достигло того идеала в отношениях, благодаря, которым учитываются воззрения и предпочтения обоих полов. То, к чему когда-то призывал немецкий мыслитель Ф. Энгельс, резюмируя, что заключение брака должно

выстраиваться на свободном выборе партнера, наконец-то реализовалось [6, с. 212]. Влияние на выбор супруга теперь не зависит от экономической подоплеки, хотя не утратило своей практической значимости. Своими идеями философ в определенном смысле подготовил почву для формирования отношений основанных на свободе и праве выбора, где должны быть либеральные принципы жизни.

Но либеральная парадигма западного мира, ослабила значимость традиционных жизненных ценностей и стала культивировать терпимость к любым нетрадиционным проявлениям человека. Все больше наблюдается тенденция к экспериментированию в институте семьи и брака. Обретают популярность «гостевые браки», где супруги проживают отдельно друг от друга не только в разных квартирах или домах, но и даже городах. Встречаются семьи, в которых однополые супруги, а также брачная полигамия. Встречаются семьи, где брак основан на условиях полной сексуальной свободы [10]. Такое разнообразие форм семейных отношений искажает истинный смысл семьи, основанный на тех духовных ценностях, которые существовали веками и способствовали сохранению генофонда всего человечества. К таким духовным ценностям относят: кровное родство (почитание, признательность и благодарность предкам и т.д.), воспитание детей (родительская самоотверженность, ответственность за нравственное поведение и т.д.), семейный лад (благоприятный психологический климат и т.д.), а также значимость разнополых супругов и моногамные отношения как идеал семейно-брачных отношений.

Как социальный институт семья рискует исчезнуть, и вероятность этого велика. Ведь современное западное общество, которое принимает и одобряет не только нетрадиционные половые отношения, но и внебрачные сожительства, брачные контракты, матерей-одиночек и т.д., воспринимается уже как норма.

В заключении отметим, что новые социокультурные основания семьи в европейском обществе сориентированы на индивидуальную свободу и комфорт. С понятиями «свобода», «равенство» происходит переоценка ценностей в семье. Все меньше остается оснований для формирования и создания семьи, которые реализуются на традиционных моральных принципах. И все больше в рамках западной идеологии создаются «новые основания», которые реализуют индивидуальные потребности и сексуальные предпочтения, такие как: легализация однополых любви, заключение однополых браков, признание статуса семьи, где однополые родители, семьи свободные от детей (чайлдфри) и т. п, вполне в настоящее время становится нормальным явлением и во многом определяет существенную тенденцию развития европейской цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамсон М. Л. Семья в реальной жизни и системе ценностных ориентаций в южно-итальянском обществе X — XIII вв. С. 49–50.
2. Баткин Л. М. Итальянское возрождение в поисках индивидуальности. — М.: Наука, 1989. — 272 с.
3. Бессмертный Ю. Л. Брак, семья и любовь в средневековой Франции // «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV — XV вв. — М.: Наука, 1991. — С. 318.
4. Вилл Д. Жизнь Греции / Пер. с английского В. Федорина. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1997 — С. 309–314.
5. Зimmel Г. Женская культура // Избранное. М., Т. 2, 1996. — 607 с.
6. Коннелл З. Современные походы // Хрестоматия феминистских текстов. Спб.: Буланин, 2000. — 304 с.
7. Нечаева Н. Патриархальная и феминистская картины мира: на пути к типологизации // Феминистская теория и практика: Восток–Запад. — СПб., 1996. — С. 153–154.
8. Оссовская М. Буржуазная мораль // Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. — М.: Прогресс, 1987. — С. 82.
9. Платон Диалоги. Пир [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Platon/pir.php. (Дата обращения: 14.11.2019)
10. Семья настоящего и будущего [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://macfound.ru/semia-nastoiashego-i-bydyshego/> (Дата обращения: 14.11.2019)
11. Фетисова Е. Н. Несимметричные гендерные интеракции в пространстве образования // Образовательная система: новации в сфере современного научного знания: Материалы Международных научно-практических мероприятий Общества Науки и Творчества (г. Казань) за февраль 2019 года // Под общ. ред. С. В. Кузьмина. — Казань, 2019. — С. 186–188.
12. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. 21. — С. 23.

© Николаева Татьяна Анатольевна (tatyana77-07_77@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

МЕДИАТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ МОДЕЛИ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА

MEDIATION TECHNOLOGY AS A TOOL FOR INTEGRATING A LEAN MANUFACTURING MODEL

D. Salimgareev

Summary. The article focuses on mediation technologies as effective measures to support the lean manufacturing model. The main idea of the article is to demonstrate the possibility of creating conditions for the involvement of production employees in processes that reduce resource consumption. Primary for the lean manufacturing model, is the employee as a link between the manager and the consumer of the product. The article has a theoretical character, is useful for practicing conflictologists and managers, in the discourse of the impact of the conflict on the lean manufacturing model.

Keywords: conflict-free environment, conflict, mediation, consumption, production, process, resource, management management, communication conditions, cycle.

Салимгареев Денис Игоревич

*Аспирант, Башкирский государственный университет
remus-102@mail.ru*

Аннотация. Статья акцентирует внимание на медиативных технологиях, как действенных мерах поддержки модели бережливого производства. Основная идея статьи — продемонстрировать возможность создания условий для вовлечения сотрудников производства в процессы снижающие ресурсное потребление. Первичным для модели бережливого производства, является работник, как связующее звено между руководителем и потребителем продукции. Статья имеет теоретический характер, полезна для практикующих конфликтологов и руководителей, в дискурсе влияния конфликта на модель бережливого производства.

Ключевые слова: бесконфликтная среда, конфликт, медиация, потребление, производство, процесс, ресурс, управленческий менеджмент, условия коммуникации, цикл.

Ценность ресурсов имеет колоссальное значение, начиная от истоков их генерации и заканчивая созданием процессов оптимизации для их экономного использования. Процессы оптимизации, это не ущемление прав и свобод производителя, это и не умышленная дифференциация производителей на мировой площадке владения, управления и распоряжения ресурсами. Осознанное ограничение и создание искусственных барьеров в донастройке производственного цикла, хотя бы одной стороной-производителем, влечет нарушение процессов сегментации рынка в целом. Видоизменению подлежат ни сколько принципы конкурентоспособности, сколько весь полный цикл производительности. Проблематика такого явления кроется в ошибке выбранной модели позиционирования предприятия на мировой торговой арене, поскольку нарушение структуры информационного посыла влечет за собой риск потери коммуникации между партнерами и потребителями. Отсутствие взаимовыгодного партнерства, между нужными предприятию субъектами диалога, ведет к неминуемой утрате позиций и дестабилизации внутренних производственно-технологических процессов. Основываясь на платформе общепринятых формаций в конкретной производственной отрасли, темп развитию будет задавать сторона, применяющая в своей практике новейшие технологии, методы, способы. Выстраивание новейшей модели ведения произ-

водственного процесса, предоставляет получившейся системе, максимально возможный эквивалент положительных преобразований. Несмотря на то, что предпочтения в своей активности ограничены во времени, они способны выполнять задачу, главным образом, направленную на изыскание улучшений производственного процесса, с сохранением ресурсов или их грамотном перераспределении. Поиск таких методов — стратегическая задача в условиях нестабильного рынка, а говоря иначе, для удержания своих позиций необходимы качественные преобразования, продиктованные реалиями нашего времени. Благодаря переосмыслению подхода к индивидуальности человека, а не интересам общественной группы, актуальность приобрел метод бережливого производства, дарующий надежду на кардинальную смену устоявшейся парадигмы, относительно управления производственными процессами. Сегодня, можно с уверенностью говорить о междисциплинарном воззрении на метод бережливого производства. В совокупности это ведет к выработке новых инструментариев и расширяет спектр задач бережливого производства. Одним из таких инструментариев является медиация, призванная (с точки зрения производственного применения) обеспечить сохранность коммуникационных процессов. Медиация, кроме создания условий для благоприятной окружающей среды, обеспечивает сохранение работоспособности производственных процессов

и является превентивной мерой от подрыва целого ряда производственных циклов, основа которых — нарушение коммуникации.

Актуальность данной статьи обусловлена поиском инновационных подходов к выработке моделей бережливого производства. При отладке производственного механизма не учитываются комплексно-индивидуальные признаки присущие работнику. Более того, существенный риск производству наносят конфликты, для которых, порой, характерно попустительское отношение в виду не явной угрозы производственному процессу. Тем не менее, именно медиация может быть применима для предупреждения дестабилизирующих взаимоотношений на производстве. В данной статье медиация рассматривается с позиции именно возможности применения в теоретической непротиворечивости основным понятиям принятых в рамках бережливого производства. Другими словами, теоретическое осмысление и анализ точек соприкосновения медиации и модели бережливого производства способствуют выработке инновационных подходов к проблеме конфликта на производстве. Более того, сама медиация рассматривается как возможность оптимизации процессов конфликтологического регулирования.

Процедура медиации сопоставима с технологическим процессом, во многом, за схожий социально ориентированный результат. Услуга по примирению сторон конфликтного преткновения, схожий процесс с настройками производства, где для достижения намеченного результата необходимо подбирать эмпирические, апробированные параметры. Медиативные технологии проникают во многие сферы производства, обеспечивая выполнение возложенных на сотрудников задач в полном объеме и качестве, удовлетворяем потребителя создаваемого сегмента. Конфликт, как иррациональное составляющее, присутствует вне зависимости от наиболее предпочтительных моделей бережливого управления, производства, обращения с ресурсами. В связи со своей не осязаемой природой, проблематично оценить масштаб влияния конфликта, поскольку при попустительстве этой проблематики, развитие конфликта остается за гранью производственного процесса, отражаясь только на конечном результате. При системной работе с конфликтом, есть возможность его перевода из не осязаемого, в уловимые каналы восприятия. Например, для наглядной демонстрации отражения конфликта на конечный результат, можно использовать статистические данные. Необходимую корреляцию может предоставить отчет эффективности выполненного плана в разных структурных подразделениях одного производства, при схожих должностных обязанностях. Коммуникация, даже в условиях внедрения информатизации в технологический процесс, имеет весомое значение, предостав-

ляющее свободу действий сотруднику, в рамках возложенных задач. При нарушении коммуникации, разлад сотрудников пропорционален разладу системы всего производства. Моделирование конфликта — сдерживающий фактор возможного прекращения производственных циклов, а также первый шаг в осознании проблематики конфликта, как значимого параметра бережливого производства. В понимании места конфликта на производстве, стоит отталкиваться от результата. При отсутствии компетенции управления конфликтом или же систематическим негативным последствием для коллектива и производственного цикла, конфликт стоит рассматривать как издержку, устранение которой, доступно мерами бережливого производства. Одна из главных целей системы бережливого производства — снижение издержек, управление производственным предприятием, основанное на постоянном стремлении к устранению всех видов потерь [1, С.102]. Однако свойства конфликта недооценены и могут влиять на процессы производства совершенно иначе, при умелом управлении и выборе наиболее подходящей модели поведения. Урегулирование конфликта — это наилучшее средство сокращения потерь, основанное на удовлетворении интересов всех сторон, демонстрации поддержки от руководства, а также создание благоприятной эмоциональной атмосферы на производстве.

Освоение и апробация концепции бережливого производства, выявила свои критерии для оценки способов претендующих на разумное устранение потерь. Подвергнем анализу урегулирование конфликта, как именно такой, потенциально пригодный способ. Анализ производится в соответствии с критериями, наиболее полно раскрывающими смысл бережливого производства в коммуникативном (бесконфликтном) процессе:

1. Основа производственной системы — люди [7]. Сотрудники организации являются серединным звеном между замыслом руководителя и конечным продуктом, ориентированным на потребителя. Использование медиации помогает функционированию коммуникационного цикла автономно, создавая бесконфликтную атмосферу. Профилактика конфликтного взаимоотношения снижает риски отладки производственной системы.
2. Исключение потерь и совершенствование процессов. Инновационный подход обновляет процесс производства, тем самым сокращая потери сырья. Проводя аналогию, можно говорить и об инновациях в сфере коммуникации. В рамках исключения потерь, процесс урегулирования конфликта минимизирует кадровые перестановки, вызванные межличностными разногласиями, а также предостерегает организацию от потери ценного (обученного) сотрудника по причинам

конфликта и, как результата, психологической деформации.

3. Принятие руководством решений на перспективу. Конфликт, как и сама потеря, не всегда несут в себе дестабилизацию процессов. К положительным особенностям конфликта, стоит отнести демонстрацию слабых и не защищенных сторон в организации, что является необходимым для укрепления и выработки стратегии развития. Если говорить об управляемом конфликте, то совершенно иная среда, возникшая при использовании управляемого конфликта, может оказывать воздействие на генерацию задач и методов, а также может быть полезна при командообразовании. Управляемый конфликт создает предпосылки для снятия социальных ролей и коммуникационных барьеров, переходя сразу к сути обсуждаемого вопроса. Однако активно используя управляемый конфликт, необходимым является соблюдение баланса и опора на решение, содержащее в себе компетенцию по управлению конфликтом. Цикличность производственных работ, несет в себе иерархичность профессиональных задач, возложенных на сотрудника персонально. Для создания благоприятных условий, необходима корректировка конфликтной/ бесконфликтной среды. Иными словами, при отлаженном алгоритме действий, где коммуникация имеет минимальные проявления, разумно предположить, что бесконфликтная среда станет подспорьем в достижении результатов, отвечающих интересам организации. Следовательно, решения руководства должны содержать кроме классических постулатов успешных моделей продуктивного производства, навыки управления конфликтом, для своевременного распознавания конфликтогена, как основы для грядущего противоборства. Третья сторона, в роли которой выступает руководитель, не принимая решений, оказывает поддержку конфликтующим сторонам в том, чтобы найти новое решение, обеспечивающее выигрыш сторон. Используемые при этом компетенции резюмируются в медиативную компетенцию [6, С. 9]. Логично, что организация процесса производства и разрешение текущих проблем — современные компетенции руководителя.

Критерии, продиктованные концепцией бережливого производства, позволяют относиться к процедуре медиации, как к способу применимого на практике уже в ближайшей перспективе. Более развернутое понимание о пригодности использования медиативных технологий в рамках бережливого производства, доступно благодаря иным подходам. Так, разберем те Lean инстру-

менты, которые вписываются в область применения медиативных технологий:

1. Система 5S состоит, преимущественно из стандартизации и систематизации содержимого рабочего пространства. Учитывая, что распределение предметов для выполнения производственных задач, исходит из индивидуальных предпочтений работника, а также, основывается на стереотипах и привычках, то предполагается, что такой алгоритм подготовки рабочего пространства оказывает влияние на психоэмоциональное состояние работника перед началом трудового дня. Привычный алгоритм действий, совершаемый перед началом работы, помогает сотруднику справиться с побудителем, который может носить как положительный, так и отрицательный характер. Иными словами, процесс подготовки и организации рабочего пространства — это ключ к пониманию текущего эмоционального состояния конкретного сотрудника [7].
2. Стандартизированная работа. Нарушение одного цикла, неминуемо ведет к общей разладке комплекса необходимых производственных процессов. Процедура медиации предоставляет уникальную возможность локального разрешения производственного конфликта, не выходя из существенных ограничений по операциям прописанных в технологической карте и отраслевых стандартах.
3. Концепция TPM (Total Productive Maintenance) — система всеобщего обслуживания оборудования. Суть такового принципа в постоянном мониторинге исправного состояния оборудования и уровня заинтересованности персонала. Медиативные технологии в данном контексте, выступают инструментарием мониторинга проблем персонала. При разрешении проблемы на стадии ее зарождения, высвобождается время, которое можно перераспределить на дополнительное укрепление бесконфликтных рубежей. Так, элементарное прописывание должностных обязанностей, сводит вероятность возникновения конфликта к минимуму [7].
4. Принцип подачи и рассмотрения предложений. Благоприятная атмосфера создается не только в самом кругу сотрудников, а во многом, те условия, продиктованные руководством, становятся главенствующими. Система лояльности, при которой у работника есть возможность открыто заявить о той или иной проблеме, а также выступить с предложением по улучшению производственных процессов, выполняет сразу две задачи: создание благоприятной атмосферы, которая включает такие информационные послылы как заинтересованность в сотруднике со стороны ру-

ководства и установление формы обратной связи; перестройка производственных процессов, как возможность для оценки привычного алгоритма действий отдельными должностными лицами. Работник, отвечающий за вверенный технологический процесс, со временем имеет более широкое представление об упрощении действий своей деятельности. Также, заинтересованный в своем труде работник, приобретает навыки профессиональной коммуникации, формируя вокруг себя, круг профессионалов отрасли в целом. В масштабах производства, это означает возможное использование и интеграцию принципиально новых технологических подходов, прямо или косвенно, влияющих на всю систему бережливого производства. Приведенный принцип, является обобщающим и тесно переплетается со схожими принципами, например, такими как Кайдзен и вытягивающего производства, где умение слушать потребителя выступает основой в процессе экономии ресурсов [5]. Представленные принципы, отобраны исходя из возможности более наглядной демонстрации применения медиативных технологий, как средства влияющего на формирование производственной культуры и сохранения ресурсов организации, при этом, не нарушая постулаты конкретной отрасли. Медиативные технологии продолжают эти принципы, не допуская нарушения целостности общей структуры.

Иное представление об участии конфликта в бережливом производстве, возникает при соотношении с принципом, именуемым «Рока-уоке». Принцип поиска главных причин, повлекших ошибку и создание рекомендаций, исключающих возможность этой ошибки. Суть принципа заключается в том, что, если другими способами выполнить поставленную задачу нельзя, а она выполнена, значит она выполнена без ошибок. Сомнению подлежит факт влияния на результат выполненной поставленной задачи вероятностный допущенный и не регулируемый позже конфликт. Однако конфликт нельзя рассматривать вне рамок ошибки, допуская его присутствие, ссылаясь на отсутствие негативного влияния на ход выполнения задачи. Различные дефекты в продукции могут возникать из-за забывчивости человека, невнимательности, непонимания, неосторожности и т.п. Такого рода ошибки естественны и неизбежны, под таким углом их и надо рассматривать для нахождения способов их предотвращения [2, С.20]. При таких обстоятельствах, возникающие дефекты, которые могли стать косвенной причиной для ошибки и отгородить от достижения положительного результата, стоит вывести из операции «выполнение поставленной цели без ошибок», поскольку влияние конфликта могло иметь

и латентную стадию или же быть только еще на стадии раздражающего конфликтогена. При дальнейшем производственном цикле, дефект может стать полноценной ошибкой, что приведет к подрыву сути бережливого производства. Оптимизация процесса видна уже на стадии возникновения дефекта, а противодействие перехода дефекта в полноценную ошибку — будет являться предпринятыми мерами обеспечения модели бережливого производства. Дефект или же сами потери, не всегда несут в себе деструктивное понимание, являя собой растрату ресурсов. Потеря — это сигнал о недостаточной системности ведения производственных дел, поскольку потеря сырья, ресурсов при рабочем механизме, говорит о времени для инноваций, в виду образовавшегося разрыва на участке рабочего механизма. Главный информационный посыл: производство может работать иначе, стоит лишь консолидировать усилия на пересмотре действующих и, возможно, уже не соответствующих времени, подходов по управлению в сфере маркетинга, логистики, хранения и т.д. Потеря, это всегда вызов, либо для закрытия производства с переосмыслением действий, либо для прорыва, как новой технологической возможности укрепить свои позиции, либо адресная направленность действиям и стратегии управления выбранными руководящим звеном. Закономерность в том, что чем ближе к нашему времени деятельность человека в области защиты прав и свобод, тем больше в ней видно ошибок [4, С.128] прослеживается и в подходе к сохранению темпов производства. Потери, отчасти, могут возникать и в условиях близких к идеальным.

Дефицит процессов интеграции бережливого производства, главным образом, обусловлен отсутствием следующих факторов:

1. Компетентного управленческого звена. Проблема, при которой руководителями становятся по стажу деятельности, а не навыкам и компетенциям, уже дает свои негативные результаты. Выражается это в неспособности провести взвешенную оценку рисков и выбрать стратегию, методику, инструментарий и другие средства, локализирующие производственные риски. Также, управленческие действия, это системные решения, основанные на опыте, владении отраслевыми подходами, расчетах, основанных на инновациях прогнозах, все это — под силу не каждому руководителю. Однако отсутствие, как таковой, стадии единой проверки знаний (управленческой аттестации) у руководящего звена, создает опасный прецедент: позволяет заниматься решением вопросов производства без специфический, прикладных познаний.
2. Межотраслевого подхода к изучению и систематизации воззрений на конкретный процесс производства. Соприкосновение в точках границ

дисциплин, предоставляет новый взгляд на изученную проблему, а при верификации гипотезы и ее исследовательском подкреплении, расширяет устойчивые границы познания, открывая новый простор для работы научного сообщества. Инновационный взгляд, как новая система воззрений, формируется не где-то абстрактно, а в процессе мышления индивида, не просто сосредоточенного на доведении процесса производства до эталона, а имеющего навык комплексного восприятия, переосмысления, объединения лучших практик общества (при этом первичный анализ по отбору таковых практик проводит сам индивид) и взаимоотношений «человек-человек», «человек-производство».

Удовлетворение таковых факторов, создает условия в рамках организации, способные «взрастить», опять же в пределах организации, свои практики бережливого производства. Организация, в которой созданы условия для непосредственного участия персонала на стадиях профессиональной ориентации производства и выбора вектора развития стратегии, имеет больше шансов на удержание позиций «плавающего рынка». Объяснение кроется в отсылке к перспективным направлениям, зачастую берущим основу на стыке совершенно противоположных отраслей; участие персонала помогает лучше понять потребности рынка, учитывая «близость» наемных сотрудников к потребителю конечного продукта. Также, персонал может выступать представителем (на производстве) аудитории потребителей, со схожими по своим возрастным, мировоззренческим, социокультурным критериям, помогая в настройке адресной стратегии продвижения результата производства. Симбиоз вклада персонала и умелое управление руководителя, создаёт платформу для самореализации сотрудника, тем самым снимая еще одну из причин, снижающих результативность компании — потерю творческого потенциала работника. Возвращаясь к принципам бережливого производства, разделение потока создания ценности продукта зависит от работника, поскольку его действия создают ценность, за которую готов платить потребитель. Действия без творческого вклада сотрудника не создают ценности, а значит остаются невостребованными. Издержки же, покрывает предприятие. В любой производственной системе, во всех процессах — от закупок материалов, производства продукта до продаж — существуют скрытые потери. И если все современные концепции организации производства говорят больше о «технократических» способах борьбы с потерями — например, более точном нормировании, отладке технологий, замене оборудования, т.е. отличаются своими акцентами, терминологией и степенью ориентации на те или иные аспекты менеджмента, то набирающая свою популярность концепция «бережливого производ-

ства» ставит во главу угла борьбу с потерями всех видов, при применении совершенно иной культуры организации и стиля менеджмента как среди высших, так и среди первичных уровней управления [3, С. 7].

Учитывая все приведенные факторы, необходимым является, выстраивание совершенно новой модели оптимизации производства, основываясь, главным образом, на перенастройке уже имеющихся процессов. Применение инновационных решений не системно, а в локальных процессах, даст аналитическую оценку проводимых изменений, при этом риск возможной управленческой ошибки будет минимален. Бережливое производство, во многом, зависит от отношения к делу сотрудников и руководителей организации, поскольку именно их действия определяют вектор развития компании на долгие годы. Медиативные технологии, призваны стать буфером в потоке производственной коммуникации и отладке организационных процессов. Комплекс медиативных мер, снижает риски, озвученные в данной статье, поскольку отвечают условию создания благоприятной атмосферы для выполнения сотрудником своих производственных задач. Именно медиация, значительно экономит ресурсы компании, конвертируя десятки организационных задач в коммуникативный паритет между двумя основными субъектами обеспечения модели бережливого производства — сотрудником и руководителем организации.

Механизм урегулирования конфликтов интегрируется в повседневную жизнь, подчиняя своим законам все новые и новые сферы деятельности. Процесс медиации также нуждается в оптимизации, несмотря на его новшество в процессах управления и сохранения ресурсов. Оптимизации в сфере медиативных технологий, могут способствовать следующие факторы:

1. Разработка программных приложений, высвобождающих время для профессионального медиатора, отводя больше времени именно на распознавание истинного конфликтогена.
2. Устранение отходов важная часть бережливого производства. Потребление ресурсов при отсутствии результата социальной ценности — недопустимо и должно быть устранено. Конфликт, эмоциональное выгорание, работа с негативом на производстве при затрате ресурсов не всегда несут в себе результат социальной ценности, значит это то, что подходы (а равно и выбранные модели поведения) к работе с проявлениями психоэмоционального состояния человека должны быть пересмотрены.
3. Сохранение и наращивание темпа по вовлечению в процесс оптимизации бизнеса каждого сотрудника и углубленное изучение максимальной ори-

ентации на нужды потребителя, учитывая и скрытые послы.

4. Непрерывный аналитический процесс влияния медиативных технологий на модель бережливого производства, использование эмпирических методов для получения результата и его дополнительного осмысления.

Таким образом, выводами данной статьи могут быть выступить следующие положения:

1. Необходимо понимать, что процессы оптимизации, это не ущемление прав и свобод производителя, это и не умышленная дифференциация производителей на мировой площадке, а конкурентное ведение дела в соответствии настоящего времени. Все предельно просто: откажетесь от обновлений — они появятся у конкурента.
2. Темп развитию отрасли будет задавать сторона, применяющая в своей практике новейшие технологии, методы, способы. Необходимость оптимизации процессов продиктована временем. Однако таковые процессы не отказ от определенных ресурсных вложений, это выбор тактических решений, обдумывание и корректировка стратегии, использование инновационных технологий.
3. Конфликт, как иррациональное составляющее, присутствует вне зависимости от наиболее предпочтительных моделей бережливого управления, производства, обращения с ресурсами. Именно поэтому, говоря о модели бережливого производства необходимо примирительное регулирование локальных кон-

фликтов. При теоретическом анализе явных противоречий с концепцией бережливого производства найдено не было. Однако учитывая перманентный и изменчивый характер конфликта, актуальность дальнейшего исследования необходима, в том числе и в узкопрофильных организационных процессах. Медиация, при ее дельном применении, может удачно сочетать основные идеи бережливого производство существенно облегчая рабочий процесс, минимизируя возможные социальные накалы взаимоотношений.

Пренебрежение явлением, находящимся за гранью практического осознания, может привести к ощутимым материальным издержкам. Анализ влияния медиативных технологий на бережливое производство еще будет претерпевать изменения и нуждается в новейших межотраслевых подходах. Данная обзорная статья, является, отчасти, именно таким межотраслевым воззрением, заявляющим о необходимости поиска инновационных подходов в решении проблем как бережливого производства, так и конфликтной коммуникации.

Игнорирование таковых положений, безоговорочно приведет к дестабилизации производственных циклов в грядущей перспективе. Осознание конфликта — как значимого звена в механизме бережливого управления предопределяет его развитие и выводит коммуникацию совершенно на иной уровень, при этом, выходящим, по своей значимости, далеко за пределы определенной организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вэйдер М. Инструменты бережливого производства: мини-рук. по внедрению методик бережливого пр-ва / Майкл Вэйдер; пер. с англ. А. Баранов, Э. Башкардин. — 2-е изд. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2011. — 124 с.
2. Ермакова Е. А. Внедрение принципов бережливого производства в R&D процессы // Креативная экономика. — 2012. — № 10 (71). — С. 19–24.
3. Методические материалы для площадки «Карьера» Международного молодежного лагеря «Байкал 2020» «Основы бережливого производства» // bitobe. URL: <https://www.bitobe.ru/> (дата обращения: 25.12.2019).
4. Нигматуллина Т. А., Терновая Л. О. Политическая медиация: учебное пособие. — Уфа: Изд-во Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», 2016. — 370 с.
5. Степченко Т. С. Lean-технологии в управлении предприятием // Современные технологии управления. — 2015. — № 7 (55).
6. Хертель А. фон. Профессиональное разрешение конфликтов. Медиативная компетенция в Вашей жизни. Спб.: Изд-во Вернера Регена, 2007. — 272 с.
7. Lean система (Бережливое производство) // src-master. URL: <https://www.src-master.ru/article25952.html> (дата обращения: 25.12.2019).

© Салимгареев Денис Игоревич (remus-102@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФСКИЕ СИСТЕМЫ И.В. ГЁТЕ И Л. ФЕЙЕРБАХА КАК ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ КЛАССИЧЕСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

THE PHILOSOPHICAL SYSTEMS OF I.V. GOETHE AND L. FEUERBACH AS SOURCES OF FORMATION OF THE PHILOSOPHY OF CULTURE OF CLASSICAL PSYCHOANALYSIS

K. Stetsyuk

Summary. The article deals with the components of the philosophical systems of J.W. Goethe and L. Feuerbach, which became the basis for the formation of the psychoanalytic type of philosophizing. A comparative analysis of philosophical texts is carried out, in the comparison of which some insufficiently studied formulations and concepts of Freudian metapsychology are clarified. Particular attention is paid to the influence of Goethe and Feuerbach on the formation of the philosophy of culture of classical psychoanalysis.

Keywords: Sigmund Freud, Johann Wolfgang Goethe, Ludwig Feuerbach, classical psychoanalysis, philosophy, philosophy of culture, metapsychology, unconscious.

Стецюк Константин Станиславович

ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский
политехнический университет»
Mdv60@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются компоненты философских систем И. В. Гёте и Л. Фейербаха, ставшие основанием для формирования психоаналитического типа философствования. Проводится сравнительный анализ философских текстов, в сопоставлении которых проявляются некоторые недостаточно изученные формулировки и концепты фрейдовской метapsихологии. Особое внимание уделяется влиянию Гёте и Фейербаха на становление философии культуры классического психоанализа.

Ключевые слова: Зигмунд Фрейд, Иоганн Вольфганг Гёте, Людвиг Фейербах, классический психоанализ, философия, философия культуры, метapsихология, бессознательное.

Философствование, причем философствование новаторское, непосредственно погруженное в среду исследовательских наблюдений над психическими процессами, стало для Зигмунда Фрейда (1856–1939), важнейшей предпосылкой создания психоанализа и основой для его дальнейшего развития. По утверждению В.М. Лейбина, автора фундаментальных исследований о психоанализе как философской системе, «есть серьезные основания для утверждения, что в период выдвижения основных психоаналитических гипотез Фрейд отталкивался не столько от клинического опыта, как это принято обычно считать, сколько от философских представлений о природе и механизмах функционирования человеческой психики» [4, с. 24].

Об этом свидетельствует не только многократное упоминание во фрейдовских работах имен и идей таких философов, как Гераклит, Парменид, Эмпедокл, Платон, Аристотель, Лукреций, Спиноза, Лейбниц, Кант, Гёте, Шопенгауэр, Ницше, Герbart, Гартманн, Вундт, Милль, Мах, Липпс, и др., но и прямое утверждение Фрейда: «Мои открытия являются основой для вполне серьезной философии. Немногие поняли это, и немногие способны это понять» [Там же, с. 97].

Интерес к философии и философствованию у Зигмунда Фрейда впервые проявился еще в гимназическом возрасте, когда им, по его собственному признанию [17, с. 180], овладело страстное стремление к философствованию, а его интеллектуальным кумиром стал Иоганн Вольфганг Гёте.

Восхищение этим великим философом, писателем и ученым подтолкнуло Фрейда к тому, чтобы посвятить свою жизнь науке. Именно поэтическое философствование Гёте, в особенности — его афористичное эссе «Природа», неоднократно упоминавшееся в «Толковании сновидений», вдохновило Фрейда на тот художественный стиль изложения результатов своих исследований, за который решением сообщества европейских писателей он был удостоен в 1930 году литературной премии Гёте. В речи, написанной Фрейдом по поводу вручения ему этой премии, он называет Гёте «покровителем психоанализа» и отмечает, что Гёте «сам в некоторых случаях приближался к психоанализу, в его представлениях было много такого, что мы с той поры сумели подтвердить, а некоторые взгляды, из-за которых нас подвергли критике и насмешкам, казались ему само собой разумеющимися» [16, с. 296]. Поэтические фразы и образы, соз-

данные Гёте, по словам Фрейда, «мы могли бы повторять при каждом случае психоанализа» [Там же].

В самом начале упомянутой выше речи Фрейд сравнивает Гёте с Леонардо да Винчи, упоминая, что он, подобно «великому мастеру Ренессанса, ... был художником и исследователем» [Там же, с. 295]. Это важно отметить не только потому, что этим замечанием Фрейд транслирует на Гёте и его творчество свои размышления о причинах и последствиях подобного рода творческого дуализма, сформулированные им в книге о Леонардо [14, с. 176–211]. Тут важны не детали, а сам смысл обращения к духу эпохи Возрождения, к очистительному влиянию античности, в том числе и античной философии, в ситуации духовного кризиса и исчерпанности ресурсов традиционных форм воспроизводства смыслов культуры. Не случайно в этом докладе о Гёте упоминаются и Аристотель, и божественный Эрос. Именно там — в античной философии (и прежде всего у досократиков и Аристотеля) и в античной мифологии, с подачи своего кумира — Иоганна Вольфганга Гёте, Зигмунд Фрейд будет черпать смыслы и метафорические образы, формируя новый тип философствования и новый тип философии, понимаемой как философия культуры. В этом смысле, рассматриваемые в единстве философско-категориальных и мифопоэтических проявлений, создаваемый Фрейдом психоанализ, несомненно, принадлежат к возрожденческому типу ментальности. Так же, как и творения И. В. Гёте.

Краткий анализ воздействия на юного Фрейда произведений Гёте можно найти в биографическом исследовании Эрнеста Джонса «Жизнь и творения Зигмунда Фрейда» [3, с. 34–35]. Подробное же описание значимости «фактора Гёте» в становлении и оформлении философии классического психоанализа содержится в диссертационном исследовании В. Э. Степанова «Фрейдизм как философия: опыт реконструкции проблемного поля» [6, с. 40–43].

В дополнение к этим исследованиям можно предположить, что интуитивная готовность принять и обосновать философскую идею о бессознательном как едином абсолюте, равным образом детерминирующем как психику, так и мир физических объектов, была заложена у Зигмунда Фрейда именно под влиянием Гёте. Практически везде, где поэт и философ в своем афористичном эссе пишет о Природе, мы видим образ фрейдовского Бессознательного. Вот как, к примеру, Гёте описывал значимость Природы как подобного рода субъектного абсолюта:

«Она вечно меняется, и нет ей ни на мгновение покоя... Она тверда, шаги ее измерены, уклонения редки, законы непреложны. Она непрерывно думала и мыс-

лит постоянно, но не как человек, а как природа. У ней свой собственный, всеобъемлющий смысл, но никто его не подметил. Все люди в ней, и она во всех... Ненасытимо стремясь передаться, осуществиться, она производит все новые и новые существа, способные к наслаждению... Из ничтожества выплескивает она свои создания и не говорит им, откуда они пришли и куда идут. Они должны идти: дорогу знает она» [2, с. 37–38].

Универсализм Гёте, погруженность его философствования в естественнонаучные эксперименты, принцип полярности, заложенный им в основу своей исследовательской методологии, навсегда стали для Фрейда непреложными принципами практики и теоретизирования. А метафорические образы, позаимствованные у Гёте, чаще всего — из «Фауста», служили для основоположника психоанализа выражением природы бессознательного и его базовых динамических тенденций. Конгениальность психоаналитических открытий образам, порожденным творческой фантазией Гёте, служила Фрейду ориентиром в оценке результатов собственных исследований и работ его соратников по психоанализу.

Вот как об этом вспоминает в своих мемуарах Фриц Виттельс:

«Однажды поздно ночью пришлось прочесть Фрейду мою статью; внезапно вскочив, он воскликнул: «Посмотрим-ка, что по этому поводу говорит старина!», и вытащил из своей библиотеки вторую часть «Фауста». Когда я увидел, с какой любовью он погладил томик и затем углубился в него, разыскивая цитату, не особенно необходимую, по моему мнению, я почувствовал, что он устанавливает какую-то особенную внутреннюю связь между собою и Гёте» [1, с. 37].

И все же чтение Гёте повлияло поначалу, помимо выбора профессии, более на эмоциональный настрой и общие мировоззренческие ориентиры восторженного юноши, чем на содержание осваиваемого им философского знания. Это знание, этот концептуальный багаж, сформировались у Фрейда уже в годы его обучения в Венском университете (1873–1881).

В университетские годы Зигмунд Фрейд не только прослушал многочисленные (по разным данным — от пяти до восьми) семестровые курсы лекций по античной и новейшей философии, читаемые Теодором Гомперцем (1832–1912) и Францем Brentano (1838–1917), но и активно участвовал в работе «Читательского союза немецких студентов Вены» (“Leseverein der Deutschen Studenten Wiens”), члены которого изучали и пропагандировали идеи Шопенгауэра, переписывались с Ницше. В письмах Фрейда тех лет, адресованных гимназическому другу Э. Зилберштейну, можно найти сожаление о том,

что его друг, обучавшийся на юридическом факультете, не изучает философию, тогда как сам он посещает философские курсы и читает Фейербаха, которым восхищается больше всего среди прочих философов [4, с. 18–19].

Исследователи истоков психоаналитического типа философствования явно недостаточное внимание обращают на последнее обстоятельство. Только Лейбин В. М. замечает, что отзвуки философских идей Людвига Фейербаха можно найти во фрейдовской теории сопротивления [Там же, с. 67].

Нам представляется, что последствия фрейдовского восхищения Фейербахом и усердного изучения его трудов, сыграли в истории становления и развития психоаналитического типа философствования гораздо большую, если не сказать — решающую, роль.

Стоит обратить внимание на работы Фейербаха по истории философии, откуда Фрейд почерпнул знание о философских системах Нового времени — от Бэкона и Декарта до Спинозы и Лейбница, а прежде всего — узнал об учении Якова Бёме о Бессознательном как первоначально, лежащем в основании человеческих влечений [7, с. 218–223]; о попытках Декарта выявить и описать природу той части психики, которая лежит за пределами сознания [Там же, с. 272–279]; о «монадологии» Лейбница, т.е. о монадном, т.е. самозамкнутом, принципе организации человеческой души (психики), которая функционирует в единстве ее деятельностных, страдательных, мыслящих и бессознательных компонентов [8, с. 161, 164, 229].

Несомненно, важнейшую роль в исследованиях, многие годы проводимых Фрейдом в области рассмотрения природы религии как социокультурного и глубинно-психологического феномена, сыграло его изначальное знакомство с трактатом Людвига Фейербаха «Сущность христианства». Отдельные темы и формулировки этой книги практически дословно совпадают с фрейдовскими работами «Будущее одной иллюзии» и «Человек Моисей и монотеистическая религия». Вот характерные примеры такого «совпадения», т.е. цитаты из Фейербаха, которые равным образом можно приписать и Фрейду, настолько они психоаналитичны: «Бог есть то, чего определенно, т.е. сознательно или бессознательно, недостает человеку...» [9, с. 84]; «Можно сказать: человек таков, каков его Бог... Однако первоначально все было иначе, а ведь только изучая происхождение, можно познать истинную сущность чего-либо. Сперва человек бессознательно и произвольно создает по своему образу Бога, а затем уже этот Бог сознательно и произвольно создает по своему образу человека» [Там же, с. 118]; «Итак, бесспорен и неопровержим факт: христиане поклоняются человеческому индивидууму как высшему существу... Разуме-

ется, бессознательно, ибо этим и определяется иллюзия религиозного принципа» [Там же, с. 317].

Именно здесь, в «Сущности христианства», Фейербах сформулировал максимум, ставшую базовым методологическим принципом для Фрейда в период формирования им исследовательской программы психоанализа: «Я только ... обращенный внутрь взгляд направляю на внешний мир, т.е. превращаю предмет представляемый и воображаемый в предмет действительный» [Там же, с. 17–18].

Но это все отдельные, хотя и несомненно важные, линии влияния; главное же, на что Зигмунд Фрейд, обосновывая свой психоаналитический проект новым и радикально революционным типом философствования, будет неизменно опираться — это манифесты Людвига Фейербаха о новой философии будущего: «К критике философии Гегеля», «О начале философии», «Необходимость реформы философии», «Предварительные тезисы к реформе философии», «Основные положения философии будущего». Текстуальное и смысловое сравнение этих произведений Фейербаха, написанных в 1841–43 годах, и философско-методологического компонента классического психоанализа позволяет сделать следующий вывод: фрейдистский тип философствования (наряду с марксистским, принципиальные основания которого выражены в «Тезисах о Фейербахе») реализовал замысел Фейербаха о радикальной реформе философии и стал той самой «философией будущего», которую тот провидел.

В основе программы этой «реформы философствования», замысленной Фейербахом и реализованной Фрейдом, лежала идея о смене предмета философствования, которым должны стать не логические абстракции, а сфера непосредственно достоверного и единственно реального чувственного, т.е. телесного, опыта:

«Исходной позицией прежней философии являлось следующее положение: Я — абстрактное, только мыслящее существо; тело не имеет отношения к моей сущности; что касается новой философии, то она исходит из положения: Я — подлинное, чувственное существо; тело входит в мою сущность; тело в полноте своего состава и есть мое Я, составляет мою сущность» [10, с. 130].

Именно с этой идеей о примате телесности, рассматриваемой во всей совокупности ее желаний и производных от них психических проявлений, связаны у Фрейда и его методологические провалы, связанные с ранними психофизиологическими и нейропсихологическими иллюзиями, и его главное достижение: создание психоанализа как комплексной исследовательской программы — клинически-экспериментальной, психо-

лого-теоретической и философско-методологической — по конструированию новой телесно-ориентированной психологии на базе нового типа клинической практики и нового типа философской рефлексии. И даже самые «темные» по мнению исследователей, работы Фрейда — «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) и «Я и Оно» (1923), основанные на понимании психики как выразителя первичных телесных (организменных) влечений, производных от программ жизнедеятельности отдельных клеточных групп и биоэволюционных программ, проясняются при соотнесении их с соответствующими рассуждениями Людвига Фейербаха.

Так, к примеру, в работе «О начале философии» последний пишет: «Я открыто миру не как таковое, но только благодаря телу... Я — телесно...» [11, с. 61–62].

И Фрейд «отзывается» на этот принцип следующим пояснением: «Я прежде всего телесно, оно представляет собой не только некое существо, имеющее поверхность, но и само есть психическая проекция поверхности тела. Если подыскать ему анатомическую аналогию, то скорее всего его можно идентифицировать с «мозговым человеком» анатомов...» [15, с. 314–315].

Самые сложные загадки и проблемы, с которыми Фрейд будет сталкиваться в ходе своих психоаналитических изысканий, он будет решать, опираясь на багаж идей, полученных от Людвига Фейербаха. Многие исследователи недоумевают по поводу источника определения природы сознания, предложенного Фрейдом в седьмой главе «Толкования сновидений», неоднократно квалифицируемой им как «философская глава»: «Сознание есть чувственный орган для восприятия психического» [13, с. 299]. Но обратившись к текстам Фейербаха, мы находим первичный исток и глубинный смысл этой идеи:

«...не только внешнее, но и внутреннее, не только тело, но и дух, не только вещь, но и Я составляют предметы чувств. Поэтому все является чувственно воспринимаемым, если не непосредственно, то опосредствованно, если не обычными, грубыми чувствами, то изощренными, если не глазами анатома или химика, то глазами философа...» [10, с. 133].

И Фейербах тут не только провозглашает исследовательскую программу; он указывает и на природу материала, который придется исследовать, материала, ставшего впоследствии основой для формирования психоаналитических исследовательских и психокоррекционных программ:

«Новая философия в отношении своих основ есть не что иное, как сущность чувства, возведенная до со-

знания... Чувственное не есть непосредственное... Непосредственное, чувственное созерцание скорее есть нечто позднейшее по сравнению с представлением и фантазией. Первоначальное созерцание человека само есть только созерцание представления и фантазии. Задача философии, вообще науки, заключается поэтому не в том, чтобы ... превратить вещи в мысли и представления, но в том, чтобы невидимое для простого глаза сделать видимым, то есть предметным» [Там же, с. 129, 134].

Исследовательская стратегия Фейербаха, ставшая для Фрейда программой действия, предполагала союз философии с естествознанием: «Философия должна вновь связаться с естествознанием, а естествознание — с философией. Эта взаимная потребность, эта связь, коренящаяся во внутренней необходимости, будет продолжительнее, счастливее и плодотворнее по сравнению с мезальянсом между философией и теологией, существовавшим до сих пор» [12, с. 87]. Именно опора на экспериментальные данные естественных наук (ради доступа к экспериментам по их получению в области природы человека и его психики Фрейд и выбрал медицинское образование) позволяет, по Фейербаху, философской рефлексии прийти «к подлинной объективной реальности», а не к «реализации своих собственных абстракций» [Там же, с. 77]. Следуя этому принципу, Зигмунд Фрейд формировал философские концепты исключительно на основании проводимых им наблюдений, что давало ему право полагать их не абстракциями, а подлинно реальными сущностями, лежащими в основании нашего опыта. Так свой главный философский концепт — «бессознательное» — он определял именно как «истинно реальное психическое», смутно проявляющееся в чувственно воспринимаемом опыте, но понимаемое исключительно в контексте погруженной в этот опыт философской рефлексии [13, с. 318–319].

Свою программу по созданию нового типа философствования Людвиг Фейербах резюмировал, как он сам выразился, «категорическим императивом новой философии», ставшим для Фрейда принципиальной основой его исследовательской методологии:

«Не стремись быть философом вразрез с человеком, будь только мыслящим человеком; рассуждай не как мыслитель, то есть опираясь на вырванную из полноты реального человеческого существа способность, по существу изолированную; рассуждай, как живое, реальное существо, каковым ты вверяешься живым и бодрящим волнам житейского моря; мысли в бытии, в мире, как его член, а не в пустоте абстракции...» [10, с. 140].

Для Фрейда это звучало не как откровение, а как практическая программа по реализации поэтических заветов Гёте, знакомых ему с гимназических времен:

«Истина — ничто сама по себе и для себя. Она развивается в человеке, если он позволяет миру воздействовать на его чувства и дух. Каждый человек, сообразно своей организации, имеет собственную истину, которую только он может понять в ее интимных чертах. Кто достигает всеобще-значимой истины, не понимает себя» [5, с. 76].

Именно эти заветы своих интеллектуальных кумиров подвигли Зигмунда Фрейда, начавшего в середине 90-х годов XIX века выстраивать новый тип философствования для создаваемого им психоанализа как исследовательской программы изучения человека и его психики, параллельно этому начать и свой собственный самоанализ, продвигаясь к истине через познание себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виттельс Ф. Фрейд, его личность, учение и школа. — Л.: Эго, 1991
2. Гёте И. В. Природа // Избранные философские произведения. — М.: Наука, 1964
3. Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. — М.: Гуманитарий АГИ, 1996
4. Лейбин В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. — М.: Политиздат, 1990
5. Свасьян К. А. Гёте. — М.: Мысль, 1989
6. Степанов В. Э. Фрейдизм как философия: опыт реконструкции проблемного поля. Дис. ... канд. философ. наук. — Екатеринбург, 2004
7. Фейербах Л. История психологии. Собрание произведений в трех томах. — М.: Мысль, 1974. Т. 1.
8. Фейербах Л. История психологии. Собрание произведений в трех томах. — М.: Мысль, 1974. Т. 2.
9. Фейербах Л. Сущность христианства // Фейербах Л. Сочинения: В 2 т. — М.: Наука, 1995. Т. 2. С. 5–320.
10. Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Фейербах Л. Фейербах Л. Сочинения: В 2 т. М.: Наука, 1995. Т. 1. С. 90–145.
11. Фейербах Л. О начале философии // Фейербах Л. Фейербах Л. Сочинения: В 2 т. М.: Наука, 1995. Т. 1. С. 56–63.
12. Фейербах Л. Предварительные тезисы к реформе философии // Фейербах Л. Фейербах Л. Сочинения: В 2 т. М.: Наука, 1995. Т. 1. С. 70–87.
13. Фрейд З. Толкование сновидений. Киев: «Здоровья», 1991
14. Фрейд З. Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве // Фрейд З. Художник и фантазирование. — М.: Изд-во «Республика», 1995. С. 175–210.
15. Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 3. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С. 291–352.
16. Фрейд З. Приветственная речь во франкфуртском Доме Гёте // Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Изд-во «Республика», 1995. С. 295–297.
17. The Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess (1887–1904). Belknap Press of Harvard University Press: Cambridge, Mass., 1985

© Стецюк Константин Станиславович (Mdv60@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Пермь

РОЛЬ КОДЕКСОВ ЭТИКИ В ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В США И РОССИИ

Титова Валерия Олеговна

Ассистент, Национальный исследовательский
Томский государственный университет
titova.lera.pr@gmail.com

THE ROLE OF CODES OF ETHICS IN PROFESSIONALIZING SOCIAL WORK IN THE UNITED STATES AND RUSSIA

V. Titova

Summary. The article examines the main trends in the professionalization of social work through the development of ethics in the United States and post-Soviet Russia. The relevance of the analysis of the ethical foundations of modern helping professions is due to the dynamic development of society and the need for a philosophical understanding of the value profile of the social worker profession in a multicultural space.

Due to the sharp changes in the key standards in the ethical codes of the helping professions in the post-Soviet period, has changed the very meaning-making activities of the social worker — this has created difficulties in understanding by the profession of their own self-actualization and high risk of reducing the quality of specialists services to the population.

Keywords: ethics, helping professions, social work, ethical code.

Аннотация. В статье изучены основные тенденции профессионализации социальной работы через развитие этики в США и постсоветской России. Актуальность анализа этических основ современных помогающих профессий обусловлена динамичным развитием общества и потребностями в философском осмыслении ценностного профиля профессии социального работника в мультикультурном пространстве.

Из-за резкого изменения ключевых норм в этических кодексах помогающих профессий в постсоветский период, изменилось само смыслообразующее содержание деятельности социального работника — это создало сложности в понимании представителями профессии возможностей собственной самоактуализации, а также повышенного риска снижения качества оказываемых специалистами данного профиля услуг населению.

Ключевые слова: этика, помогающие профессии, социальная работа, этический кодекс.

Профессиональную этику помогающих профессий на современном этапе образует совокупность методологических принципов анализа социальной реальности, этических убеждений и идеалов, и норм, задающих ориентиры для профессиональной деятельности. Профессиональная этика служит в этом смысле рефлексией нравственных норм, которые регулируют взаимоотношение людей в трудовой деятельности и отношение представителя помогающей профессии к своим профессиональным обязанностям, долгу, коллегам и клиентам. Но, в отличие методологии науки, профессиональная этика уже не ограничивается

обсуждением проблемы достоверности научного познания, а включает более широкие социальные контексты, которые помимо обсуждения моделей и принципов построения профессионального знания и описаний социальной реальности, выносят в сферу рефлексии и отношение к этой реальности, систему нравственных и оценочных суждений, определяющих цели профессии. На основе этих суждений формируются профессиональные нормы, этические принципы и ценности.

Вследствие этого, стоит понимать, что профессиональная этика — это не только совокупность мораль-

ных норм, утвердившихся в помогающих профессиях, но и саморефлексия самими представителями принципиально важных оснований своей профессиональной деятельности, составляющих основу персональной трудовой мотивации. Поэтому этика в социальномических видах деятельности необходима в первую очередь для того, чтобы они сохранили свою гуманистическую сущность, оставаясь видами деятельности, отражающими интересы человека, вследствие чего приверженность профессиональной этике может рассматриваться, как существенный фактор повышения эффективности профессиональной деятельности, социального благополучия и прогресса помогающих профессий.

Потребность в научном анализе, в частности, кодексов этики социальной работы, как содержания ценностно-образующих текстов профессиональной деятельности, сформирована особенностями современной трудовой практики, прежде всего из-за острых социально-экономических проблем постсоветского периода [1, С.413]. Кодексы этики разрабатываются в профессиональных сообществах. Они перечисляют те социальные нормы и ценности, ради поддержания которых существует профессия, и заверяют, что профессиональные функции будут выполняться в соответствии с высокими моральными нормами. Профессиональные кодексы этики выполняют служат обществу гарантией качества и несут информацию об этических стандартах и ограничениях деятельности работников в той области, для которой данные кодексы разработаны.

Однако сама потребность в отечественном научном анализе, в частности, этики социальной работы, как интегративной помогающей профессии, обусловлена социальными проблемами, которые рассматриваются как «проблемы моральных ценностей», связанные с разрывами в господствующей системе демократических ценностей или девиантной их экспликацией [2, С.50]. Интегративность этики социальной работы подтверждается историческими фактами заимствования в современных кодексах этики, начиная с начала XX века, норм из этических кодексов по сферам: медицины, психологии, педагогики и правовых специальностей.

Это одна из главных особенностей помогающих профессий, как единого кластера — система ценностей (этика) прошла долгий этап формирования и существенно трансформировалась в ходе исторического развития в XX веке, где происходит первоначальное становление теории и этики профессии социальной работы в частном секторе благотворительных организаций и социальных агентств, оказывающих платные услуги. Впервые профессия появляется в США в начале 1920х гг.

Среди исследователей социальной работы в США и в мире, можно выделить авторов: А. Флекснер (A. Flexner), Ф. Бруно (F. Bruno), И. Гринвуд (E. Greenwood), Д. Аксин (J. Axinn), Х. Левин (H. Levin), В. Трэтнер (W. Trattner), О. Дэвис (O. Davis), П. Поппл (P. Pople), Р. Филип (R. Philip) и П. Ли (P. Lee). Отдельное место занимают труды М. Ричмонд (M. Richmond) о методологии постановки социальных диагнозов в профессионализации социальной работы.

Изначально путь профессионализации социальной работы лежал в поиске специфического метода работы, отличного от других профессий. Это связано с признанием социальной работы полноценной профессией, и только затем разработкой ее этико-методологической базы. Например, автор А. Флекснер признал, что к 1915 году социальная работа в США еще не стала в полной мере профессией. Он был согласен, что деятельность социальных работников носит не механический и не рутинный характер. А. Флекснер уточнял: «Не будет ли более правильным рассматривать социальную работу как деятельность на стыке многих профессий, но не профессией в своем собственном праве?» [3, С. 312].

Социальные работники из частных агентств были озадачены разработкой строгих научных основ профессии в ответ на утверждение А. Флекснера об отсутствии ее границ и целей, взяв за базис активно развивающиеся психиатрические концепции [4, С.240–241]. Психиатрические концепции соответствовали разрабатываемой М. Ричмонд методологии работы со случаем через постановку «социального диагноза», «лечения» и «профилактики» изменений у отдельного клиента и таким образом индивидуализации услуг, оказываемых социальным работником.

П. Ли утверждал, что кейсы работы со случаем заложили основы методологии, которые поднимали социальную работу до статуса профессии [3, С.597]. В итоге, специфика социальной работы, как профессии с момента возникновения, рассматривается как попытка соединения определенной социальной и моральной философии, тогда как на более позднем этапе развития практики научились выражать свою приверженность предельным ценностям, таким как, например, ценность самодетерминации и самоопределения в ситуации этической дилеммы. То есть неструктурированная помощь становится структурированной (иначе говоря, помогающая деятельность становится помогающей профессией), когда субъект помогающей деятельности начинает осознанно и целенаправленно применять специальные знания и навыки, основываясь на определенных профессиональным сообществом этических нормах.

В 1921 году на собрании Американской конференции социальной работы была создана социальная биржа, позднее она переименована в Американскую ассоциацию социальных работников, она стала первой общенациональной профессиональной организацией социальных работников [5, С. 112]. Ассоциация с момента основания до настоящего времени активно пропагандирует признание социальной работы, как профессии со своей уникальной методологической и этической базой.

В том же году был опубликован манифест, в котором официально провозглашалось рождение «профессии социальной работы». В 1923 году ассоциация представила профессиональному сообществу официальный проект первого этического кодекса социальных работников на основе документа, предложенного основателем социальной работы со случаем М. Ричмонд [3, С. 312–314].

Первый Международный кодекс этики социальной работы был основан на положениях Кодекса этики США в начале XX века, который распространяется на ряд европейских стран где начали открываться профессиональные школы и направления обучения в колледжах и институтах социальной работе.

Среди фундаментальных исследований, касающихся вопроса этики российской социальной работы, можно отметить работы Н.Ф. Басова, И.В. Наместниковой, Г.П. Медведевой, Е.Р. Ярской-Смирновой и других современных авторов.

В России заимствование норм Международного кодекса этики социальной работы произошло в конце XX века и продолжилось уже в начале XXI столетия в период зарождения в стране капитализма и смены советской системы на демократический режим в организации социальной помощи. Появляются частные социальные услуги и благотворительные организации, которых не существовало в СССР ранее.

Впервые профессия социального работника появилась в 1991 году с изданием соответствующего профстандарта и началом подготовки специалистов в средне-специальных и высших учебных заведениях [6]. Заимствуя в конце 1980-х годов практику социальной работы протестантских стран, в частности нормы и положения Международного этического кодекса и Кодекса этики социального работника США. Постсоветская патерналистская система социальной защиты объективно ограничена в переносе всего профессионального и этического комплекса социальной работы на уже сложившиеся идеологические ценности советского периода.

В любых видах профессиональной деятельности, реализуемых в субъект-объектной системе «человек-че-

ловек», от соблюдения специалистом этических норм во многом зависит конечный результат (благополучие, здоровье клиента, повышение качества жизни и др.). Специалист социальной работы, в отличие от специалиста социального обеспечения в государственной системе помощи (существовавшей в СССР), предельно автономен в принятии этических решений, что обуславливает необходимость дополнительной (помимо нормативно-правовой и технологической) этической саморегуляции профессиональных и личных коммуникации. Эта регуляция не должна противоречить формальной регуляции, но и должна дополнять ее, приобретая форму этической мотивации самого специалиста через воплощение этических принципов профессии.

Философско-аксиологическая основа помогающих профессии в России и мире по-прежнему воплощает в себе идеалы и убеждения нравственности, гуманизма, эмпатии к ближнему и выступает в качестве своего рода основ этической мотивации специалистов. Однако коммерциализация сферы социальной помощи в конце XX века в России становится следствием необходимости создавать регламенты, этически регулирующие коммуникации специалиста. Поэтому из этики помощи постепенно уходят ценности традиционного для россиян православного милосердия, зато появляются ценности утилитарной эффективности, как баланса затрат и результатов деятельности [7, С.418]. Это неизбежно выводит на переориентацию деятельности представителей помогающих профессий к иным ценностям: объективности, рациональности, полезности.

Коммерциализация социальных услуг, изменение этико-аксиологической базы профессии специалиста социального обеспечения в России по примеру США, замена практик государственного социального обеспечения частной социальной работой по примеру Америки, в итоге может привести к ущемлению человеческих прав клиента социальной работы, поскольку средства и методы, используемые в процессе деятельности и отношения, возникающие между специалистом и его клиентом уже не должны будут обязательно соответствовать этическим требованиям, нормам, сколько обязаны быть экономически целесообразны. Формируется дуальная системы этических ценностей профессии, исходя из института реализации практик: социальный работник/предприниматель, социальный работник/госслужащий и др.

В связи с этим требуется новая этическая модель профессии социальной работы в России, разработка этических кодексов, применимых с т.з. практики и коммуникативной специфики деятельности, национального своеобразия, с учетом ранее сложившихся социальных практик в советской модели помощи и учета религиозного сознания, традиций помощи у россиян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глухова М. Ф. Социальная поддержка человека в фокусе социальной работы как помогающей профессиональной деятельности С. 412–416
2. Мельников Д. А. Становление профессии социальной работы // Международный журнал прикладных и фундаментальных наук. Пенза. 2013. С. 49–52.
3. Pumphrey R. E., Pumphrey M. W. The Heritage of American Social Work, Readings in its Philosophical and Institutional Development. N. Y., 1961. 541 p.
4. Trattner W. I. From Poor Law to Welfare State: A History of Social Welfare in America. N. Y., 1989. 676 p.
5. Шадский О. Г. Развитие профессии социальной работы в 20-е гг. XX в. в США [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 5 (121). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-professii-sotsialnoy-raboty-v-20-e-gg-xx-v-v-ssha> (дата обращения: 07.09.2019).
6. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 22 октября 2013 г. N571н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по социальной работе» [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70535562/#ixzz6Ai5oKOb9> (дата обращения: 07.12.2019).
7. Богомяккова Е. С. Помогающие профессии: пересмотр аналитических перспектив // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии. Сост.: З. Х. Саралиева. Материалы международной научно-практической конференции г. Нижний Новгород, 15–16 сентября 2016 г. Изд-во: НИСОЦ, 2016. С. 447–455.

© Титова Валерия Олеговна (titova.lera.pr@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный исследовательский Томский государственный университет

«ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ» АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ

«CATCH-UP GROWTH» ARGUMENTS FOR AND AGAINST

M. Shener

Summary. The article is devoted to the study of pressing issues related to the development of society through the prism of industrial revolutions, leading to the emergence and use of modern, breakthrough innovative technologies. Special attention is paid to the conceptual foundations of “catching up development”. Features of the formation of modern societies are considered on the example of different countries of the world — Germany, France, Japan. The emphasis is also on identifying the characteristics of the impact of globalization on modern societies. The reasons for the uneven economic, social and political development of society are identified.

Keywords: «catch-up growth», innovation, society, industrial revolution, modernization.

Шенер Мария Витальевна

Доцент, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»
shener10@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследования актуальных вопросов, связанных с развитием общества через призму промышленных революций, приводящих к возникновению и использованию современных, прорывных инновационных технологий. Отдельное внимание уделено концептуальным основам «догоняющего развития». Особенности становления современных социумов рассмотрены на примере разных стран мира — Германии, Франции, Японии. Также акцент сделан на выявлении особенностей влияния глобализации на современные общества. Обозначены причины неравномерности экономического, социального и политического развития общества.

Ключевые слова: «догоняющее развитие», инновации, общество, промышленная революция, модернизация.

В последнее время тема инноваций является главенствующей в статьях и монографиях экономистов. Процесс модернизации экономики, наиболее активно идет в тех странах, для которых имеется какой-то более значимый образец в странах высоким уровнем развития. Стоит рассмотреть вопрос о том всегда ли модернизация является панацеей от низких темпов экономического роста. Очевидно, она должна идти в комплексе изменения всех условий: политических, социальных, культурных, исторических. Кроме того, аспекты «догоняющего» развития должны быть рассмотрены за ближайшие два столетия, так эпоху промышленных революций смело можно так же отнести к периоду инноваций. Англия, Германия, Франция перехватывали первенство развития с разными целями в 19 веке, учитывая разный вектор развития этих стран, именно они закладывали фундамент производственных отношений в Западной Европе. Догоняющее развитие (catch-up growth) — представляет собой определенный этап в истории разных государств, которые отставали в своем развитии от передовых стран, и поставили перед собой цель за короткий промежуток времени преодолеть это отставание [1]. Такой этап в разное время и в разные века в разных условиях пережили, например, Германия

и Англия, Япония; и даже благополучные европейские страны, которые переживали этап технологического отставания от США после второй мировой войны.

Если рассматривать теоретические основы «догоняющего» развития, то можно взять концепцию исторического развития У. Ростоу. Он выделял несколько стадий развития человечества:

1. Традиционное общество
2. Переходное общество
3. Стадия «взлета»
4. Стадия «зрелости»
5. Стадия высокого массового потребления
6. Стадия «поиск качества жизни» [2].

Поляризация богатства и власти имеют разнообразные и многочисленные источники. Однако, со всей определенностью следует отметить, что слепое следование доктрине «догоняющего» развития, господствовавшей в умах социологов и политиков на протяжении большей части XX века. Как свидетельствует практика прошлых столетий, «догоняющее» развитие приносило успех только при наличии двух обязательных условий. Во-первых, страна, которая «догоняла» могла достичь

существенных результатов только тогда, когда государство-ориентир имело тот же технологический уклад. Во-вторых, достичь экономических результатов можно только тогда, когда происходит мобилизация всех возможных ресурсов: финансовых, трудовых, материальных, интеллектуальных и т.д., а также производственных сил, таким образом пределы «догоняющего развития» не безграничны [3].

Практически все стадии Уолта Ростоу связаны с промышленными революциями, модернизацией, инновациями. Именно эта концепция развития в силу инновационного подхода развития общественного производства подходит для анализа «догоняющего» развития.

Значительная часть промышленных революций в Европе были догоняющими. Это не вызывает сомнения. Самым первым историческим опытом была политика «кольбертизма» (многие экономисты) рассматривают эту политику как поздний протекционизм, сам термин «модернизация» еще не использовался. 17 век является той точкой понимания для политической элиты, того, что Франция катастрофически отстает от Англии и Голландии. Во Франции достаточно долго кредитно-денежные отношения (ростовщичество) сдерживали отток рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, так как крестьяне увязали в ростовщических долгах. Это серьезно тормозило возможность догнать Англию. Создание французского банка относится ко времени правления относится к правлению Наполеона I.

В начале 19 века в Англии паровые машины были основой производства во Франции их было всего 15. Континентальная блокада привела к тому что, что французская хлопчатобумажная промышленность на многие годы оставалась без важнейших видов сырья и еще больше отстала от Англии. Промышленный переворот начался в полную силу в начале 19 века. Закупки импортного оборудования осуществляются за счет того, что Франция становится международным банкиром, теперь ростовщиком мирового масштаба. Банк Ротшильда добился мирового могущества и Банк Франции не только способствует решению политических задач, но помогают Франции вырваться на одно из лидирующих мест в мире по промышленному производству [4].

В Германии развитие и модернизация началась позже, чем в других странах Европы. К началу 19 века большая часть населения, была занята в аграрном производстве. Феодальная раздробленность достигала колоссальных размеров, немцы говорили, что у них государств столько сколько дней в году, а на самом деле еще больше. Раздробленность Германии вызывала существование громоздкой системы пошлин. Когда в других странах промышленная революция шла высокими тем-

пами и импортные дешевые товары заполнили рынки Германии, наступил конец немецким ремесленным мастерским и мануфактурному производству, которые существовали до середины XIX века. Цеховую систему отменил лишь промышленный закон 1869 г. Особенности промышленного переворота заключались в следующем [5].

В отличие от других стран, в которых переворот стартовал с легкой промышленности, в Германии трансформации начали происходить в тяжелой промышленности. Главными объектами на строительство которых выделялись инвестиции были железные дороги, военные заводы, которые нужны были прежде всего Пруссии для объединения страны, а также в силу того, что колониальный раздел мира был завершен, и это совершенно не устраивало Германию. Это подталкивало страну к накоплению военной силы.

Германия была одной из последних стран, вступивших на путь развития капитализма, заводы строились на полвека позже английских. Заводы оснащались новейшей техникой, приобретенной в Англии. Основной капитал заводов Англии к этому времени морально устаревал, заменить его было сложно, так как сначала надо было избавиться от действующего оборудования. К концу XIX Германия находится на третьем месте по развитию после Англии и Франции. Таким образом в данной экономической ситуации мы видим все признаки «догоняющего развития». Кроме того, мы получили подтверждения того, что «догоняющее развитие» происходит не только в сфере экономики. Промышленный переворот во Франции, Германии и Англии привел к качественным изменениям не только в плане развития экономики, но и в социальной сфере. Появились два ключевых класса капиталистического общества — предприниматели и наемные рабочие, возникли профсоюзы, общественные организации, политические партии [6].

Таким образом «догоняющее развитие» XIX века кроме состязания в промышленных достижениях имело и социальные последствия, XX век вносит свои коррективы в «понятие догоняющего развития», расширяя перечень необходимых условий, определяющих каким образом страны догоняют друг друга. Здесь присутствует и теория «человеческого капитала» и ряд социальных факторов, характеризующих развитие страны. Особенности интерес в XX веке представляют азиатские страны.

Догоняющее развитие Японии можно разделить на два этапа:

1. Первый складывался после Второй мировой войны. Япония после институциональных реформ, проведенных администрацией США.

2. Второй опирается на осознание особенностей экономического развития.

Послевоенная Япония в результате институциональных реформ, которые были проведены американской администрацией, приступила к реализации своего способа трансформации экономики и при этом ей удалось добиться выдающихся успехов, что подтверждается динамикой экономических показателей. Япония начала постепенно сокращать индустриальное отставание от остальных развитых стран. Следует обратить внимание на тот факт, что правительством страны была грамотно выстроена промышленная стратегия, направленная на поэтапное создание экономики, используя различные методы регулирования [7]. Последовательно, шаг за шагом формировались группы производств и отраслей, которые были способны создавать материальную основу и поставлять ресурсы, необходимые для развития следующих производственных комплексов, входящих в цепочку выпуска конечной продукции.

Этапы экономического чуда, повлекшие за собой ускоренную индустриализацию, включают в себя следующие.

В 1950-е годы реконструировались базовые отрасли — электростанции, угольные шахты, судоходные компании металлургические предприятия.

В 1960-е годы возрождались химическая промышленность, отрасли. Развитие нефтехимических производств дало возможность отказаться от импорта этих продуктов, позволяло экономить финансы и позволяло развивать новейшие технологии. За непродолжительный период времени на основе конверсии военных предприятий и благодаря строительству новых заводов была возрождена автомобильная промышленность, возобновился выпуск радио и бытовой техники.

В 1970-е годы большой сегмент рынка перешел к производству электронного оборудования. В стране активно реализовывались государственные программы, которые финансировались из государственного бюджета, утверждались пятилетние планы развития. К числу приоритетных отраслей в стране, которые получали государственную поддержку, относилась полупроводниковая электротехническая промышленность, судостроение, автомобилестроение, станкостроение [8].

Следующий этап характеризуется тем, что Япония, несомненно, опираясь на технические достижения Запада и заимствуя их ориентировалась на свои национальные особенности.

Надо отметить, что с 50-х XX в. широкое распространение получил экономический феномен «догоняющее развитие национальной экономики». Число стран, которые стремились сократить разрыв по уровню социально-экономического развития с лидирующими государствами, было очень многочисленным. В соответствии с этой стратегией планировали свое развитие страны с запоздалой индустриализацией, они стремились повысить свои производственные и потребительские стандарты до уровня стран, которые шли авангарде мирового развития. Однако примеров успешного сокращения разрыва в мире не так уж много.

Четкая разработка и воплощение стратегии структурных преобразований, создание институциональной инфраструктуры экономического развития с учетом национальных традиций дает все основания считать Японию лидером в этой сфере. Успехи страны привели к цепной реакции во всем Азиатском регионе.

В первую очередь японский опыт реализации промышленной политики использовали стран-«азиатские тигры», которые вступили на путь реформ на десять позже. Затем через еще одно десятилетие была сформирована новая волна последователей, к числу которых относится Таиланд, Малайзия, а также прочие страны Юго-Восточной Азии (ЮВА). При этом особо заметно опыт Японии скопировала Южная Корея [9]. Однако следует отметить, что ключевым отличием японской стратегий от стратегий ее последователей — остальных стран Азии, является состав источников финансирования реформ, институциональных и структурных преобразований.

Если остальные страны в ходе реформ опирались на иностранные, то Япония строго лимитировала приток иностранного капитала и стараясь опираться исключительно на национальные ресурсы, не допуская вливания иностранных инвестиций. Хотя концепцию «догоняющего развития» в науке стали активно пропагандировать в XIX в., пока еще все составляющие в аспекте необходимых экономических и институциональных преобразований учеными четко не сформулированы. Недостаточно проработаны вопросы о близости социально-культурного развития стран об обязательности этого элемента.

Несомненно, что обязательным элементом является заимствование технологий, а иногда и основного капитала за рубежом для ликвидации инновационного и технологического отставания, развитие процессов выпуска национальной продукции огромного скачка в ходе масштабной реструктуризации экономики, а также государственная поддержка собственных товаров на начальных этапах укрепления экспорта. Но каждой стране, идущей по пути модернизации, присущи свои

национальные особенности, обусловленные историческими традициями. 1950–60 года экономика росла с рекордной скоростью 10% прироста ВВП в год [10]. Все 1980 е годы прошли под знаком бурного развития экономики Японии.

Структура экономики Японии в ходе «догоняющего развития» претерпела огромные изменения, она постоянно оптимизировалась, усложнялась, шла по пути уменьшения доли традиционных отраслей экономики и увеличения значимости отраслей, основанных на создании инноваций, заимствованных за рубежом. После войны, когда Япония практически заново начала налаживать контакты с окружающим миром после 250 лет практически автаркичного развития, а затем незначительных внешнеэкономических связей до 50х годов XX в., появилась возможность сопоставить уровни развития техники с зарубежными аналогами: результаты оказались неутешительными, огромный разрыв в экономическом развитии. Японские образцы техники безусловно отставали от Западноевропейских и Американских.

Стремление стать более продвинутой в отношении нововведений нацией нацией легло на благоприятную социально-экономическую почву, учитывая национальный менталитет. В компаниях, как правило, стимулировалось развитие креативных способностей и непрерывного образования. Японцы раньше других западных стран оценили значимость и важность человеческого капитала, и японский менеджмент направлен на максимально эффективное использование приемов управления персоналом. При успешно использовались все виды производственных заимствований из других стран. Японские новаторы придерживались принципа внедрения лучших технологий и образцов продукции, чтобы, усовершенствуя их, сделать еще лучше. Это касалось не только новаций в, но и методов менеджмента [11]. Поэтому долгое время в мире существовало убеждение, что японцы прекрасные подражатели, а не авторы идей. Но постепенное продвижение во многих областях, таких как биотехнологии, оптико-электроника, создание новых материалов и др., изменили мнение о роли Японии

в сфере инноваций. Но потребовались огромные усилия чтобы «Сделано в Японии» стало аналогом высококачественной.

Однако, процессы глобализации, долгосрочное использование чужих, хоть и передовых технологий приводит к тому, то в 1990х годах в экономике Японии начинается спад, из которого она не вышла до сих пор. Перед правительством Японии и представителями крупного бизнеса встает вопрос пересмотра стратегии развития. Экспортно-ориентированная модель развития экономики привела к сильной зависимости от внешних рынков. С этой же проблемой сталкивались другие страны Азиатского региона. Эта диспропорция возникает во время кризисных ситуаций и не имеет однозначных решений. как и вся теория «догоняющего развития». Эта теория следует за глобализацией экономики, так как связана с экспортно-импортными отношениями. Расцвет теории «догоняющего развития» это середина XIX века, когда появились различные теории стадий развития экономики. В конце XIX века Джоном Гобсоном и Рудольфом Гильдерфердингом выдвигается закон о неравномерности экономического, социального и политического развития [12]. Они связывали этот факт с лимитированностью рынка ресурсов более развитых стран, что заставляет их вывозить капитал. Это и дает толчок развитию других стран. Четкое понимание развитие ни кем из экономистов не дано все используют термин экономический рост, который может быть, как положительным, так и отрицательным. Создатели теории модернизации считали, то менее развитые страны должны пройти все стадии развитие, которое проходили и развитые страны.

Таким образом, несмотря на многочисленность теорий модернизации и догоняющего развития мы можем сделать вывод о том, что данная теория имела место быть на протяжении двух веков и показала неплохие результаты, однако ряд причин, связанных с глобализацией, национальными особенностями организации труда приводит к том, что система начинает выдавать непредусмотренные ошибки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иманов Р.А. Моделирование социально-экономических факторов развития догоняющей экономики // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2019. № 2 (18). С. 56–63.
2. Салихова И. С. Компаративистский анализ современных интегральных форм социально-экономического развития // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2019. № 4(50). С. 3.
3. Strategies of economic growth and catch-up industrial policies and management / editors, Hans W. Gottinger and Mattheus F. A. Goosen. Hauppauge, N.Y.: Nova Science Publisher's, 2012. 240 p.
4. Economic dynamism, openness, and inclusion: how Singapore can make the transition from an era of catch-up growth to life in a mature economy / Hian Teck Hoon. New Jersey: World Scientific, 2018. 163 p.
5. Иноземцев В. Л. Экономика и политика глобализации: уроки прошлого для настоящего и будущего // Век глобализации. 2019. № 2(30). С. 3–15.

6. Иванова Н. И., Мамедьяров З. А. Наука и инновации: конкуренция нарастает // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 5. С. 47–56.
7. *Making megacities in Asia: comparing national economic development trajectories* / Du Huynh. Singapore: Springer, 2020. 125 p.
8. *How did Japan catch-up on the west?: a sectoral analysis of Anglo-Japanese productivity differences, 1885–2000* / Stephen N Broadberry, Kyoji Fukao and Nick Zammit. London: Centre for Economic Policy Research, 2015. 45 p.
9. Lee, Keun; Park, Jonghoon; Yoon, Minho *Industry dynamics with diversity in firms' catch-up strategies and demand conditions: a simulation approach* // *Economics of innovation and new technology*. 2017. Volume 26: Issue 8; pp 755–778.
10. Chen, Ying-Hsiu *Estimating the speeds of long-run technological catch-up and growth of total factor productivity for countries* // *The journal of international trade & economic development*. 2018. Volume 27: Number 2; pp 220–234.
11. Сорокина А. В. Роль государственного управления в современной модернизации экономики // *Экономика и предпринимательство*. 2019. № 4(105). С. 590–593.
12. Любимов И. Л. От универсализма к индивидуализму: новые подходы к решению проблем экономического роста // *Вопросы экономики*. 2019. № 11. С. 108–126.

© Шенер Мария Витальевна (shener10@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский городской педагогический университет

НАШИ АВТОРЫ

Agavelyan O. — Doctor of Psychology, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University
oganesagavelyan@yandex.ru

Bakhareva Y. — Teacher-researcher, Novosibirsk State Pedagogical University
yanina.kenkegor.88@mail.ru

Belous O. — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Armavir State Pedagogical University
belous_a@inbox.ru

Bernadskaya K. — Assistant, St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg
9571507@mail.ru

Dokhoyan A. — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Armavir State Pedagogical University
d.a.m@mail.ru

Dudareva M. — Ph.D., Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia
marianna.galieva@yandex.ru

Eremeeva V. — Krasnoyarsk State Medical University named after Prof. V.F. Voino-Yasenetski
valentinkaeremeeva123456@gmail.com

Gunkin I. — Ph.D., is a Senior lecturer of the Vladivostok Branch of the Federal State Educational Establishment of the Russian Federation for the «Twenty Russian Interior Ministry»

Guo Tingting — Graduate student, State University of Management
ting19881229@126.com

Kiseleva A. — Methodologist, Institute of Education Development of Irkutsk Region
nk160493@gmail.com

Kiseleva P. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research Tomsk State University»
polinakiss@mail.ru

OUR AUTHORS

Kolisnyk J. — Lecturer of the Vladivostok Branch of the Federal State Educational Establishment of the Russian Federation for the «Twenty Russian Interior Ministry»
Nazinceva86@gmail.com

Kostyukova T. — Doctor of Education, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research Tomsk State University»
kostyukova@inbox.ru

Kuzmin M. — Assistant Professor, Irkutsk State University
mirroy@mail.ru

Larionova A. — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics»; Associate Professor, National Research Tomsk State University
vktusur@mail.ru

Malykh T. — Assistant Professor, Institute of Education Development of Irkutsk Region
t.malykh@iro38.ru

Mamaeva L. — Teacher, Average comprehensive school № 5, Kotelnich city of the Kirov Region

Meshcheryakova E. — Doctor of Psychology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research Tomsk State University»
mei22@mail.ru

Nersesyants A. — Clinical psychologist, head of the Department of adaptation, LLC «Bude Rasha»
ivan.anna2018@yandex.ru

Nikolaeva T. — Candidate of philosophy, associate Professor, Federal state budgetary educational institution of higher education «Pacific state University», Khabarovsk
tatyana77-07_77@mail.ru

Plotnikova E. — PhD in Philology, Associate professor, Mari State University, (Yoshkar-Ola)
kati_miracle@mail.ru

Salimgareev D. — Postgraduate student, Bashkir State University
remus-102@mail.ru

Shener M. — Associate Professor, GAOU Moscow City Pedagogical University
shener10@mail.ru

Simonova I. — PhD, St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg

Skiba N. — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Armavir State Pedagogical University
natalia-skiba@rambler.ru

Sokolova O. — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Armavir State Pedagogical University
o_v_sokolova@mail.ru

Stetsyuk K. — Perm national research Polytechnic University
Mdvdv60@mail.ru

Titova V. — Assistant of the National Research Tomsk State University
titova.lera.pr@gmail.com

Trebuhina E. — Applicant, Moscow City Pedagogical University
trebuhina@yandex.ru

Varetsa E. — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Armavir State Pedagogical University
lena-zima09@mail.ru

Wang Dan — Far Eastern Federal University (Vladivostok)
wangdan1990112@163.com

Yastrebova L. — Ph.D., Associate Professor, Armavir State Pedagogical University
klarasar@mail.ru

Zyatkova E. — Postgraduate Student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research Tomsk State University»
zyatkova-katya@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

